Экономические и гуманитарные исследования регионов

2/2014

www.cegr.ru.

Регистрационный номер ПИ ФСС77- 39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Почта России 37137

ISSN 2079-1968

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологи, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал
№ 2 2014 г.

Редакционная коллегия:

Несмеянов Е. Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник министерства образования РФ (главный редактор), Говердовская Е. В. – доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора), Акаев В. Х. – доктор философских наук, профессор, Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор, Горелов А.А.- доктор педагогических наук, профессор, Губарь О. В.–доктор экономических наук, профессор, Елисеев В.К.- доктор педагогических наук, профессор, Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор, Муругова Е. В. – доктор филологических наук, профессор, Попов М.Ю. – доктор социологических наук, профессор,Розин М. Д. – доктор философских наук, профессор, Сущий С. Я. – доктор социологических наук, доцент, Тен Ю. П. – доктор философских наук, доцент, Финько М.В.– доктор философских наук, профессор, Цечоев В. К.– доктор юридических наук, профессор, Шенгаров Г. Х. – доктор философских наук, профессор.

© «Экономические и
гуманитарные
исследования регионов»

ИСТОРИЯ

КУЛАЧКОВ В.В. Особенности полиэтничности крестьянства Западного региона России в 1920-е гг. 5

ПЕДАГОГИКА

ВОРОНКОВ А.В., СТАДУЛЬСКАЯ Н.А. Воспитание религиозной толерантности как средство борьбы с экстремизмом и терроризмом 8

МАКСИМЕНКО Е.Ю., ПАЛАМАРЧУК А.В. Взаимодействие школы и семьи как условие развития педагогических компетенций у родителей школьников в трудах отечественных педагогов и деятелей науки 14

ХУСАИНОВА Н.Б. Нравственно-воспитательный потенциал народной педагогики ставропольских туркмен 23

ШУМАКОВА А.В., ТЮРЕНКОВА С.А. Формирование содержания педагогического образования в контексте компетентностной парадигмы образования 30

ПСИХОЛОГИЯ

АРОН И.С. Развитие компетенций социального взаимодействия подростков-сирот в процессе формирования их психологической готовности к профессиональному самоопределению 37

СОЦИОЛОГИЯ

ДЕНИСЕНКО С.Е. Механизмы позитивизации статуса работников полиции в условиях модернизации России 46

ИЗМЕРОВ А.И. Модернизация российской экономики в контексте глобализации мировой рыночной системы 52

ШЕВЧЕНКО А. И. Об особенностях государственной политики регулирования инвалидности Австралии и Японии 59

ФИЛОЛОГИЯ

ГОГИЧЕВ Ч.Г. Оценочность класса «странный человек» в немецком и русском языках 68

ФИЛОСОФИЯ

ДЖИОЕВА Д.А. КОРЫТИНА М.А. Развитие сенсорных технологий и проблема модификации человека в современных исследованиях 74

ЗАХАРОВ Д.С. Проблемное поле философии религии 81

МУСТАФАЕВ Ф.М. Цивилизационные риски в современной России: факторы формирования и социокультурные последствия 89

ЭКОНОМИКА

ДМИТРИЕВА В.Д. Монетарная и фискальная политики в симулятивной экономике 97

ИВУШКИНА Е.Б., КУШНИР И.Б., СТРАДАНЧЕНКО А.А. Стратегии закрепления потребителей турпредприятия 103

ТЕН Ю.П. Символический подход к анализу бренда Кавказа в территориальном маркетинге 111

ТИМИРЬЯНОВА В. М. Оценка региональной дифференциации в степени вовлеченности субъектов рынка в виртуальный рынок потребительских товаров 119

ИСТОРИЯ

УДК 94

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ В 1920-Е ГГ.

Кулачков В.В.

FEATURES MULTIETHNICITY OF THE PEASANTRY WEST REGION OF RUSSIA IN THE 1920S.

Kulachkov V.V.

Статья посвящена особенностям полиэтничности крестьянства Западного региона России в 1920-е гг. Следует отметить, что национальные меньшинства отличались более высоким уровнем развития. Это можно объяснить как более прогрессивными приемами ведения сельского хозяйства, так и трудолюбием. Социокультурная работа среди национальных меньшинств проводилась, но не относилась к числу приоритетных видов деятельности.

The article is devoted to the peculiarities of the polyethnicity of the peasantry of Western region of Russia in the 1920s. It should be noted that national minorities were distinguished by a high level of development. It can be explained both by the more progressive methods of agriculture, and diligence. Sociocultural work among ethnic minorities was carried out, but not belong to number of priority activities.

Ключевые слова: национальные меньшинства, Западный регион России, крестьянство, полиэтничность, специфика, социокультурная деятельность, сельское хозяйство.

Keywords: national minorities, the West region of Russia, the peasants, the polyethnic, specificity, cultural activities, agriculture.

В Западном регионе России (наряду с количественно преобладающим русским населением) проживали представители различных национальных меньшинств. Так, по мнению М.А.Гутиевой «национальная политика РСДРП (б), пришедшей к власти в стране в 1917 г., строилась на принципах интернационализма, ликвидации этнокультурных различий, создания новой исторической общности людей. Однако исторические реалии заставили большевиков вести более гибкую и осторожную политику в национальном вопросе» [6].

В 1920-е гг. (применительно к Западному региону) национальные меньшинства проживали обособленно, особенно не смешиваясь с русским населением. В архивных документах Брянской губернии указывалось, что «компактными массами живут: латыши, эстонцы (Бежицкий уезд), немцы (Жиздринский уезд) и

евреи (местом наибольшего скопления евреев являлся гор. Почеп). Белорусы, украинцы и литовцы частью ассимилировались, частью разбросаны среди основной массы населения и среди них особой работы не велось. Поляки также частично ассимилировались, частично распылились в незаметном количестве среди русских» [1].

Как отмечают В.П.Пичуков и М.И.Старовойтов, «в населении национальных меньшинств, проживавшем на Гомельщине в сельской местности, количественно преобладали украинцы, поляки и русские. Немцы-колонисты значительно уступали им по численности, а латыши, чехи были представлены небольшим группами. Украинские и русские крестьяне по своему социально-экономическому положению в целом ничем не отличались от белорусского сельского населения. Было официально признано, что польское, немецкое, латышское, литовское население в культурно-хозяйственном отношении находилось на более высоком уровне, чем белорусские крестьяне. Это проявлялось, в улучшенном, 4-х-6-ти польном севообороте, разведении элитных пород скота (немцы, латыши), интенсивном развитии молочного животноводства (немцы)» [7]. В Брянской губернии ситуация с положением указанных национальных меньшинств была практически аналогичной. В частности, органы власти объясняли более высокий уровень жизни национальных меньшинств по сравнению с русским населением многими факторами. Так, в протоколах заседаний бюро и совета нацменьшинств при агитпропотделе Брянского губкома ВКП (б) за август 1926 – март 1927 гг. указывалось, что «сравнительно хорошее материальное благополучие всех групп нацменовских крестьян объясняется не тем, что они все кулаки и помещики, а их трудолюбивостью, интенсивной обработкой земли и более культурными приемами скотоводства (которые они унаследовали от своих бывших родин – Германии и Прибалтики)» [2].

Многие члены партии считали, что работа среди национальных меньшинств не является актуальной и престижной деятельностью. В протоколах заседаний бюро и совета нацменьшинств при агитпропотделе Брянского губкома ВКП (б) за август 1926 – март 1927 гг. отмечалось, что в начале работы трудности встречались неимоверные: «на нацменовскую работу смотрели как «едва ли терпимое зло», а на нацменработников как «незаконнорожденных» работников. По отношению к евреям говорили, что они все нэпманы, крупные торговцы, а поэтому нечего с ними «возиться». Латышей, эстонцев и немцев обычно классифицировали » как кулаков и помещиков» [3].

В Смоленской губернии проблемы в работе с национальными меньшинствами, в первую очередь, заключались в том, что инструкторы фактически должны были надеяться только на себя. В информационной сводке Смоленского губернского комитета ВКП (б) за июнь 1923 г. сообщалось, что «за отчетный месяц в Латбюро работы никакой не было ни в Смоленске, ни по периферии. Что касается работы на местах, то она не ведется в связи с отказом работать со стороны латинструкторов, т.к. физически им работать невозможно. Один инструктор смещен, заместителя еще нет. В Демидовском уезде выделенный товарищ не работает. Работа - в общем и целом стала» [4].

В Гомельской губернии партийные органы власти также отмечали своеобразие работы с латышским населением. Так, в отчете секретаря гублатсекции при губкоме РКП (б) Плакше, датируемом 29 августа 1925 г., отмечалось, что «латышское население в культурном уровне в смысле ведения хозяйств и грамотности стоит много выше русского. В общественно и политическом отношении ниже гораздо русского, а потому надо обратить серьезное внимание для поднятия уровня как общественного, так политического, хотя наравне с русскими, на что требуется много усилий, а также средств» [5].

Экономически национальные меньшинства в Западном регионе были более развиты, чем русское население. Однако в условиях поддержки советской властью беднейшего слоя данное обстоятельство приводило к некоторой дискриминации национального населения. Как и среди русского населения проводилась работа по повышению социокультурного уровня представителей других национальных , однако, партийцы не считали ее престижным видом деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф.П-ОП.1.Д.1597.Л.83.
2. ГАБО.Ф.П-1.ОП.1.Д.1597.Л.84.
3. ГАБО.Ф.П-1.ОП.1.Д.1597.Л.83-84.
4. ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Смоленской области). Ф.3.ОП.1.Д.1944.Л.75.
5. ГАООГО (Государственный архив общественных объединений Гомельской области). Ф.1.ОП.1.Д.2659.Л.102.
6. Гутиева М.А. Народный Комиссариат по делам национальностей РСФСР и процесс национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917-1923 гг. //

Экономические и гуманитарные исследования регионов. №2, 2011.С.3.
7. Пичуков В.П., Старовойтов М.И. Гомельщина многонациональная (20-30-е годы XX века). выпуск I.-Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины,1999.с.91.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЯТИГОРСКОГО МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)

Воронков А.В., Стадульская Н.А.

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF RELIGIOUS TOLERANCE (ON THE EXAMPLE OF THE PYATIGORSK'S MEDICAL - PHARMACEUTICAL INSTITUTE)

Voronkov A.V., Stadulskaya N.A.

Цель данной статьи – осветить проблему экстремизма и терроризма среди молодежи и описать комплекс психолого-педагогических и воспитательных превентивных мер, направленных на формирование религиозной толерантности среди студентов Пятигорского медико-фармацевтического института.

The purpose of this article is to highlight the problem of terrorism and extremism among young people and to describe the complex of psycho-pedagogical and educational preventive measures aimed at creating religious tolerance among students in Piatigorsk's Medical-Pharmaceutical Institute.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, толерантность, комплекс мер, поликультурный регион

Keywords: extremism, terrorism, tolerance, set of measures, multicultural region

Современную эпоху можно охарактеризовать как период политического, экологического и нравственного кризиса. Характерной чертой сегодня стали нестабильность, деструктивность поведения представителей мирового сообщества, рост религиозных сект, влекущих стремительное распространение экстремизма и терроризма. Конструктивное взаимодействие социума с

разнообразными ценностями, политическими, религиозными, этническими ориентирами, представляется возможным достичь только на общей платформе норм социально-толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия. Формирование установок толерантности, миролюбия, веротерпимости, профилактика противодействию экстремизму и терроризму имеет для многонациональной страны особую актуальность.

В современной России экстремизм и его крайнее выражение – терроризм – стали едва ли не главной угрозой человеку и обществу: противодействие им становится одной из основных задач обеспечения национальной безопасности – для любой страны вне зависимости от ее географического положения, размеров территории, численности населения и экономического состояния. Современная молодежь более всего подвержена влиянию религиозного экстремизма. В настоящее время религия – это не просто «опиум для народа», а мощное идеологическое оружие, направленное на дестабилизацию как самого человека, так и общества. История развития человечества и межличностных отношений в социуме убедительно доказывает, что истоки экстремизма берут свое начала с зарождения самого человечества. Предтечи этого явления показывают, что в его природе лежит выражение крайних взглядов и установок определенных социальных сил, обладающих способностью проникать во все сферы социума и социальных отношений. История религиозного экстремизма прослеживается с древнейших времен. Так, первыми «экстремистами» можно назвать идейных вдохновителей иудейских восстаний в Римской империи – зелотов, которые боролись против власти Рима, как при помощи оружия, так и при помощи лозунгов религиозного характера. В средние века в странах католической Европы меры экстремистского характера применялись к евреям и арабам (изгнание евреев из Испании, сожжения евреев и лиц иной национальности по подозрению в исповедании иудаизма). В XIII веке на мировую историческую арену выходит ваххабизм. Основатель секты ваххабитов Муххамед ибн Абу-аль-Ваххаб боролся за чистоту и возвращение к начальным, незамутненным современными ему веяниями исламским принципам и традициям. Именно он добавил к пяти столпам ислама (вера – добровольные пожертвования – пятикратная молитва – пост в рамадан – паломничество в Мекку) шестой столп – джихад («священная война») [Малерб, 1997]. В России новые религии, представляющие собой симбиоз элементов восточных культов, язычества,

фантастической беллетристики и упоминаний о христианстве (например, «Белое братство», «Церковь Третьего завета», «Звенящие кедры» (Анастасиевцы)) также стали деструктивными культами, выступающими под флагом Православия. Еще одним распространенным явлением на сегодня стали антицерковные панк-сообщества, например, Pussy Riot, которые навязывают ложные ценности и на популизме завоевывают большое число адептов.

Можно приводить бесконечное число подобных примеров, но суть сводится к одному постулату – в системе известных мировых религий в определенные моменты истории возникают и развиваются определенные секты. Такие секты зачастую становятся тоталитарными, они извращают суть и содержание религиозных концепций, направляют все свои усилия на нарушение прав членов сообщества, и тем самым, наносят им вред путем использования определенной методологии, называющейся «контролирование сознания». Злободневным стал тот факт, что на фоне тотального религиозного невежества молодежи России новоявленные поборники «чистоты веры» действуют свободно и уверенно. Разработанные ими методики позволяют поэтапно набирать новые отряды последователей и зомбировать неокрепшие умы с целью распространения радикальных идей и организации террористических акций. В отличие от сект, в «традиционных» религиях превалируют те здравые начала, благодаря которым они «вписываются» в современное общество и приспосабливаются к новым реалиям. Лозунги деструктивного содержания характерны для так называемых «новых религиозных течений», лидеры которых, стремясь как можно жестче утвердить свои религиозные и идеологические взгляды, любой ценой стараются навязать их своим приверженцам. Отстаивая свои идеи, они апеллируют не к разуму, а к чувствам, верованиям, предрассудкам и примитивному сознанию людей. В результате чего верующие теряют способность к критическому суждению об окружающей действительности, искажается их сознание по отношению к общественно полезному труду, семейным и родственным обязанностям, защите интересов своего народа и государства.

Экстремизм на религиозной основе – это приверженность в религии к крайним взглядам и действиям. «Основу такого экстремизма составляют насилие, крайняя жестокость и агрессивность, сочетающиеся с демагогией» [2]. Религиозный экстремизм толкует любое религиозное Писание с точки зрения личностной и политической прагматики. Однако на практике это приводит к требованию принять собственную интерпретацию

любого Священного Писания лидерами экстремистских организаций в качестве единственно верного вероучения. Особенно наглядно это выражается в исламе, где экстремистские движения возглавляются отдельными харизматическими личностями, самовольно интерпретирующими Коран и Сунну. Религиозный экстремизм представляет собой фундаментальное искажение морально-этического «ядра» вероучения в угоду политических задач. При этом разрушаются нравственные принципы и нормы, которые необходимо характеризовать как общечеловеческие. Как указывает А. Камю, «… всякая моральная развращенность есть вместе с тем развращенность политическая, и наоборот» [3].

Сегодня молодежный экстремизм пренебрегает действующими в обществе правилами поведения, отрицает закон, организует неформальные молодежные объединения противоправного характера, создает собственную религию, которая отвергает постулаты светского общества. Экстремисты не толерантны к членам сообщества, принадлежащим другим социальным группам и этносам. Нетерпимость проявляется к людям, которые придерживаются иных политических, экономических, правовых, эстетических, моральных и религиозных идей. Таким образом, развитие молодежного экстремизма представляет собой явление слабой социальной адаптации молодежи, асоциальные установки сознания, влекущие противоправные образцы поведения членов сообщества.

Тенденция втягивания молодежи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена недостаточно эффективной реализацией государственной молодежной политики. В результате часть молодежи попадает под влияние чуждых нам идеологических установок, что приводит в ряде случаев к восприятию государственных органов как врага, а не партнера.

Современная поликультурная среда в вузах отличается духовно насыщенной атмосферой, которая объединяет в сообщества студентов для привлечения их в деловые и межличностные контакты. Такая среда определяет их кругозор, манеру поведения и мышления, стимулирует в студентах потребность приобщаться к общенациональным и общечеловеческим культурным и духовным ценностям. Особенно ярко это взаимодействие наблюдается в вузах Северного Кавказа, поскольку их отличительной чертой является многокультурный, многоконфессиональный и полиэтнический контингент. Именно такая среда входит в зону «экстремистского» риска и именно в таком неоднородном контингенте следует воспитывать чувство толерантности, в данном контексте

означающее развитие межличностных отношений, основанных на принципах солидарности, справедливости, нетерпимости к любому виду насилия. Чтобы в полной мере охватить процесс воспитания, безусловно, требуется комплекс мер, сочетающийся с индивидуально-деятельностным подходом.

В процессе воспитания светской личности мы использовали, прежде всего, организационно-содержательные мероприятия, опираясь на релевантные психолого-педагогические методы и приемы формирования толерантного поведения студентов. Среди наиболее успешных выделим: психолого-просветительские формы работы, включающие лекции, доклады, дискуссионные клубы и круглые столы, проводимые на всех этапах обучения, будь то работа в аудитории или вне ее в форме кураторских часов, общественных собраний или встреч с известными личностями региона. Так, например, в стенах института уже стали традиционными встречи с представителями РПЦ. Епископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт провел ряд встреч со студентами Пятигорского медико-фармацевтического института по следующим актуальным вопросам: «Роль общества и социальных институтов в воспитании личности: проблемы и решения»; «Семья на Кавказе: общность культурных традиций в воспитании личности»; «Русский народ: современность и перспективы»; «Российская государственность на Кавказе». Эти встречи позволили студентам по-новому взглянуть на существующие противоречия этносов и религий, ведь основный вывод всех этих бесед сводится к тому, что студентам следует сохранять и преумножать в себе честность и добропорядочность, отстаивать в своем сердце и душе те нравственные и духовные ценности, на которые следует ориентироваться современному обществу.

Работающий в стенах вуза Студенческий совет с первых дней поступления курирует младшие курсы. Именно ему принадлежит идея организации ежегодных выставок фотографий, рисунков, эссе и стенгазет, по таким актуальным темам, как: «Экстремизм и терроризм – угроза миру», «Экстремизм и его жертвы», «Толерантность – ответ экстремизму» и т.д. Отметим также и «Дни национальной культуры», направленные на формирование фоновых знаний у студентов о культуре, языке, традициях и обычаях народов России и зарубежья (в институте учатся иностранные студенты из Марокко, Алжира, Туниса, Сирии и пр.).

Условия психологической поддержки реализуются в рамках функционирующей в вузе психологической помощи студентам. Такая психологическая поддержка помогает разрядить негативные

чувства, связанные с опытом переживания дискриминации по признаку национальности, религии или личной идентичности. В рамках этой работы со студентами проводится ряд семинаров-тренингов («Строим большой дом», «Капля терпения», «Поделись улыбкою своей» и пр.), основными задачами которых является развитие чувства собственного достоинства и умение уважать достоинства других, развитие способности к рефлексии, формирование положительного отношения к своему и другому народу, изучение стратегий решения конфликтных ситуаций.

Нельзя забывать и опыт Советского Союза, когда воспитание патриотизма было нацелено на сплочение наций и народностей страны. В рамках этой парадигмы мы развиваем у молодежи следующих принципы современного международного права: мирное сосуществование государств и народов, неприменение силы и угрозы в диалоге культур, равноправие и самобытность народов, уважение прав человека и основных свобод, невмешательство во внутренние дела других государств. Реализация патриотического воспитания проходит по двум основным направлениям: воспитание чувства долга и памяти перед подвигом героев страны [1] и спортивное военно-патриотическое воспитание [2]. Первое реализуется в праздновании знаменательных событий, таких как День Победы, День Конституции, День воинской славы: обычно в эти дни студенты-волонтеры Пятигорского медико-фармацевтического института навещают ветеранов и участников ВОВ, проводят с ними встречи памяти и концерты. Второе направление реализуется в рамках внутренних организаций (например, спортивный клуб «Папоротник», студенческие отряды «Аквилон» и «Атлант») и с привлечением внешних учреждений. Так, например, ПМФИ уже несколько лет сотрудничает с Военно-патриотическим клубом «Пернач», главная цель которого – воспитание в подростках уважения к своей Родине, традициям и истории народов Северного Кавказа, поднятие престижа службы в ВС РФ. На базе этого клуба студенты института регулярно участвуют в сборах, соревнованиях, выставках и тренингах.

Важнейшим условием формирование толерантности у молодежи сегодня стал диалог между разными общностями, поскольку именно диалог является краеугольным камнем глобального ответа на любого рода конфликты и насилие, прежде всего те, что основаны на фанатизме и нетерпимости. В рамках воспитательной работы администрация вуза регулярно организует встречи студентов и представителей диаспор Северного Кавказа,

которые помогают разобраться в конфликтных ситуациях, а также способствуют развитию взаимоуважения и сотрудничества.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что толерантность не возникает по одной какой-то причине. Как правило, – это результат комплексной работы в одном направлении: чем больше охват актуальных вопросов по затронутой проблеме (атмосфера в семье, образовательная среда, диалог языков и культур, религиозное и патриотическое воспитание, психологическая поддержка, дружба и равноправие), тем более успешной является работа по воспитанию толерантной личности студента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варьяс М. Ю. Религиозная мораль и политико-правовая действительность: теологический аспект // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 57.
2. Дворкин А. Осторожно, секта! 10 вопросов навязчивому незнакомцу. – М., 2000. – 48с.
3. Камю А. Бунтующий человек. М.: Терра, 1999.-С.204.Лопаткин Р.А. Религиозный фундаментализм и экстремизм: политическое измерение// Круглый стол //http://www.religare.ru/article4037.htm.- С. 13.
4. Малерб, М. Религии человечества / М. Малерб. М.: «Рудомино», «Университетская книга», 1997. - 601 с.

УДК 37

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШКОЛЫ И СЕМЬИ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У РОДИТЕЛЕЙ ШКОЛЬНИКОВ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГОВ И ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ

Максименко Е.Ю., Паламарчук А.В.

INTERACTION OF SCHOOLS AND FAMILIES AS A CONDITION OF PEDAGOGICAL COMPETENCIES OF STUDENTS' PARENTS IN THE WORKS OF NATIVE TEACHERS AND ACADEMICS

Maximenko E. Yu., Palamarchul A.V.

В статье рассматривается идея, согласно которой условием развития педагогических компетенций у родителей школьников является взаимодействие школы и семьи. Научные труды А.Б.Залкинда, И.А.Арямова, Н.К.Крупской, Е.А.Аркина, П.П.Блонского, А.С.Макаренко, М.М.Рубинштейна, В.А.Сухомлинского, Ш.А.Амонашвили, А.Ю.Гранкина и др. являются методологическим обоснованием справедливости этой идеи в следующих

аспектах: единство и целостность школьного и семейного воспитания, гуманизация в основе взаимодействия школы и семьи, педагогическое просвещение, его методы и формы, формирование у родителей активной педагогической позиции, вовлечение их в учебно-воспитательный процесс школы, педагогическое самообразование отцов и матерей, классный руководитель как организатор школьно-семейного взаимодействия.

This article discusses the idea that the condition for the development of pedagogical competences of pupils' parents is the interaction of the school and the family. Scientific papers of A.B.Zalkind, I.A.Aryamov, N.K.Krupskaya, E.A.Arkin, P.P. Blonskii, A.S. Makarenko, M.M.Rubinshteyn, V.A.Suhomlinsky, Sh.A.Amonashvili, A.Yu.Grankin and others are methodological basis for the validity of this idea in the following aspects: unity and integrity of the school and family education, humanization based on the interaction of schools and families, teacher education, its methods and forms, formation of active parents teaching positions, their involvement in the educational process of the school, teacher self-education of fathers and mothers, the class teacher as an organizer of school-family interaction.

Ключевые слова: педагогические компетенции, взаимодействие, педагогическое просвещение, самообразование.

Keywords: pedagogical competence, cooperation, teacher education, self-education.

В исследовании методологических основ развития педагогических компетенций у родителей школьников мы опирались на труды известных отечественных педагогов: А.Б.Залкинда, И.А.Арямова, Н.К.Крупской, Е.А.Аркина, П.П.Блонского, А.С.Макаренко, М.М.Рубинштейна, В.А.Сухомлинского, Ш.А.Амонашвили, А.Ю.Гранкина и др. В частности, в трудах А.Б.Залкинда основой родительской педагогики выступает обоснование необходимости разностороннего развития детей в семье путем включения их в различные видыдеятельности, воспитание их в труде, создание в родительском доме здоровых нравственных отношений. Эта мысль получила развитие в трудах последующих педагогов. Концепция И.А.Арямова основывалась на непрерывной связи родителей со школой, вооружении родителей педагогическими знаниями, требовании последовательного и систематического интеллектуального развития детей в семье, вовлечении их в семейные трудовые дела. В трудах Н.К.Крупской показана необходимость непрерывного педагогического просвещения родителей, сотрудничества школы и семьи, дано обоснование содержания, средств и методов педагогического воздействия родителей на детей. Е.А. Аркиным разработан основанный на возрастной периодизации детей личностный подход к их воспитанию в семье, охарактеризованы содержание и методы полового воспитания в условиях

родительского дома, даны рекомендации по предупреждению типичных ошибок в семейном воспитании.

П.П.Блонский создал систему семейного воспитания, ориентирующую родителей на целостное развитие личности, учитывающую природные особенности организма ребенка и влияние на него социальной среды. Эта система направлена на развитие у детей самостоятельности, инициативы, творчества, уникальности. В трудах П.П.Блонского обоснована необходимость воспитания целомудрия, надзора за подростками, юношами и девушками в целях предупреждения половой распущенности, раскрываются вопросы полового воспитания школьников как составной части формирования нравственно целостной личности.

Доминирующей идеей А.С.Макаренко является воспитание в семье как специфическом разновозрастном коллективе, где цели личности должны быть подчинены интересам общества. Значима мысль А.С.Макаренко о том, что «семью от школы отделить нельзя» и что школа должна осуществлять педагогическое руководство семьей, влиять на создание здорового воспитательного климата в семье. Педагог считал возможным и целесообразным воздействие школы на родителей через учителей. Они призваны нести научные педагогические знания родителям. При этом помощь семье может быть оказана выпуском и распространением специальной литературы, краткосрочными обязательными курсами для родителей, их инструктированием, наблюдением за семьей [4, С.356].

Являясь представителем антропологизма в педагогике, М.М.Рубинштейн рассматривал воспитание ребенка в единстве с закономерностями развития соматических структур и влиянием наследственности. Семья должна осуществлять преимущественно формирование «нерассудочных черт», а также удовлетворять детскую потребность в стремлении к самостоятельности во всех видах деятельности, развивать склонность к рефлексии, самоанализу. Ученый уделял большое внимание половому воспитанию детей в семье и школе. По мнению М.М.Рубинштейна родителям и школьным педагогам следует подавлять в разумных пределах половые влечения подростков, юношества и переключать их внимание на различные виды общественно полезной деятельности, развивать интерес к творчеству, самосовершенствованию.

Семейная педагогика В.А. Сухомлинского основывалась на принципе единства школьного и семейного воспитания. Педагог

утверждал, что школа должна быть проводником педагогических знаний не только среди родителей, но и всего населения. К задачам конструктивного взаимодействия педагогов и родителей В.А.Сухомлинский отнес изучение учителями семей их питомцев с целью выявления их способностей, а также формирование у родителей активной педагогической позиции, вовлечение их в учебно – воспитательный процесс школы. Чтобы семья могла активно участвовать в жизни школы, осуществлять единую линию в учебно – воспитательной работе, необходимо непрерывное повышение общекультурного и педагогического уровня родителей, всего взрослого населения. Целью работы университета культуры для родителей является воспитание у них многогранных культурных интересов и запросов, формирование адекватных взглядов на науку и культуру.

Педагог был уверен в том, что «школьно – семейное воспитание» вполне позволяет воспитывать молодое поколение в духе требований времени и в то же время является одним из условий совершенствования нравственного облика отца и матери, других членов семьи. В.А.Сухомлинский утверждал, что без воспитания детей, без активного участия их родителей в жизни школы, без постоянного духовного общения и взаимного духовного обогащения взрослых и детей невозможна сама семья как первичная ячейка общества, невозможна школа как важнейшее учебно – воспитательное учреждение, невозможен моральный прогресс общества [8, С.11-12].

В практике созданной В.А.Сухомлинским Павлышевской школы успешно применялись разнообразные формы совместной работы школы и семьи по воспитанию детей. Педагогический коллектив постоянно поддерживал связь с семьями, родители проводили большую коллективную и индивидуальную работу с детьми. Представляет интерес тот факт, что в Павлыше время от времени занятия в родительской школе проводились отдельно с матерями и отцами. Это помогало при разъяснении вопросов, связанных с половым воспитанием обучавшихся.

С позиций единства школьного и семейного воспитания В.А.Сухомлинский доказал необходимость систематического участия родителей, общественности в воспитательной работе школы, разработал систему педагогического самообразования родителей с учетом особенностей возраста их детей, показал специфику индивидуальной работы школы с родителями. Их внимание акцентировалось на том, в чем заключается многогранность духовной жизни семьи, как построить эту жизнь,

как добиться того, чтобы с детства ребенок жил в атмосфере любви и уважения к добру и справедливости. Анализируя и обобщая многолетний опыт работы родительской школы, В.А.Сухомлинский утверждал, что учителя должны раскрывать родителям следующую закономерность: от того, чем живет семья, от ее духовных запросов, интересов и устремлений зависит интеллектуальное, эстетическое, нравственное и физическое развитие ребенка, его жизненный путь.

Весомый вклад в разработку принципа взаимодействия школы и семьи внес Ш.А.Амонашвили. Семья и школа едины в определении цели и задач воспитания, в понимании того, как и в каком направлении «тянуть воз воспитания» [2, С.96]. В свете сказанного связь школы с семьей он называет «союзом земли и воды», «союзом двух богов» и говорит о том, что оба бога сильные, но если нарушится их союз и один из них начнет враждовать с другим, то оба потеряют божественное начало [2]. По мнению Ш.А.Амонашвили интеграция воспитательных усилий школы и семьи заключается в духовном воспитании личности, формировании интеллигентности и нравственности. Способствовать становлению и развитию в ребенке личностных качеств, направлять его на путь служения Истине, Добру, Красоте, справедливости, облагораживать душу и сердце растущего человека – такова задача сотрудничества школы и семьи в воспитании подрастающего поколения. Ш.А.Амонашвили акцентирует внимание на вопросе единства и целостности воспитательных усилий родителей и учителей: «Нужна не просто связь школы с семьей. Нужна целостность воспитания, целостность подхода к ребенку. Она должна выражаться в общей заинтересованности родителей и учителей в организации гуманной педагогической среды вокруг каждого ребенка, она должна выражать ведущую роль школы в организации этой среды» [2, С.97]. Целостность школьного и семейного воспитания Ш.А.Амонашвили рассматривает как процесс становления, совершенствования и восхождения души и духовности человека. Конкретным проявлением целостности семейного воспитания он считает ведущую роль школы в определении общей направленности семейного воспитания, в привлечении семьи к планированию и осуществлению воспитательного процесса в школе. Формами взаимосвязи школы и семьи выступают общение учителей и родителей в процессе

выполнения последними педагогических поручений, общественной работы в школе; педагогическая пропаганда среди родителей, населения; родительские собрания. «Родители, - пишет Ш.А. Амонашвили, - имеют право знать, как именно учится их ребенок в школе. Мы обязаны давать им полезные советы о воспитании и помощи ребенку в семье» (2, С.190).

Цель в работе с родителями, отмечал Ш.А. Амонашвили, во – первых, в том, чтобы родители приняли школу как дом души и сердца своих детей и потому постоянно заботились о ней, приходили к ней на помощь; во – вторых, в том, чтобы помочь родителям устанавливать гуманно – личностные взаимоотношения с детьми в семье. Ш.А. Амонашвили пишет о том, что школа должна обращать внимание родителей в первую очередь на воспитание в ребенке таких качеств, как доброта, справедливость, мужество, стремление к знаниям. Общение в семье способствует утверждению личностной позиции ребенка. Школа создает у родителей содержательное представление о жизни и развитии ребенка, о его продвижении и пробелах в знаниях, о его возможностях, положительных и отрицательных чертах формирующегося характера. В результате у них возникает вера в ребенка, они проникаются глубоким доверием к учителю. Вот почему родители должны интересоваться школьной жизнью ребенка, с уважением относиться к мнению его учителей и товарищей, вселять в него любовь и уважение к каждому, не возвышать его над другими и не принижать, развивать в нем чувство ответственности.

Упрочение связи школы с семьей строится на основе принципа гуманизации: «Гуманная школа должна быть открытой для родителей, она должна стать и школой для постижения родителями сути гуманной педагогики…» [1, С.49 . Принцип гуманизации распространяется на единые требования к детям в воспитании. Это единство должно заключаться не в том, чтобы один из взрослых оправдал и поддерживал санкции другого независимо от того, справедливы они или нет, а в том, чтобы оно утверждало в ребенке личность, раздвигало границы его прав и свободы, вызывало в нем ответные чувства [1, С.51].

Школа, по Ш.А.Амонашвили, должна организовывать работу с родителями обучающихся, сочетая индивидуальные и коллективные формы. Для усиления влияния школы на качество

семейного воспитания она предоставляет родителям возможность присутствовать на уроках, внеклассных занятиях. Родители привлекаются к руководству занятиями в кружках, к проведению экскурсий, бесед с детьми. Для родителей устраиваются концерты обучающихся, смотры результатов их творческой деятельности.

Вопросы взаимодействия школы и семьи в постсоветский период широко освещены в исследованиях И.П.Подласого. В его учебнике «Педагогика» семейное воспитание определяется как «управляемая система взаимоотношений родителей с детьми» [5, С.223-226]. Педагог рекомендует в процессе взаимодействия учителей с родителями обучающихся чаще применять следующие правила воспитания: учет постоянно изменяющихся и усложняющихся условий жизни общества и семьи, искренняя, преданная любовь к детям («любите детей, и они станут воспитанными без дополнительных усилий с вашей стороны»), сознательная дисциплина, проявление ласки и др. [5, С. 227].

Научную ценность представляют труды Т.А.Стефановской, в которых освещаются функции и деятельность классного руководителя как организатора и руководителя целостного педагогического процесса, осуществляемого всеми учителями, работающими в данном классе, и родителями учащихся. Теоретическое и практическое значение имеют изложенные Т.А.Стефановской типичные варианты взаимодействия классного руководителя с родителями обучающихся, а именно: формально – административный, терпимо-дружественный, товарно-денежный, конфликтный. Исследователь показала, что каждый из этих вариантов определяет соответствующую позицию семьи и школы.

Новым, специфическим направлением в индивидуальной работе школы с родителями Т.А.Стефановская считает «опору на старших друзей микроколлективов». Это означает, что по желанию учащихся и их родителей выбираются родственники, старшие друзья, которые периодически ведут воспитательно – образовательную работу с детьми (индивидуальную или групповую); помогают им в организации самостоятельных занятий, культурного отдыха, совместного чтения и обсуждения интересных книг и др.

В наши дни не утратили своего значения выводы автора о том, что «во взаимодействии классного руководителя с родителями обучающихся более эффективными являются групповые и индивидуальные формы работы, так как каждая

семья имеет свои особенности, свои жизненные ценности. Искусство взаимодействия классного руководителя с семьями обучающихся заключается в выборе оптимальных массовых, групповых и индивидуальных форм работы с родителями [7, С.145].

Повышению уровня педагогической осведомленности родителей в современных условиях посвящены исследования М.В. Коркиной. Автором разработан и реализован в школах г. Нижний Новгород проект «Осознанное детство», в задачу которого входит повышение статуса родителей, оказание помощи отцам и матерям в выполнении их воспитательной, оздоровительной, познавательно – образовательной, духовно – нравственной, культурно – просветительной, досуго – творческой функций, в формировании у обучающихся осознанного отношения к любви, семье, браку на основе самопознания и самосовершенствования. В реализации проекта использовались такие формы, как «материнская школа», «школа социальной зрелости», дискуссионные клубы родителей и обучающихся, лектории «Экология души», «Познай себя», видеоклубы и др. Осуществлялся родительский всеобуч, проводились консультации педагогов, психологов, врачей, юристов и др.

Реализация проекта способствовала повышению уровня педагогических знаний родителей, упрочению статуса семьи в сознании обучающихся, приобщению последних к здоровому образу жизни [3, С.67-75].

Ряд теоретических положений, относящихся к исследуемой проблеме, раскрывается в работах В.И.Смирнова. В его учебном пособии, изданном в серии «Учебник двадцать первого века», характеризуются функции семьи, в том числе воспитательная. Автор утверждает, что педагог должен уметь применять адекватные методы изучения и анализа воспитательных возможностей семьи; прогнозировать предполагаемые результаты формирования личности обучающихся в условиях данной семьи; планировать воспитательную деятельность родителей; устанавливать целесообразные, добрые отношения с семьями обучающихся; оказывать помощь в повышении уровня педагогических знаний матери и отца, в решении повседневных конкретных воспитательных задач семьи [6, С.167].

Весомый вклад в разработку проблемы взаимодействия школы и семьи внес А.Ю.Гранкин. В докторской диссертации «Развитие теории семейного воспитания в России (1917 - 1991 гг.) (Пятигорск: ПГЛУ, 1991) он проанализировал идеи, концепции, теории воспитания детей в семье, раскрыл содержание и основные направления развития отечественной родительской педагогики, формы взаимодействия школы и семьи.

Выполненный нами анализ научных трудов вышеназванных педагогов и деятелей науки позволяет утверждать, что основным условием развития педагогических компетенций у родителей школьников является взаимодействие школы и семьи. Сущностными характеристиками такого взаимодействия являются непрерывная связь родителей со школой, партнерство, основанное на взаимопонимании, уважении, доверии; педагогическое просвещение родителей, акцентирование внимания на основах семейного воспитания;включение родителей в различные виды учебно-воспитательной деятельности школы;основанный на возрастной периодизации личностный подход к воспитанию детей в школе и семье;развитие мотивации родителей на самообразование;единство и целостность воспитательных воздействий родителей и учителей на ребенка, формирование у родителей активной педагогической позиции;оказание педагогами помощи родителям в решении повседневных конкретных воспитательных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш.А. Школа Жизни. М., 2000. - 80с.
2. Амонашвили Ш.А. Здравствуйте, дети! М., 1983. -208с.
3. Коркина М.В. Проект «Осознанное детство» // Классный руководитель. 2008. №7. С.67-75.
4. Макаренко А.С. Пед. соч.: в 8-ми т. Т.4.1988. -300с.
5. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс: учебник для студ. пед. вузов. В 2 кн. М., 2008. Кн. 2.-576с.
6. Смирнов В.И. Общая педагогика: учеб. пособие. Изд. 3. М., 2010. -304с.
7. Стефановская Т.А. Классный руководитель: Функции и основные направления деятельности: учеб. пособие. М., 2006. - 192с.

8. Сухомлинский В.А. Избр. пед. соч. в 3-х т. Т.2. М., 1980. -288с.

УДК 37

НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ СТАВРОПОЛЬСКИХ ТУРКМЕН

Хусаинова Н.Б.

ETHICAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF STAVROPOL'S TUKMEN NATIONAL PEDAGOGY

Khusainova N.B

В статье рассматриваются нравственно-воспитательные идеи народной педагогики ставропольских туркмен. Анализ автором их народно-педагогического наследия подтверждает существование у них самобытной воспитательной системы, наличие в них разнообразных воспитательных подходов, которые заслуживают внимания не только с познавательной точки зрения, но могут быть с успехом использованы в развитии педагогической теории и практики.

The article is devoted to moral-educational ideas of national pedagogy of Stavropol's Turkmen. The analysis confirms with the author of their national and pedagogical heritage existence at them original educational system, existence in them various educational approaches which deserve attention not only from the informative point of view, but can be used with success in development of the pedagogical theory and practice.

Ключевые слова: традиционно-бытовая культура, нравственное воспитание, нравственный идеал, принципы воспитания, методы и средства нравственного воспитания.

Keywords: traditional-everyday culture, moral training, people training, moral ideal, the principles of training, methods and the means of the moral training.

Народная педагогика - составная и неотъемлемая часть общей духовной культуры народа. Великий русский педагог К.Д. Ушинский предполагал, что народная педагогика возникла в глубокой древности, что она исторически предшествовала научной педагогике и влияла на её ранние формы.

Народная педагогика – это воспитательные традиции конкретной этнической группы. В народной педагогике большое значение имеет преемственность поколений. Чем теснее и глубже эта преемственность, тем лучше для жизни старших и воспитания молодых. Г. Н. Волков высказал о народной педагогике замечательную мысль: «Не говори о любви к детям, если не почитаешь старых».

Исследователи древнерусской педагогики Н.Х. Вессель, М.П. Демков, П.Ф. Каптеров показали взаимовлияние и взаимообусловленность официальной и народной педагогики, их взаимообогащение. Анализ источников показывает, что современное воспитание тесно перекликается с идеями и мыслями, выраженными в памятниках народной педагогики: в поговорках, пословицах, сказках, преданиях. Более того, некоторые предания народ непосредственно связывает с поступками, жизнью и деятельностью. Этим ученые выражают идеи гуманизма, подчёркивают необходимость привития молодому поколению высоких нравственных качеств, воспитания их в духе любви к труду, уважения к старшим, дружбы и товарищества, правдивости и честности. Народная мудрость о воспитании является выражением многовековой педагогической культуры и опыта семейного воспитания народа.

Детство – наиболее благоприятный для восприятия воспитательных идей период. И. А. Шоров отметил важнейшие аспекты воспитательного влияния народной педагогики на человека в разные периоды его жизни и многообразие его человекоориентированных подходов [10].

Каждый народ в ходе своего исторического развития для передачи социального опыта подрастающим поколениям вырабатывает определенную упорядоченную, единую совокупность идей, взглядов, идеалов на процесс развития, воспитания и обучения детей. Она основана на соблюдении традиций, обычаев, приобщении к духовной и материальной культуре этноса [4]. Взгляды народа на труд и трудовое воспитание близки принципам современной теории педагогики. Раннее включение детей в трудовую жизнь семьи, воспитание воли и характера в труде, преемственность трудовых занятий в семье – традиционные явления для всех народов.

На территории России много регионов, где веками жили представители разных этнических и культурных групп. Таким регионом, в частности, является Северный Кавказ. В силу природно-климатических и социально-политических факторов на Кавказе живут ставропольские туркмены. Первые сведения о туркменах, кочующих в пределах Российской империи, были опубликованы в конце XVIII века. Авторами их были известные путешественники – исследователи С.Г. Глялин и П.С. Палас [6].

Ставропольские туркмены, как и другие народы Северного Кавказа, обладают определенной системой народного воспитания. Сведения, относящиеся к культуре, традициям, нравам и обычаям

туркменского народа следует искать не только в исторических и этнографических письменных источниках, но и в повседневной жизни. У них была выработана оригинальная традиционно-бытовая культура. Накопленный многовековой опыт воспитания детей, который бережно сохранялся и передавался из поколения в поколение, создавал прочный фундамент в воспитательном деле. Педагогическая наука и народная педагогика вступили в сложные взаимодействия друг с другом и взаимно благоприятствовали развитию друг друга, создавая единое пространство, которое может быть названо педагогической культурой ставропольских туркмен.

Одной из характерных особенностей народно-воспитательного наследия является его направленность на формирование личности с высоким духовно-нравственным уровнем. У ставропольских туркмен из всех нравственных качеств ценится, прежде всего, уважительное отношение к людям («Кто не уважает младшего, тот не побоится и старшего», «Как ты относишься к своему отцу, так твой сын отнесется к тебе»); понятие чести и совести («Сядь криво – скажи прямо», «Нищий не тот, кто потерял скот, а тот, кто потерял совесть», «Характер мужчины покажет дорога, качество сапога – вода»); доброту («Не видеть зла – добра не оценить»); правдивость, честность («Правда – пешком, ложь – верхом», «У правды нет приятелей», « И лжец правду скажет, коль не о чем лгать»); скромность, сдержанность («В скромности – мудрость, в надменности – гибель», «За гордость – расплата, за скромность – уважение»); гостеприимство («Гость старше твоего отца», «Шестилетнему гостю шестидесятилетний место уступит»).

В нравственном воспитании туркменского народа особое внимание уделялось детям, привитию с малолетства послушания и почтительного отношения к родителям, внимания и чуткости к старшим, особенно к старикам. Ослушаться, выказать пренебрежение, спорить, пререкаться со старшими и, тем более, грубить считалось в высшей степени недостойным и непозволительным. Туркменская поговорка гласит: «Золото и серебро не стареет, отец, и мать цены не имеют». Отец как глава семьи имеет право оценивать поступки своих детей, а также обязан защищать их. Малейшее проявление непочтительного отношения или невнимания к матери не только осуждается окружающими, но и должно тут же пересекаться. Эти правила очень строго соблюдались в быту и в процессе воспитания становились привычными [8].

Народная мудрость не только содействовала развитию положительных черт и качеств, но и огромное внимание уделяла раскрытию человеческих пороков, недопущение формирования

которых составляло важнейшую народно-воспитательную задачу, а духовно закаливало личность. Народные пословицы и поговорки осуждают такие отрицательные черты, как безделье, лень, зависть, скупость (без знаний нет работы, без работы – пищи», без труда нет и отдыха», без труда меду не попробуешь). Основным критерием нравственности ставропольских туркмен было и есть отношение человека к труду: «Конец труда – услада», «Знай ремесла, но умей их и забывать». Включение детей в трудовую деятельность происходило постепенно, начиная с самого раннего детства. Раннее приобщение к труду содействовало также формированию у них общественно значимых нравственно-волевых, интеллектуальных, эстетических, физических и других качеств.

В туркменском обществе всегда негативно относились к злословию, считая, что «тот, кто сплетничает с тобой, сплетничает в твой адрес». И, конечно же, осуждались такие недостойные черты, как трусость, малодушие, неблагодарность. Туркмены дорожат чувством дружбы и любви, поддерживают добрые отношения с соседями. Есть множество народных поговорок на эту тему: «Прежде чем построить дом, узнай, кто твой сосед», «Живи по соседству со счастливым, и сам будешь, счастлив», «В первую очередь позаботься о соседе», «Близкий сосед лучше, чем далекий брат».Как и у других народов Северного Кавказа, общественное устройство в представлении ставропольских туркмен должно основываться на справедливости, выступающей регулятором человеческих взаимоотношений и ориентиром для их совершенствования. Важнейшим же нравственным качеством каждого индивида считалась правдивость. Её воспитанию в народе уделялось значительное внимание.

В устном народном творчестве ставропольских туркмен существует много произведений, в которых воспеваются сильные люди, богатыри, великаны. При этом они обязательно борются против зла, выступают в качестве защитников интересов людей. Наиболее популярным был эпос «Кер-Оглы» (сын слепца), переходящий из уст в уста, главными хранителями которого являлись сказители – бахши. Содержащиеся в нем лирические монологи, как правило, отличались значительной художественной силой, и все без исключения были положены на музыку. Эпос повествует о таких высоких качествах героев, как любовь к Родине, неизменная готовность отразить ее врагов.

Народные традиции организуют связь поколений, на них держится духовно-нравственная жизнь народа, обеспечивает преемственность поколений. Чем многообразнее традиции, тем

духовно богаче народ. Достижение гармонии между традиционным и современным является животрепещущей проблемой науки. Традиция содействует восстановлению теряемого сейчас наследия, такое восстановление может быть спасительным для человечества [5]. К.Д. Ушинский, отмечал, что воспитательные свойства традиции приобретают благодаря своим свойствам повторяемости, эмоциональности, преемственности. Дети в повседневной жизни на примере старших, а также принятых в обществе норм и правил, воспринимали и усваивали понятия добра и зла, чести и справедливости [7].

Традиционные национальные игры способствуют формированию таких качеств личности как внимательность, сосредоточенность, ловкость, умение добиваться поставленной цели, уважение к партнеру по игре, привычку соблюдать условности [9]. Природно-климатические условия содействовали воспитанию упорства, выносливости, стремления доводить начатое дело до конца, необычайное трудолюбия, терпеливости. Придание этим качествам общественной значимости определенным обусловило содержание традиционного народного воспитания.

Воспитание мальчиков и девочек имело такие существенные особенности, что позволяет говорить о существовании самостоятельных воспитательных процессов со своими целями и средствами. Если из первых готовили усердных хозяев, на плечи которых возлагается ответственность за семейное благополучие, то из девочек должны были вырасти рачительные хозяйки, которые помогали мужу во всех делах.

Ученые, исследовавшие жизнь, быт и нравы ставропольских туркмен, отмечали, что важным условием эффективности народной педагогики было единство, постоянство и неформальная согласованность воспитательных усилий всех, кто имел прямую и косвенную причастность к воспитанию детей. В воспитании самое активное участие принимали бабушки и дедушки, дяди и тети, другие кровные родственники. Не оставались в стороне от воспитательного процесса соседи, односельчане. С позиции современности можно сказать, что происходила педагогизация окружающей среды. И все же приоритет в воспитании детей принадлежал семье.

Особенности быта, связь устно-поэтического творчества с календарно-обрядовой деятельностью выделяли в качестве одного из ключевых принципов воспитания - принцип цикличности. С его помощью происходили закрепление и дальнейшее развитие нравственного сознания воспиттаников. Как отмечал основоположник этнопедагогических исследований Г. Н. Волков, «программа

воспитания была распределена по годам, месяцам и даже дням недели» [2].

Необычайным богатством характеризуется арсенал методов, приемов, средств и форм нравственного воспитания ставропольских туркмен. Как и вообще в народном воспитании, у них важнейшим условием эффективности нравственного воспитания детей являлась опора на традиции. Многочисленные народные традиции с их всеобщностью, устойчивостью во времени, эмоциональной привлекательностью являлись эффективными воспитательными средствами.

Передача старшими поколениями накопленного социального опыта, в том числе и духовно-нравственного, происходила через определенную деятельность. С помощью конкретных упражнений формировались положительные привычки, которые были фундаментом народного воспитания, результативность нравственного воспитания у ставропольских туркмен подкреплялась обычаями, обрядами, народными праздниками.

Важное место в народном воспитании занимал метод примера. В народе отмечали склонность детей к подражанию, поэтому старались, чтобы в жизни постоянно присутствовали образцы для подражания. В их качестве могли выступать герои сказок, колыбельных, легенд и других фольклорных произведений.

В семьях ставропольских туркмен широко практиковались методы, поощрения, осуждения и наказания. Надо отметить, что награда, похвала использовалась, не так часто, зато взвешено и обоснованно.

Эффективным средством воспитания являлось устное народное творчество. С малолетства дети были не только созерцателями, но и активными участниками многочисленных народных обрядов и праздников. Происходило одновременно воздействие на ум и чувства детей, которое существенно увеличивало эффективность воспитания. Народная педагогика в значительной степени использовала специфические художественные формы фольклора, которые через чувственное восприятие воздействовали на развитие образно-художественного мышления, что, в свою очередь, содействовало эффективному формированию нравственного сознания в сситеме общественного развития [3].

Действенными воспитательными средствами являлись беседы, нравоучения, разъяснения. Такие методы и средства нравственного воспитания, как благословение, доброе или недоброе пожелание, упрек, проклятие, отречение, при воздействии на эмоционально-чувственную сферу стимулировали человека на

самосовершенствование, содействовали предупреждению негативных мыслей и поступков.Настоящей сокровищницей народно-педагогической мудрости являются пословицы и поговорки. Они как правило имеют поучительное содержание, где народом отобранно все ценное из своего социально-исторического опыта, в том числе и из воспитательной практики.В своих традициях народ обрел могучее средство самовоспитания, то есть формирование духовного облика целых поколений. В конечном итоге это привело к становлению стойкого, цельного, духовно-богатого национального характера, определяющими качествами которого являются любовь к Родине, человеческое достоинство, трудолюбие, уважительное отношение к старшим, забота и воспитание подрастающего поколения, высший долг перед семьей и обществом [1].

Анализ народно-педагогического наследия ставропольских туркмен подтверждает существование у них самобытной воспитательной системы, наличие в них разнообразных воспитательных подходов, которые заслуживают внимания не только с познавательной точки зрения, но могут быть с успехом использованы в развитии педагогической теории и практики.На современном этапе развития педагогики нужна выработка надежных оснований для осознанного выбора стратегии педагогического взаимодействия с использованием традиционных форм воспитания, есть необходимость укрепления подлинности его осуществления в бытийном, сущностном, национально-культурном значении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережнова Л. Н. Этнопедагогика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М: Академия, 2008. - 240 с.
2. Волков Г. Н. Этнопедагогика. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. - 167с.
3. Гончаров В. Н. Политическая информация как социально-психологический феномен общения в системе общественного развития // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - №2. - С. 97-103.
4. Колосова О. Ю. Духовно-экологическая детерминация современного цивилизационного развития // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2009. - №14. - С. 104-109.
5. Кукушкин В.С. Этнопедагогика. - М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. - 432 с.
6. Курбанов А. В. Ставропольские туркмены. - СПб., 1995. - 240с.
7. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Избр. пед. соч. - М.: Педагогика, 1974. - Т. 1. - С. 51-123.

8. Фарфоровский С. В. Воспитание детей у туркмен // На Кавказе. - 1909 - 1910. - №7-8. - С. 375-378.
9. Фарфоровский С. В. Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии: Этнографический очерк 1909 года // Сборник сведений о Северном Кавказе. - Ставрополь, 1910-1911. - Т. 4. - С. 1-17.
10. Шоров И. А. Адыгская (черкесская) народная педагогика. - Майкоп, 1999.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Шумакова А.В., Тюренкова С.А.

THE FORMATION OF THE CONTENT OF TEACHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE COMPETENCE EDUCATION PARADIGM

Shumakova A.V., Tyurenkova S.A.

Содержание педагогического образования, по мнению авторов, должно обеспечивать максимальную индивидуализацию и оптимизацию учебного процесса, то есть учитывать интересы, способности, склонности личности студента и деятельностный характер организации усвоения информации. В статье доказана необходимость смены предметно-методической парадигмы в подготовке педагогов .

The content of teacher's education, according to the authors, should allow the maximum of individualization and optimization of educational process, to consider the interests, abilities, aptitudes and student's personality and the character of organization activity in the information assimilation. This paper proves the need to change the subject and methodological paradigm in teacher training.

Ключевые слова: содержание образования, содержание педагогического образования, компетентностная парадигма образования, подготовка будущего учителя.

Keywords: the content of education, the content of teacher's education, the competence of education paradigm, future teachers training.

Наступил XXI век - новая эра, которая должна стать эрой знаний, эрой информации и расцвета общечеловеческой цивилизации [1; 2]. Мир стоит на пороге беспрецедентных перемен. Наука уже сегодня, пытаясь определить основные черты будущего, называет такие его важнейшие характеристики, как глобализация и

регионализация, увеличение конкуренции, исчезновение государственных границ, распространение принципиально иных технологий, рост продолжительности жизни и одновременно тревожности и обеспокоенности каждого за свою судьбу. Но возглавляет этот, далеко не полный перечень, образование, которое по праву начинает играть новую роль в мировых процессах, становясь первым и главным условием выживания и развития человечества в третьем тысячелетии.

Участники многих международных форумов педагогической общественности постоянно отмечают, что именно доступность, уровень и содержание образования, наряду с такими показателями, как валовой внутренний продукт на душу населения и продолжительность жизни, являются одним из трех, принятых в международной практике, показателей индекса развития человеческого потенциала в оценке качества жизни людей в мире. Качественное образование рассматривается современниками как наиболее эффективное средство борьбы с бедностью, войнами, болезнями, а вложения в образование и науку в период, когда мировое сообщество переживает серьезные преобразования всей системы ценностей, когда рождается новое, ориентированное на знания общество, оцениваются не как затраты, а оправданные в социальном и экономическом плане инвестиции.

Прогрессивные тенденции в развитии системы образования, находящие свое концентрированное выражение в неукоснительном воплощении идей гуманизации и демократизации в практику учреждений высшего профессионального образования, повлекли за собой смену образовательной парадигмы с знаниевой модели на компетентностную, что, в свою очередь, потребовало кардинального пересмотра подходов к формированию содержания образования. Трансформация содержания образования в соответствии с требованиями компетентностного подхода выступает сегодня одним из ведущих направлений модернизации образования [3].

В ряду многочисленных проблем, в том числе, и педагогического образования на первый план выступает необходимость обоснования содержания подготовки будущего специалиста, отвечающего не только потребностям сегодняшнего дня, но и учитывающего перспективы развития современного общества. В настоящее время содержание педагогического образования, как один из социальных и духовных феноменов, вступило в новый этап своего развития, связанный с переменой менталитета общества и личности, изменением ценностных ориентаций при подготовке будущих

специалистов. Новым ориентиром для высшего педагогического образования на современном этапе должны стать требования к учителю, предъявляемые профессиональным стандартом педагога. Учитывая антропологическую основу профессионального стандарта педагога, можно утверждать, что содержание педагогического образования должно быть ориентировано, прежде всего, на формирование целостной личности педагога-профессионала. Содержание педагогического образования как отражение важнейших измерений бытия человека и его деятельности в природе, обществе, культуре, в том числе, в сфере образования [4], выраженное целостностью картины мира и человека в нем, должно быть представлено комплексом психолого-педагогических, социогуманитарных, культуроведческих и специальных дисциплин, взаимодействующих на базе философско-антропологической методологии. При этом вектором профессионально-педагогической ориентации при структурировании содержания педагогического образования является сам феномен образования, как подсистема социума, «вписанная» в метасистему культуры, которая осваивается будущими педагогами в историко-культурном контексте и современных формах как закономерно-организованный процесс социализации человека.

Реализованное содержание педагогического образования, понимаемое как совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, взглядов и убеждений, определяющих способность педагога к эффективному решению учебно-воспитательных задач, своей конечной целью имеет профессиональную подготовку, выступающую в свою очередь, обобщенным показателем компетентности будущего педагога. На уровне цели содержание образования выражено в виде требований федерального государственного образовательного стандарта, определяющих компетентностную модель выпускника, представляющую описание его личностно-деятельностной характеристики, поскольку компетентность проявляется только в ходе деятельности и может быть оценена только в рамках конкретной профессии. Данная модель уточняется и конкретизируется вузом в паспортах компетенций, представленных в документах основной образовательной программы. На уровне учебного предмета содержание образования отражается в учебных программах дисциплин, определенных учебным планом педагогического вуза. В связи с тем, что проектирование содержания педагогического образования на основе компетентностного подхода решает задачу объединения

интеллектуальной и деятельностной составляющих образования, оптимальной формой структурирования содержания образования является модульное построение компетентностно-ориентированных образовательных программ [5].

Проблема обоснования содержания подготовки педагога является производной от решения более общей, глобальной проблемы - цели и задач педагогического образования. Последние являются исходным пунктом и для конструирования процесса подготовки будущего специалиста, и его дальнейшего совершенствования. Цель - это конечный предвосхищаемый результат, ради которого система создается, и любое действие педагога должно служить поставленной цели. Нечеткость целей порождает огрехи в построении системы подготовки педагогических кадров. Тем не менее, среди преподавателей высшей школы бытует мнение, что они хорошо представляют себе цели и содержание подготовки будущего педагога и могут достаточно точно определить уровень его готовности к выполнению профессионально обусловленных функций в процессе обучения и по окончанию института в целом. Надо признать, что именно в этом вопросе вузовским преподавателям как раз и не хватает самокритичности. В результате имеющих место иллюзий цель подготовки педагога в сознании преподавателей остается практически неизменной и недостаточно определенной на протяжении десятилетий: сформировать высоко развитую личность учителя, дать прочные знания, выработать умения и научить творчески применять их на практике. Другими словами, «знай свой предмет и излагай его ясно» (К.Д.Ушинский) - универсальное кредо в деятельности преподавателя, особенно преподавателя специальных дисциплин. Такое аморфное представление о цели своей деятельности неизбежно ведет к консерватизму в методах работы и в отборе содержания педагогического образования. В связи с этим представляется необходимым от вопроса «чему учить?», решительно перейти к предварительному решению вопросов, поставленных в несколько иной плоскости – «каким должен быть?», «что должен знать?», «что должен уметь?» будущий педагог, ибо вопрос «чему учить?» и поставленные как альтернативные далеко не идентичны и приводят к разнящимся ответам. Для того чтобы «выжить» в современном быстроменяющемся информационном обществе, которое предъявляет весьма жесткие требования к уровню квалификации современных специалистов, высшие образовательные учреждения должны изменить существующую систему образования, в центре

которой стоит «институт, преподаватель и его профессиональные знания» на новую, в центре которой – «студент и его потребности в образовании». Теперь нельзя дать студенту образование однажды и на всю жизнь. И уже мало даже учиться всю жизнь. Приходится учить учиться.

Специфика педагогической профессии как особой сферы общественной деятельности открывает возможности вплотную приблизиться к обсуждению проблемы содержания педагогического образования как фактора профессионально-личностного развития будущего специалиста и сделать выводы по целому ряду принципиальных положений.

1. Предметом труда педагога любой специальности является отдельный человек, группа людей или коллектив. А его объектом - педагогический процесс, включающий предметы труда и средства профессиональной педагогической деятельности. Это требует от педагога знаний общих индивидуально-психологических особенностей воспитанников и каждого из них в отдельности, особенностей коллективной жизнедеятельности и условий ее организации; знаний об особенностях педагогического процесса и условиях его оптимального функционирования, а также соответствующих умений.

2. По цели педагогическая профессия относится к особой группе преобразующе-управляющих. Главное ее содержание сводится к взаимоотношениям с людьми, которые, как правило, моложе педагогов, во всяком случае, обладают меньшим жизненным опытом или опытом в какой-либо области науки, техники, культуры. Это предъявляет особые требования к личности педагога, а сама педагогическая профессия предполагает двойную («человеческую» и специальную) подготовку.

3. Коммуникативная подсистема в структуре профессиональной готовности в силу специфики педагогической профессии является приоритетной по отношению к специальной подготовке. Поэтому в содержании педагогического образования особое место должны занять перцептивные умения, собственно умения общения и педагогическая техника (особенно владение голосом - речевые способности).

4. Педагогическая профессия носит коллективный характер. Отсюда профессионально значимыми, должны рассматриваться умения педагогического сотрудничества как специфическое проявление общих коммуникативных умений. Поскольку педагог работает в коллективе и как доверенное лицо общества, то это предъявляет особые требования к его социальной и

профессиональной позиции, стилю деятельности и общения. В содержании педагогического образования, исходя из этого, свое отражение должна найти совокупность тех характеристик, которые определяют социальную и профессиональную позицию педагога.

5. По условиям труда педагогическая профессия относится к группе с показателями повышенного уровня нервно-эмоциональных и морально-этических характеристик. Это объясняется «непрерывностью» педагогической профессии (учитель всегда смотрит на окружающий мир глазами педагога-профессионала, часто не осознавая этого), сложностью предмета труда, условиями повышенного социального контроля. Отсюда высокие требования к моральному облику педагога, его самодисциплине и ответственности, а также к физическому и психическому здоровью.

6. Педагогическая профессия всегда предполагает наличие прочной обратной связи. Без этого она перестает быть целенаправленной в ее строгом понимании и осуществляется преимущественно с позиций здравого смысла. Это определяет значение в содержании педагогического образования гностических, в частности аналитических, умений, самоконтроля и самооценки, то есть рефлексивных умений.

7. При определении содержания педагогического образования должны учитываться дифференциация педагогических специальностей и интеграционные процессы в педагогической профессии. Это единый процесс, который требует формирования видения общего и особенного в равных видах педагогической деятельности, а также видения целостного педагогического процесса, что является качественной характеристикой педагогического сознания и мышления.

8. Основными видами педагогической деятельности являются преподавание и воспитание как деятельность. Необходимость их единства однозначно ориентирует на выделение в содержании педагогического образования взаимосвязанных блоков когнитивного опыта, опыта практической деятельности, опыта творческих педагогических решений и опыта эмоционально-ценностных отношений к педагогической действительности и окружающему миру в целом.

9. Сложившееся в теории и практике педагогического образования изолированное рассмотрение процессов дидактико-методической подготовки учителя и формирования его готовности к воспитательной работе должно пониматься как условное их разведение. Формирование готовности к осуществлению воспитательного процесса уже предполагает дидактико-

методическую подготовку, поэтому целесообразнее вести речь о формировании готовности к реализации целостного педагогического процесса, рассматривая дидактико-методическую подготовку как ее необходимую предпосылку.

10. При определении содержания педагогического образования необходимо учитывать специфику условий труда и деятельности учителя в условиях конкретного региона.

Таким образом, содержание педагогического образования должно обеспечивать максимальную индивидуализацию и оптимизацию учебного процесса, то есть учитывать интересы, способности, склонности личности студента и деятельностный характер организации усвоения информации. Предметно-методическая парадигма в подготовке педагогов сменяется целями и ценностями его профессионального развития и образования на основе: сущностного изменения методологии дидактического процесса, его построения на системных, антропологических принципах мышления и деятельности; обновления когнитивных комплексов (учебных курсов, соотнесение их содержания внутри циклов и между блоками дисциплин) с целью достижения их проблемно-понятийных, содержательных взаимосвязей, стимулирования творческого мышления студентов, развития умения дифференцированно использовать и накапливать информацию, самостоятельно оценивать и структурировать ей; ориентации образовательного процесса на раскрытие личностных способностей и удовлетворение познавательных интересов будущего педагога на основе свободного выбора темпов, форм, методов обучения; акцентирования ценностного содержания педагогического образования, формирования гуманистических нравственных ориентаций на основе освоения универсальных ценностей культуры как результата научно-познавательной, художественно-эстетической и образовательно-творческой деятельности; достижения единства общегуманитарного базового образования и специальной подготовки с целью построения целостного и вариативного образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров В. Н. К вопросу об информационном обеспечении научных знаний // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2005. - №1. - С. 36-40.

2. Колосова О. Ю. Духовно-экологическая детерминация современного цивилизационного развития // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2009. - №14. - С. 104-109.

3. Леднев В. С., Кубрушко П. Ф. Основы теории содержания профессионально-педагогического образования: монография. - М.: Эгвес, 2006. - 287 с.
4. Мищенко Л. И. Теория и практика формирования содержания педагогического образования (на материале подготовки учителя начальных классов): монография. - М.; Курск, 1996.
5. Подготовка учителя в структуре уровневого образования: Коллективная монография /Под ред. В.Л. Матросова. - М.: МПГУ, 2011. - 168 с.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ-СИРОТ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

Арон И.С.

THE DEVELOPMENT OF COMPETENCES IN SOCIAL INTERACTION OF TEENAGERS-ORPHANS IN THE PROCESS OF FORMING THEIR PSYCHOLOGICAL READINESS TO PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

Aron I.S.

В работе определяются возможности изучения проблемы профессионального самоопределения в рамках компетентностной образовательной парадигмы. Обозначаются основные компоненты психологической готовности к профессиональному самоопределению: когнитивный, деятельностный, мотивационный, личностный. Обосновывается вывод о том, что важной составляющей всех компонентов психологической готовности к профессиональному самоопределению являются компетенции, определяющие успешность социального взаимодействия самоопределяющейся личности.

In the work are determined by the possibility of studying the problems of professional self-determination within the competence educational paradigm. Basic components of the psychological readiness for professional self-determination are: the cognitive component, activity component, motivational component, the personal component. The conclusion that an important part of all components of the psychological readiness for professional self-determination are the competencies that define the success of the social interaction of the self-determining individual is proved.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенции социального взаимодействия, психологическая готовность к профессиональному самоопределению, подростки-сироты и подростки, оставшиеся без попечения родителей.

Keywords: competence approach, the competence of social interaction, psychological readiness to professional self-identification, teenage orphans and adolescents without parental care.

Успешное формирование профессионализма личности и эффективность деятельности профессионала во многом определяется готовностью к профессиональному самоопределению. Ведущей составляющей готовности к профессиональному самоопределению является психологическая готовность как целостное образование личности, позволяющее осознанно и самостоятельно осуществлять стратегию формирования и реализации профессионального развития.

В условиях современного образования проблема развития психологической готовности к профессиональному самоопределению может успешно решаться в рамках компетентностной образовательной парадигмы, в соответствии с которой основным результатом образовательной деятельности является не просто совокупность знаний, умений и навыков, а система ключевых компетенций, являющихся основой успешности современного человека в экономической, общественно-политической, коммуникативной, информационной и других сферах общественной жизни.

Анализ работ Дж.Равена, А.К.Марковой, Л.М.Митиной, И.А.Зимней, А.В.Хуторского, Е.А.Чекуновой и других специалистов в области компетентностного подхода в образовании и развитии личности свидетельствует о многообразии представлений о содержательной структуре основных компетенций личности [2, 3, 4, 8, 12, 13].Так, в работе Дж.Равена «Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация» (1984) обозначено 39 компетенций, которые хотя и не структурированы автором, но по содержанию могут быть отнесены к когнитивной, эмоциональной, коммуникативной и деятельностной сферам личности [8].

В исследованиях, проведённых на последующих этапах развития компетентностного подхода, авторы преимущественно соотносят базовые компетенции с конкретным видом деятельности, структурируя их на значимые составляющие. Что позволяет

повысить практическую ценность обозначенных исследований и определить критерии эффективности конкретной деятельности.Так, А.К.Маркова, изучая структуру профессиональной компетентности учителя, выделяет специальную, социальную, личностную и индивидуальную компетентность педагога [3]. Л.М.Митина, выделяет две подструктуры педагогической компетентности: деятельностную и коммуникативную, акцентируя, вслед за Л.А.Петровской, социально-психологические аспекты компетентности учителя [4]. И.А.Зимняя, на примере изучения социальной работы, предлагает три основания рассмотрения её успешности. Первое соотносится автором с собственно личностной характеристикой социального работника (компетенции, относящиеся к самому себе как личности, субъекту жизнедеятельности). Вторым основанием является компетентность социального работника, включающая специальные знания и умения не только в конкретной области работ (например, образование), но и в тех ее сферах, которые прямо или косвенно с ней связаны (например, семейные отношения) (компетенции, относящиеся ко всем видам деятельности). Третьим основанием предлагаемого подхода к общей характеристике социального работника является его умение устанавливать адекватные межличностные отношения в различных ситуациях общения (компетенции социального взаимодействия, общения) [2]. Е.А.Чекурова определяет систему ключевых компетенций учащихся, которые должны быть сформированы в процессе совместной образовательной деятельности учащихся и педагогов: социально-культурная, когнитивная, информационная, коммуникативная, социальная, культурно-досуговая, здоровьесбережения [13]. Подробный, методологически обоснованный перечень ключевых образовательных компетенций представлен в работах А.В.Хуторского, который включает ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые компетенции и компетенции личностного самосовершенствования [12].

Основные идеи компетентностного подхода отражены в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) нового поколения при разработке требований к результатам освоения образовательной программы, где наряду с предметными в качестве ведущих результатов освоения образовательной программы обозначены метапредметные (регулятивные, познавательные, коммуникативные) и личностные результаты, которые создают

возможность для самостоятельного успешного усвоения учащимися новых знаний и умений на основе формирования компетенции умения учиться [10].

Метапредметные и личностные результаты представляют психологическую составляющую современных образовательных стандартов. Они определяются авторами понятием универсальные учебные действия, среди которых важная роль отводится личностным действиям самоопределения, связанным с выбором профессионального обучения и определения индивидуальной траектории развития [10]. Изучение проблемы формирования психологической готовности к профессиональному самоопределению на основе культурно-исторического, системно-деятельностного и компетентностного подходов позволило нам выявить систему когнитивных, деятельностных, мотивационных и личностных компонентов, определяющих успешность профессионального самоопределения. Каждый из компонентов психологической готовности к профессиональному самоопределению включает в свою очередь систему компетенций, определяющих его содержание. При этом важной составляющей всех компонентов являются компетенции, определяющие успешность социального взаимодействия самоопределяющейся личности. Так, для успешного профессионального самоопределения необходимо обладать знаниями о себе, окружающих людях, о способах эффективного общения и сотрудничества (когнитивный компонент), умениями и навыками успешного межличностного взаимодействия (деятельностный компонент), мотивацией общения (мотивационный компонент) и определёнными личностными качествами, определяющими успешность общения (личностный компонент).

Таким образом, одним из важных направлений формирования психологической готовности к профессиональному самоопределению является развитие у самоопределяющейся личности компетенций социального взаимодействия. Теоретический анализ исследований специалистов по проблеме профессионального самоопределения, а также многолетний личный опыт работы по формированию психологической готовности к профессиональному самоопределению школьников, обучающихся в различных по профилю образовательных учреждениях республики Марий Эл свидетельствует о том, что особую значимость имеет психолого-педагогическая работа по формированию компетенций социального взаимодействия в отношении детей, находящихся в особых социальных ситуациях

развития - детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подростков с девиантным поведением, подростков с признаками одарённости.

В рамках данной работы остановимся на анализе результатов исследований по изучению особенностей и формированию компетенций социального взаимодействия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Профессиональное самоопределение данной категории детей, отмечают специалисты, происходит в особой социальной ситуации развития, в ситуации депривации – лишения или ограничения возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей вследствие ограниченности контактов с внешним миром, замкнутости в стенах одного помещения, жёсткой регламентации всех действий ребёнка, неадекватности организации жизненного пространства, неполноценного общения со взрослыми [1, 5, 6, 11].

В результате чего развитие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отличается негативными качественными особенностями когнитивной, мотивационной, регулятивной, личностной сфер, которые проявляются на всех ступенях детства. Одной из значимых психологических проблем детей-сирот является проблема нарушения межличностных взаимодействий как со взрослыми, так и со сверстниками, обусловленная объективными условиями развития и несформированностью личностных качеств и навыков, необходимых для конструктивного общения. В структуре личности детей, оставшихся без попечения родителей, исследователи отмечают наличие таких социально-психологических компонентов как конфликтность, подозрительность, недоверчивость, ведомость, внушаемость, тревожность, низкий уровень самоконтроля, агрессивность [5,6].

И.А.Дубровина указывает, что для всех детей, воспитывающихся в домах ребенка, детских домах и интернатах, характерны искажения в общении со взрослыми и сверстниками. Уже к 10—11 годам у подростков устанавливается отношение к взрослым и сверстникам, основанное на их практической полезности для ребенка, формируются «способность не углубляться в привязанности», поверхностность чувств, моральное иждивенчество (привычка жить по указке) [7]. Постоянная неудовлетворённость потребности в общении и неадекватность форм взаимодействия с окружающими воспитанников интернатов приводит к формированию

неконструктивных стратегий поведения в сложных ситуациях общения (ситуациях запрета, столкновения интересов, конфликтов, замечаний взрослого), характеризующихся враждебностью, обвинительными реакциями, угрозами, упрёками, неумением взять на себя ответственность за разрешение конфликта [9].В течение 2011-2013 года в рамках реализации республиканского научно-исследовательского проекта «Профессиональное самоопределение в особой социальной ситуации развития» нами (И.С.Арон, Л.И.Полевщикова, О.В.Крестьянинова) проводилась психолого-педагогическая работа по формированию психологической готовности к профессиональному самоопределению подростков-сирот и подростков, оставшихся без попечения родителей на базе ГОУ РМЭ «Волжская средняя общеобразовательная школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Исследование было направлено на изучение специфики и развитие все компонентов психологической готовности к профессиональному самоопределению подростков школы-интерната, в том числе на развитие их компетенций социального взаимодействия со взрослыми и сверстниками.

Экспериментальная работа включала три этапа: диагностический, формирующий и аналитический. Диагностика особенностей и сформированности компетенций социального взаимодействия учащихся интерната осуществлялась с использованием методики СПА (шкала социально-психологической адаптированности) (К.Роджерс, Р.Даймонд, адаптирована Т.В.Снегирёвой), методики Самоактуализация личности (А.Шостром, адптирована Ю. Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, М. В. Загика, М. В. Кроз), а также анкеты «Психологическая готовность к профессиональному самоопределению» (в двух вариантах: для школьников и педагогов) (И.С.Арон). Для диагностики компетенций социального взаимодействия по методике СПА использовались шкалы «Доминирование – Ведомость», «Ожидание внутреннего контроля – Ожидание внешнего контроля», «Принятие других – Конфликт с другими».

По результатам начальной диагностики, большинство учащихся интерната для детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ориентированы на внешний контроль (65%), склонны к конфликтным отношениям с окружающими (49%), часто занимают ведомую позицию во взаимодействиях (47%). Методика Самоактуализация личности А.Шострома позволила изучить такие показатели компетенции социального взаимодействия подростков как контактность, взгляд на природу человека, принятие агрессии. В

соответствии с данными начальной диагностики 74% подростков не способны устанавливать глубокие и тесные контакты с окружающими, испытывают трудности в общении. 42% отрицают и подавляют в себе агрессию, не владеют конструктивными способами выражения агрессии. 33% считает, что человек по своей природе является злым, корыстным и бесчувственным.

По результатам анкетного опроса, проведённого на начальном этапе исследования, все воспитанники интерната испытывают трудности при общении с одноклассниками и педагогами; 84% испытывают трудности при общении с незнакомыми людьми; 72% достаточно часто ошибаются в своих предположениях о поведении другого человека; 51% подростков не имеет друзей. В качестве основного метода развития социально-психологических компетенций участников исследования применялся метод психологического тренинга. Базовый цикл занятий проводился в каждом экспериментальном классе в первый год экспериментальной работы в течение семи месяцев (октябрь-апрель) по два занятия в месяц. Продолжительность одного занятия - два часа, каждое занятие состояло из 3-4 частей.

На последующих этапах экспериментальной работы по итогам промежуточной диагностики психологом образовательного учреждения разрабатывались и проводились дополнительные тренинги, в которых основной акцент делался на коррекцию наименее развитых компетенций социального взаимодействия, влияющих на успешность профессионального самоопределения.

Наряду с групповой работой проводились индивидуальные консультации школьников, а также психолого-педагогическая работа с педагогами школы-интерната, направленная на повышение их личностной и коммуникативной компетентности.

Результаты итоговой диагностики свидетельствуют об эффективности проведённой работы. Существенно увеличилось количество подростков, ориентированных в своём поведении на внутренний контроль (с 35% до 70%; $t = - 6,5$; $p < .001$), способных понять и принять других (с 37% до 68%; $t = - 8,3$; $p < .001$), занимающих позитивно доминирующую позицию в общении (с32% до 56%; $t = - 5,4$; $p < .001$).

В исследуемой выборке значительно увеличилась доля подростков, способных устанавливать контакты с окружающими (с 16% до 56%; t = - 6,8; p < .001), владеющих конструктивными способами выражения агрессии (с 47% до 81%; t = - 6,3; p < .001), позитивно оценивающих природу человека (с 41% до 77%; t = - 7,7; p < .001. Результаты повторного анкетного опроса также свидетельствуют о позитивных тенденциях в развитии компетенций социального взаимодействия подростков-воспитанников интерната.

По результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы:

1.Применение основных методологических положений компетентностного подхода позволяет определить основные компоненты психологической готовности личности к профессиональному самоопределению и обозначить основные направления её формирования с учётом индивидуальных особенностей и социальной ситуации развития самоопределяющейся личности.

2. Особенности социальной ситуации развития детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обусловлены, в первую очередь, ограниченностью их контактов с внешним миром, неудовлетворённостью потребности в общении и неадекватностью форм взаимодействия с окружающими. Что негативно сказывается на всех сторонах психического развития ребёнка, и особенно – на формировании компетенций социального взаимодействия. В связи с чем в процессе развития психологической готовности к профессиональному самоопределению формирование обозначенных компетенций является важным направлением психолого-педагогического воздействия.

3. Реализация методологически обоснованной программы психолого-педагогического сопровождения личностного и профессионального самоопределения воспитанников школы-интерната, предусматривающей взаимодействие всех участников воспитательного процесса, способствует развитию компетенций социального взаимодействия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в структуре их психологической готовности к профессиональному самоопределению.

В связи с чем данная программа может использоваться в развитии компетенций социального взаимодействия других категорий школьников, находящихся в особых социальных ситуациях развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев И.Ф. Социальное сиротств: генезиз и профилактика. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000. - 48 с.

2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал "Эйдос". - 2006. - 5 мая. http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm. - В надзаг: Центр дистанционного образования "Эйдос", e-mail: list@eidos.ru.

3. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 308с.

4. Митина Л.М. Психология развития конкурентноспособной личности. – М.: МПСИ, 2002. – 400с.

5. Писарь О.В., Рожкова Т.Ю. Опыт психологического сопровождения студентов-сирот и студентов, оставшихся без попечения родителей// Эмпирические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №2. С.27-32.

6. Прихожан А.М.Дети без семьи/А.М.Прихожан, Н.Н.Толстых. М.: Педагогика, 1990. - 158с.

7. Психическое развитие воспитанников детского дома/Под ред. И.В.Дубровиной, А.Г.Рузской. – М.: Педагогика, 1990. – 264с.

8. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. – М.: Когито-Центр, 2002. – 396с.

9. Семья и формирование личности. Сборник научных трудов/Под ред. А.А.Бодалёва.- М.: НИИ общей педагогики АПН СССР, 1981.- 96с.

10. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012г. №413) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/70188902/ (дата обращения: 10.11.2013).

11. Фурманов И.А. Психология депривированного ребёнка. – М.: ВЛАДОС, 2004. - 319с.

12. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. // Интернет-журнал "Эйдос". - 2002. - 23 апреля.

http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm - В надзаг: Центр дистанционного образования "Эйдос", e-mail: list@eidos.ru.
13. Чекунова Е.А. Педагогические технологии формирования ключевых компетентностей личности в образовательном пространстве современной школы// Эмпирические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №2. С.62-70.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 35

МЕХАНИЗМЫ ПОЗИТИВИЗАЦИИ СТАТУСА РАБОТНИКОВ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Денисенко С.Е.

POZITIVIZATION MECHANISM OF POLICE OFFICERS STATUS IN THE MODERNIZATION OF RUSSIA

Denisenko S.E.

Важнейшей задачей в функционировании органов правопорядка в современной России является изучение общественного мнения и социального восприятия органов полиции. В статье автором предлагаются меры, направленные на формирование положительного мнения о работе полицейских в переходный период.

The most important task in the functioning of the rule of law in Russia today is to study public opinion and social perception of the police. The measures aimed at creating a favorable opinion on the work of the police in convertible period are proposed in the article.

Ключевые слова: полиция, общественное мнение, социальная значимость полиции, общество, меры позитивизации органов полиции, трансформация органов внутренних дел.

Keywords: police, public opinion, and social significance of police, society, pozitivizational measures of police, the transformation of the law enforcement agencies.

Современный этап становления Российской Федерации как демократического государства связан с многогранными процессами в сферах социально-экономической и политической жизнедеятельности общества и государства. В условиях радикального реформирования осуществляется ломка привычных стереотипов, взглядов на понимание различных проблем общественной жизни. Изменения затрагивают все сферы

жизнедеятельности граждан, в том числе и правоохранительную деятельность. В данных условиях особенно остро встают вопросы, касающиеся обеспечения общественной безопасности. При этом наиболее широкий спектр их решений в силу функциональных обязанностей возлагается на органы полиции, так как именно полиция, является важнейшей частью Федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

На протяжении всего развития общества, правоохранительные органы модернизировались, функции и принципы деятельности трансформировались, однако важнейшей и неизменной функцией оставалось обеспечение порядка и охраны в государстве. В настоящее время деятельность полицейского осуществляется в условиях трансформационных процессов, происходящих в ведомстве и в государстве. Сохраняя демократический порядок в стране, принципы деятельности полиции основываются на открытости, "прозрачности" перед гражданами, совершенствовании работы с населением, в том числе, укреплении доверия к силовому институту.

Исследователь Т.Н.Жуйкова конкретно отмечает, что "отношение полиции с обществом - это, во-первых, основные принципы общения с людьми, то есть такие действия, при которых интересы людей становятся на первое место во всех делах, касающихся их поведения как в социальном, так и в моральном отношении" [1, С.34]. Данные принципы предполагают, что полицейский должен действовать и поступать таким образом, чтобы служить интересам всех членов общества. Но именно из-за того, что сотруднику органов внутренних дел часто по ходу своей профессиональной деятельности приходится выполнять действия, которые основаны на принуждении или вторжении в частную жизнь гражданина, соответственно негативное отношение общественности к полицейскому может складываться именно из-за таких аспектов. Современные стратегические цели силового ведомства направлены на увеличение показателей доверия населения; укрепление делового сотрудничества с государственными, общественными, частными, благотворительными организациями; правовое воспитание граждан и вовлечение населения в участие правоохранительной деятельности государства.

Также важнейшей задачей на современном этапе развития российского общества является изучение общественного мнения и социального восприятия полицейских как особого субъекта государственной власти.

Следует отметить, что в рамках современных трансформационных процессов полицейского ведомства, нормативно закреплено, что результаты общественного мнения граждан о деятельности органов внутренних дел являются одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции в территориальном аспекте [3]. Впоследствии результаты изучения социального восприятия деятельности силового института дают предпосылки для принятия управленческих решений, а также возникновении практических действий относительно политики в органах внутренних дел. Таким образом, можно определенно сказать, что общественное мнение и выступает органом социального контроля и аудита полицейских органов.

Однако (несмотря на то, что многочисленные исследования показывают, что положительных отзывов и благодарностей о деятельности ОВД России от граждан с каждым днем становится все больше, а, следовательно, реформирование структуры дает долгожданный положительный результат) говорить о постоянстве таких действий - преждевременно. Поэтому поиски взаимопонимания между стражами порядка и теми, чьи интересы и безопасность они защищают, - дело очень специфическое и творческое. Методы, повышающие степень доверия и готовность взаимодействовать с полицейскими должны быть не только разработаны ситуативно и с применением правовых норм и санкций полицейских, но и с участием самих граждан в разрезе социального партнерства.

Исследователь Заиграев Г.Г. выделяет тот факт, что позитивный характер в общественном мнении граждан о работе полицейских обеспечивается реальным укреплением правопорядка, внимательным отношением к гражданам и эффективностью защиты их прав и законных интересов; приоритетностью для сотрудников органов внутренних дел во взаимоотношениях с гражданами идей социального партнерства и сотрудничества; комплексным использованием всех имеющихся сил, средств и возможностей органов внутренних дел в решении возложенных на них задач с привлечением широкого круга общественных объединений, религиозных организаций, средств массовой информации и населения; проведением единой информационной политики органов внутренних дел, основанной на объективности, оперативности, регулярности, а также открытости информации о деятельности полиции в рамках действующего законодательства; научно обоснованным, системным подходом к организации и своевременной корректировке повседневной деятельности всех

служб и подразделений органов внутренних дел по формированию общественного мнения; осуществлением периодического изучения общественного мнения о работе органов внутренних дел и обязательным использованием его результатов в совершенствовании оперативно-служебной деятельности [2, С. 151].

Поэтому наиболее актуальными направлениями деятельности в рамках формирования общественного мнения о полиции, по мнению исследователей С.А.Тимко и А.А.Урусова, представляется информирование населения о деятельности органов внутренних дел через средства массовой информации посредством пресс-конференций, круглых столов, художественно-публицистических передач, а также других эмоционально привлекательных форм подачи материала; непосредственные контакты с корреспондентами для информирования о раскрытых преступлениях, успехах в работе; встречи с населением с целью профилактических бесед и т.д. [4, С.7]

Также для повышения социальной значимости деятельности сотрудника органов внутренних дел в обществе, Министерству внутренних дел необходимо претворять в жизнь различные методы, действовать комплексно, опираясь как на внешние факторы профессии (уровень криминализации общества, уровень правовой грамотности населения, стереотипизация полицейского в обществе и др.), так и внутренние (рекрутинг, профессиональная подготовка, в т.ч. уровень психолого-педагогической подготовки и пр.) Обладая высоким организационным потенциалом, государственная силовая структура обязана еще на первом этапе подготовки кадров в учебном заведении прививать к каждому сотруднику полиции не только знания в области права, психологии, педагогики, спортивной подготовки и др., но и определять их понимание значимости и роли для общества. Конечно, очень сложно управлять общественным настроением, если в СМИ образ "стража порядка" напротив выставляется в негативном свете. Что стоят последние случаи в Кущевской, например.

Помимо поиска методов взаимодействия с населением, необходимо разработать четкую картину комплексного механизма позитивизации статуса органов правопорядка. Большое значение при этом приобретает использование технологий маркетинговых коммуникационных стратегий в деятельности полиции. Необходимо взаимодействовать со средствами массовой информации, прессой, акцентируя внимание на значимости института полиции для населения, миссии по обеспечению и защите конституционных прав и свобод, законности, общественной безопасности, используя для этого механизмы социальной рекламы и социального пиара.

Расширяя функции пресс-служб МВД, а также органов, отвечающих за связи с общественностью полицейского института, в них также необходимо включить разработку стратегических программ, направленных на позитивизацию образа полицейского. Так, исходя из отчетов территориальных органов МВД об общественном мнении о работе полицейских и определении процента их восприятия, можно предложить пирамидальную модель, меры которой направлены на улучшение восприятия сотрудника органов внутренних дел, а также принятие управленческих решений в области повышения авторитета полицейских в обществе (Рисунок 1.).

Рисунок 1. Мероприятия, направленные на позитивизацию полицейской деятельности в мнениях общественности

На данном рисунке отображены конкретные методы, направленные на изменение общественного мнения о деятельности полицейских, в зависимости от процентных показателей, полученных в ходе социологического исследования об уровне доверия к институту полиции.

Таким образом, можно предположить, что базовыми мероприятиями, на которые должны опираться МВД в стратегическом планировании или разработке концепции развития своей деятельности на ближайшее время и могут выступать следующие:

1. Традиционная педагогическая, этическая, профессиональная подготовка специалистов-полицейских (если процентное соотношение уровня доверия к институту полиции равно 80-100%).

2. Изменение социального стереотипа полицейского через СМИ, социальные сети (Интернет), ТВ, радио (процент доверия и уважения сотрудника органов внутренних дел равен 60-80%)

3. Государственный маркетинг (уровень восприятия полицейских равен 40-60%).

4. Изменение принципов деятельности полицейских (в том числе принципов подготовки) (авторитет стражей порядка очень низок - от 20 до 40%)

5. Реформирование социального института полиции (в том случае, если уровень доверия и восприятия полицейских минимален - до 20%).

Хочется верить, что данные мероприятия помогут не только определить политику ведомства на ближайшие годы, но и постоянно поддерживать уровень доверия граждан и содействие сотрудникам органов внутренних дел на высоком уровне.

Последнее десятилетие XX века для России явилось серьезным социально-экономическим испытанием: в условиях новой рыночной экономики государство было вынуждено восстанавливать социальные институты, на новых, идеологических принципах защищать целостность страны. Поэтому современное стремление государства к демократическим преобразованиям в стране, а также наверстывание времени, упущенного в 90-годы и ставится российской властью в стратегические задачи развития государства на долгосрочный и краткосрочные периоды развития. В эту концепцию входят различные задачи, однако, важнейшими нужно признать следующее: достижение россиян высокого уровня обеспечения жизни; безопасного, свободного и комфортного развития; существование демократии и сильного гражданского общества; укрепление позиций России в мире. Для выполнения этих мер государству потребуется не только изменение деятельности многих социальных институтов, но и кардинальная идеологическая трансформация сознания граждан России.

Поэтому совершено справедливо можно отметить, что в обновленной России должен начать функционировать "новый" полицейский, действия которого будут отвечать всем демократическим принципам функционирования

социального и правового государства, а полицейский вкладывал больший смысл в лозунг: «Служа закону — служу народу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуйкова Т.Н. Движущие силы формирования и проявления общественного мнения, возможность его учета при оценке работы милиции (социологический аспект) // Вестник Воронежского института МВД России.-№1.-2009.-С.34-38
2. Заиграев Г.Г. Формирование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел и пути укрепления авторитета милиции среди населения // Права человека в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сборник методических материалов в помощь организаторам общественно-государственной подготовки. М.: Управление воспитательной работы, Центр обеспечения кадровой политики МВД России. 2000. - с. 151-157
3. Приказ МВД России от 26 декабря 2011 года № 1310 "Вопросы вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации"
4. Тимко С.А., А.А.Урусов. Некоторые возможности формирования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел //Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – №1. – С.7-9

УДК 33

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ

Измеров А. И.

MODERNIZING THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF THE WORLD MARKET SYSTEM

Izmerov A.I.

В статье представлен материал, содержащий сведения об основных модернизационных процессах в современной России в контексте глобальных трансформаций мирового рыночного пространства. Автор формулирует собственную концепцию исследования феномена модернизации в ракурсе глобализации мировой экономики.

The material containing data on the main modernization processes in modern Russia in a context of global transformations of world market space is presented in the article. The author formulates his own concept of research of a phenomenon of modernization in a foreshortening of globalization of the world economy.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, мировая рыночная система, российская экономика.

Keywords: modernization: globalization, world market system, Russian economy.

В современной России за последние десятилетия набрали ход трансформационные процессы в социуме, которые в особенности серьезно затронули экономическую сферу. Это происходит под влиянием глобализации мировой экономики, расширения значимости социальной коммуникации и новых технологий, повышения рыночной активности в контексте развития интернета и социальных сетей. Глобальная рыночная экономическая система в настоящее время формируется под воздействием ускорения процессов экономического взаимодействия и информационных потоков. Все это затронуло и российское экономическое пространство, коренным образом изменив экономические отношения в социуме. Модернизация российской экономики, избавление ее от сырьевой зависимости и переход на высокотехнологичную основу – процесс, от успешности которого, будет зависеть состояние российского общества и конкурентная ниша, которую займет Россия в быстро развивающемся глобальном пространстве XXI века.

С позиции ряда исследователей, анализ содержания экономического измерения глобализационных процессов позволяет выделить три условные характеристики, определяющие основные тенденции экономических процессов на современном этапе: виртуализация, «тотальная экономизация» и дихотомия. Осмысление указанных тенденций развития позволяет сместить акценты с фатальной неизбежности последствий экономических угроз или вызовов на поиск конструктивных способов разрешения возникающих в условиях глобализации конфликтов. Так, устранение разрыва между реальной экономикой и её виртуальным образом возможно через совершенствование диагностического инструментария и разработку адекватных методов управления экономическими процессами. «Тотальная экономизация» общества, игнорирующая базовые общечеловеческие ценности, ставит под сомнение саму возможность выживания человечества. В силу взаимосвязи и взаимозависимости различных измерений глобализационных процессов развитие индустриальной экономической культуры возможно только в гармоничном единстве с социокультурной траекторией развития общества. Дихотомия в контексте экономического взаимодействия, проявляющаяся в

неравномерности развития разных стран, противостоянии транснациональных и национальных интересов и альтернативных подходах к концепциям экономического развития, актуализирует необходимость поиска возможных путей гармонизации конфликтогенной реальности [2, С.126-131].

Российские исследователи В.И. Пантин и В.В. Лапкин определяют процесс модернизации следующим образом: «Обычно под модернизацией понимают исторический процесс перехода от традиционного общества, основанного на господстве традиций, обычаев и религии, а также на власти монарха или вождя, к обществу современному, основанному на постоянном появлении и внедрении новых идей, научных открытий, достижений в различных областях общественной жизни. Устойчивость и динамизм современного общества базируются на развитой рыночной экономике и демократических политических институтах (разделение властей, парламентаризм, гражданские свободы, многопартийность и др.)» [8, С.128].

По мнению некоторых ученых, простое включение в глобальную экономику не гарантирует модернизации и экономического роста. Важны способ и механизмы включения в нее. Обычно выделяют три типа стран, различающихся по характеру и качеству участия в международном разделении труда. Наукоемкие отрасли, высокотехнологичное производство, технологические, информационные, управленческие, финансовые услуги - прерогатива развитых стран (США, Великобритании, ФРГ, Франции). Главный ресурс стран Центральной Европы - высокий уровень образования и квалификация персонала. Эти страны специализируются в первую очередь на инженерных усовершенствованиях и на массовом выпуске комплектующих к товарам, производимым развитыми странами. Третьи страны включены в мировую экономику в качестве сырьевых придатков и потребителей конечной продукции. Либеральные реформы 1990-х гг. нанесли существенный удар по индустриальному сектору экономики. После дефолта 1998 г. на некоторое время возобладал внутренне ориентированный рост, но с 2002 г. экспортносырьевая модель экономики закрепилась. Признаками сырьевой модели развития экономики выступают доля добавленной стоимости, произведенной при добыче сырья, а также доля сырьевых товаров в экспорте страны [2].

С точки зрения А.Аганбегяна, радикальные неолиберальные реформы фактически превратили экономический суверенитет России в 1990-е гг. в главный экспортный «товар», куда более

востребованный на мировом рынке, чем даже сырье и ресурсы. И начать российскому государству в XXI в. обратный процесс - процесс восстановления экономического суверенитета, но уже в новых условиях и на принципиально новой основе - будет стоить очень больших усилий. Связано это прежде всего с тем, что по-прежнему устойчивой остается надежда на «сценарий энергосырьевого развития», поскольку реализация такового пока обеспечивает стабильный прирост ВВП (фетишизированный в годы радикальных неолиберальных реформ) - по официальными данным в 2007 г. при среднегодовом приросте в 7 % (начиная с 1999 по 2002 гг. - 6,7 % в год, с 2003 по 2007 гг. - 7 % в год) был восстановлен его объем по отношению к 1989 г., однако, «из ежегодного прироста ВВП в размере 7 % примерно 4 % приходится на влияние роста экспортных цен и дополнительного притока валюты в страну, и только 3 % экономического роста достигается за счет внутренних источников и факторов», то есть, отмечает академик А. Аганбегян, «мы не являемся пока хозяевами своего роста» [1, С. 22, 24, 31].

Согласно концепции А.В.Петрова, возможность и, главное, необходимость сохранения суверенитета в системе современных «неизбежно глобализирующихся» обществ была поставлена идеологией неолиберализма под сомнение. Однако неолиберальная эйфория 1990-х гг., связанная с упованиями многих экономистов и политиков на объединяющую и креативную роль глобализации, растворилась. Ей на смену постепенно приходит прагматический взгляд на процессы глобальных изменений, который заключается в четком определении места и роли современных государств в усложняющейся, нестабильной системе международных отношений, и формировании возможностей для действительно эффективного участия в них. Именно поэтому, несмотря на укоренившуюся убежденность ряда исследователей в слабости современного государства, неспособности проводить эффективную макроэкономическую и социальную политику в условиях глобализации, роль национальных государств в глобальной экономике не только не уменьшается, а существенным образом возрастает. Определяют эту роль принципиально новые условия развития глобальной производственной системы, требующие от государства все более существенных усилий по созданию благоприятной структурной социоинституциональной среды накопления и воспроизводства главного конкурентного преимущества экономики XXI века - интеллектуального капитала, как основы экономического суверенитета и базового фактора его сохранения [9].

По справедливому замечанию М.И. Кротова, консервативная модернизация, начатая правительством В.В. Путина, означает качественный скачок в технологическом, экономическом и социально-политическом развитии, достигаемый ненасильственными методами, без единовременного революционного изменения общественного строя, без разрушения сложившейся веками культуры, на базе ценностей, традиционных для данной цивилизации. Такой скачок происходит на основе коалиции всех социальных групп, поддерживающих модернизацию, с учетом их интересов, при активном использовании, но без механического копирования опыта других культур и цивилизаций. Либеральный характер модернизации российской экономики означает развитие и эффективное использование инициативы и способностей всех членов общества, их свободную самореализацию на базе частной собственности и государственно-частного партнерства, интеграцию экономики России в мировой рынок, планомерное и основанное на прочном правовом фундаменте ограничение вмешательства государства в общественную жизнь, приватизацию значительной части государственного имущества [7, С.8-14].

Шкварок В.М. справедливо отмечает, что реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики и разумной интеграции со странами, близким нам по социальным, культурным традициям. Поэтому национальные интересы России в этой сфере являются ключевыми. К числу интересов в экономической сфере следует отнести: стабильность финансовой системы, защиту от терроризма и криминализации общества, рациональное использование природных ресурсов, защиту отечественного товаропроизводителя и т. д. Необходимо выработать всеобщую, в рамках существующего экономического пространства внешнюю политику, направленную на усиление экономической экспансии, а также защитить предпринимателей и бизнес от внешней экономической экспансии, противоречащей культуре и нормам ведения бизнеса. В условиях экономической глобализации, национальные экономические интересы ложатся в основу проводимой государством экономической политики, важной составной частью которой является обеспечение экономической безопасности [10].

И.С. Королев справедливо отмечает, что Россия в обозримом будущем останется крупным экспортёром сырья. Здесь есть развилка: или мы — по-прежнему просто сырьевой придаток для всего остального мира или активно используем сырьевой экспорт в целях модернизации. В практическом плане — это ключевой вопрос. Проведение модернизации осложняется массой серьёзных проблем российской экономики. От растущего социального неравенства и коррупции до всё ещё относительно низкой мотивации и культуры труда. Ещё более опасно отставание в разы от США и ЕС по производительности труда и эффективности производства. Энергоёмкость ВВП у нас выше, чем в Китае, в 2 раза выше, чем в США, почти в 3 раза выше, чем в ЕС и Японии.

С.И. Гридина справедливо полагает, что макроэкономические результаты предопределяются также эффективностью функционирования законодательной и исполнительной власти, качеством законодательства, а также правоприменительной практикой, в связи с чем настоятельной необходимостью стала также модернизация российских общественных институтов. На первоначальном этапе институциональных преобразований внутренние процессы модернизации России должны доминировать над внешними и определять конкретные формы, направления и методы включения России в мировое хозяйство. В последующем, при условии успешного развития тенденций глобализации, эти процессы будут постепенно сближаться [4, С. 66 - 70].

А.Ф. Гавриленков справедливо полагает, что модернизация современной России, в том числе и экономики, возможна лишь на пути демократизации общества. Однако демократизация должна идти в ногу с активным участием населения страны в управлении общественными процессами, с одной стороны. Современное развитие российского общества не возможно без реального участия россиян в управлении. Создание и развитие реальных институтов демократии, позволяющие установить тесную связь общества и власти, ускорит модернизацию России в различных сферах. Однако данный путь не может быть осуществлен быстро. Развить способности и активность к участию в управлении обществом не возможно с помощью директив или предписаний от самой власти [3].

Таким образом, модернизация российской экономики в условиях глобальных трансформационных процессов – сложный, многоаспектный феномен, требующий всестороннего исследования и, как нам представляется междисциплинарного подхода. По нашему мнению, современная российская экономика характеризуется высокой степенью включенностью в глобальное рыночное хозяйство. Продолжается процесс интеграции России в ВТО, растет инвестиционная привлекательность российской экономики. Однако, в этой связи, существуют и ряд негативных аспектов, как например чрезмерная бюрократизация российского социума и высокий уровень коррупции, что в значительной мере мешает развитию внешнеэкономических связей России и мирового рыночного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А. Социально-экономическое развитие России: стратегия роста и возможности инвестиционного обеспечения // Общество и экономика. - 2008. № 1.
2. Акерман Е. Н., Богданова О. Е. Экономическое измерение глобализации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. №312.
3. Бондаренко В. И., Мостовая И. В. Глобализация как фактор модернизационных изменений в современном российском обществе // ИСОМ. 2011. №1-2.
4. Гавриленков А.Ф. К вопросу о модернизации экономики России на рубеже XX-XXI вв. // Интернет-журнал «Экономические исследования», №1 (13), Март 2013. URL: http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/33/509/
5. Грудина С. И. Модернизация экономики России в условиях глобализации / С. И. Грудина // Науч. Татарстан. – 2008. – № 3.
6. Королев И.С. Модернизация российской экономики в условиях глобализации. [Электронный ресурс] URL: ://
7. Кротов М. И. Политико-экономические проблемы российской модернизации // Проблемы современной экономики. 2010. №2.
8. Пантин В. И., Лапкин В. В. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности [Текст]. – М.: ООО «ТИД „Русское слово-РС“, 2007.
9. Федотова В. Г. Меняющийся мир и глобализация (начало) // ЗПУ. 2004. №1.

10. Шкварок В. М. Экономическая глобализация как угроза экономической безопасности России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №55.

УДК 31

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ АВСТРАЛИИ И ЯПОНИИ

Шевченко А.И.

STATE POLICY ON FEATURES OF DISABILITY MANAGEMENT IN AUSTRALIA AND JAPAN

Shevchenko A.I.

В статье анализируются опыт реализации государственной политики по отношению к людям с ограниченными возможностями, проблемы и возможности их решения в политико-управленческой практике Австралии и Японии. Автор делает вывод о том, что австралийская социокультурная политика в отношении лиц, страдающих ограниченными возможностями, имеет многоуровневый характер.

This article analyzes the experience of implementation of the state policy in the relation to people with disabilities, problems and their possible solutions in the political and administrative practice in Australia and Japan. The author examines the main problems of rights and freedoms of people with disabilities in society.

Ключевые слова: инвалид, социальное положение, социальная политика, государство, трудовая занятость, права и достоинство людей с ограниченными возможностями.

Keywords: disabled social status, social policy, government, employment, rights and dignity of people with disabilities.

Рассмотрим общие контуры государственной политики регулирования инвалидности на примере Австралии. Общая численность населения страны составляет 22268000 чел. Средняя продолжительность жизни 81,9 лет. Численность индивидов с ограниченными возможностями составляет 3,958,000 чел., что составляет 20%. Показатель трудоустройства инвалидов – 15%, доступ к образовательным ресурсам – 24%[1]. Законодательно социальная политика в области регулирования отношений лиц, обладающих инвалидностью, в Австралии определяется масштабным нормативным актом о «Недопущении дискриминации инвалидов» (Disability Discrimination Act). Этот закон играет определяющую роль в области государственной социальной

политики по отношению к лицам, страдающим ограниченными возможностями.

Для целей данного исследования есть смысл уделить внимание некоторым определениям этой нормы и ее социокультурным проекциям. Так, указанный австралийский закон закрепляет родовые и видовые свойства понятия инвалидности (ограниченных возможностей) человека: а) полная, или частичная утеря физических или ментальных, психических, функций; в) полная или частичная утеря частей тела; с) присутствие в организме определенных расстройства или болезни, д) дезорганизация, повреждение частей тела. Примечателен следующий пункт, - е) нарушение, дезориентация индивида, приводящая к невозможности обучения лица стандартным способом. Пункт ф) расстройство, болезнь или повреждение, которые затрагивают мыслительные процессы человека, восприятие действительности, влияющие на неспособность лица к адекватному поведению, включая нетрудоспособность [2].

Австралия вступила в международные конвенции, регулирующие социальное бытие лиц с ограниченными возможностями, в частности ратифицировала «Соглашение по правам людей с ограниченными возможностями» (Convention on the Rights of Persons with Disabilities). Особое значение в австралийской политике стабилизации и предотвращения инвалидогенности играет участие в международном «Соглашении по запрету на использование, хранение, производство и передачу противопехотных мин».

В протоколе UN ESCAP [3], посвященном статистической информации по проблеме инвалидности на региональном уровне, отмечается, что австралийская социальная политика в области регулирования жизни людей с ограниченными возможностями весьма многозначна и охватывает сферы образования, занятости, реабилитации, здоровья, информационных ресурсов, строительных технологий и планирования, транспорта, социального страхования и опеки. Таким образом, мы видим, что регулирование и оптимизация социальных аспектов, связанных с существованием индивидов с ограниченными возможностями – это комплексная задача.

В дополнение следует отметить, что указанный Закон «О недопущении дискриминации в отношении инвалидов» является продолжением более фундаментального нормативного положения австралийского права – «Закона о правах человека и равенстве в сфере труда и занятости», принятого в 1986 г. Вопрос минимизации инвалидогенности является основной повесткой специальной

государственной стратегии (Commonwealth Disability Strategy). Недопущение дискриминации лиц по признаку ограниченных возможностей – одна из важнейших аксиом системы австралийского управления персоналом.

Рассматривая исторические векторы формирования австралийской социальной политики, Д. Бреннан (D.Brennan) связывает общую ее гуманизацию с событиями начала второй половины XX века, в частности, с протестами против имевшихся практик дискриминации по различным признакам. Так, в движении «Женское освобождение» (Women's Liberation), появившемся с конца 1960-х гг., отстаивались не только принципы борьбы с сексизмом и дискриминацией на гендерной основе. Это полунеформальное объединение со временем трансформировалось во влиятельную политическую силу «Женского избирательного лобби» – Women's Electoral Lobby – (WEL), добившегося модернизации целого ряда правовых явлений на предмет устранения дискриминации в отношении различных категорий граждан, в том числе, дискриминации лиц с ограниченными возможностями. Как пишет Д. Бреннан, «чтобы присоединиться к федеральной бюрократии, WEL заявил о себе как о прагматическом крыле движения освобождения женщин… Вместо того, чтобы сторониться государства, WEL потребовал право участвовать в процессах принятия решений на высшем уровне» [4]. В США нечто подобное мы встречаем в философии «Инвалиды в действии» (Disabled In Action), связанной с элиминацией барьеров и дискриминации, препятствующих интеграции инвалидов в социальную жизнь.

Таким образом, мы видим, процесс социально-правового складывания идеологических, ценностных, институциональных аспектов рассматриваемой в данной работе проблемы имел весьма сложный характер.

Для целей данного исследования есть смысл рассмотреть важнейший пункт австралийской политики по вопросу регуляции жизни людей с ограниченными возможностями, – это положение о специальных программах адаптации (Disability Services), которые стремятся поддерживать людей с ограниченными возможностями, добиваются их всестороннего участия как полноценных членов сообщества. Кроме того, программы представляют услуги, повышающие степень независимости, увеличивая возможности трудоустройства, способствуют позитивному изображению людей с ограниченными возможностями с социальном пространстве. Австралия, пожалуй, служит одним из примеров активного правительственного внимания по отношению к лицам с

ограниченными возможностями. Так, указанный закон (Disability Services) служит законодательной и финансовой основой для целого ряда услуг служб занятости в отношении инвалидов. Например, существуют особые службы (сети) по трудоустройству людей с ограниченными возможностями, так называемые «Vocational Rehabilitation Services», финансирующиеся согласно данной норме.

Уже упомянутый закон «О недопущении дискриминации в отношении лиц, имеющих ограниченные возможности» стремится устранять дискриминацию в отношении людей по причине их инвалидности. Конкретные нормы австралийского права запрещают дискриминацию в отношении таких лиц в сфере занятости, образования, проживания, услуг торговли, общественных организаций, транспорта и т.д.

В социокультурной, философской проекции, австралийский закон о специальных службах для лиц с ограниченными возможностями базируется на идеологии ценностей социальной справедливости. Примечательно, что австралийское общество не просто «рамочно» определяет правовые, институциональные нормы в области поддержки инвалидов. Эти нормы имеют четкую фактическую реализацию, воплощаясь в так называемых 12-ти стандартах услуг для лиц, обладающих ограниченными возможностями. Более того, эти стандарты отражают 26 ключевых показателей эффективности, которые обрисовывают в общих чертах требования австралийского правительства в отношении качества обслуживания. Все австралийские правительственные поставщики службы занятости, предоставляющие услуги для лиц с ограниченными возможностями в «Vocational Rehabilitation Services», в обязательном порядке проверяются на исполнение данных стандартов.

Сервисное согласие со стандартами регулярно оценивается независимыми сторонними аудиторами. Когда аудиторы находят недостатки, эксперт может присвоить компании, или сервису, отрицательный рейтинг, что приведет к серьезным последствиям для поставщиков услуг, основанных на бюджетном финансировании. Не меньшее значение имеет закон о «Реабилитации рабочих и положение о компенсации», предусматривающий процедуры реабилитации и особые схемы компенсации рабочим с ограниченными возможностями. Система взаимного мониторинга показывает «свою прозрачность и эффективность на разных уровнях» [5].

Как полагает Энн Котер (A. Cotter), «услуги для инвалидов должны быть предоставлены в рамках существующих социальных,

медицинских, образовательных и трудовых структур общества. Реабилитация должна проходить в естественной среде, при поддержке специализированных учреждений» [6].

Таким образом, австралийская социокультурная политика в отношении лиц, страдающих ограниченными возможностями, имеет многоуровневый характер. С одной стороны, это четкая логическая составляющая в исходных определениях нормативных актов. С другой – это всесторонний фактический мониторинг государственных и частных служб на предмет эффективности реализации государственных программ поддержки инвалидов. Этот пункт характеризует исполнительный уровень австралийского права в отношении инвалидности, что приводит к весьма эффективным показателям системы государственной поддержки в целом и может служить, на наш взгляд, примером, в том числе, для российской социальной политики.

Рассмотрим социальные регуляторы и контекст жизни людей с ограниченными возможностями в другой эталонной стране – в Японии, в которой общий контур политики в отношении инвалидности имеет ряд схожих черт с вышеупомянутым австралийским типом. Индекс РЧП в Японии равен одиннадцати. Средняя продолжительность жизни 83,2 лет, общая численность населения 126,536,000 чел. Численность индивидов с ограниченными возможностями составляет 7,091,000 чел., что составляет 5% от общего населения. Показатель трудоустройства инвалидов варьируется от 66% для лиц с ограниченными физическими способностями и 57,5% для людей с умственными ограничениями.

Как отмечает известный исследователь социокультурных доминант азиатского общества Лоуренс Бир (Lawrence W. Beer), «японская социально-правовая система эволюционировала от изоляционизма, через милитаризм к невоенной сверхдержаве» [7]. Этот переход помог высвободить для социальных нужд солидные экономико-административные ресурсы, что привело к созданию особой системы регулирования и опеки жизни людей с ограниченными возможностями. Именно в этом правовом контексте в Японии произошло развитие целого комплекса философских ценностей гуманизма, предопределивших отношение социума к жизни людей с ограниченными возможностями.

Нормативно-правовое и социальное регулирование жизни инвалидов отражается в целом перечне фундаментальных положений японского права. Так, «Основной закон о лицах с ограниченными возможностями» определяет понимание инвалидов

как лиц, повседневная или общественная жизнь которых существенно и непрерывно ограничиваются из-за физической, интеллектуальной или умственной неполноценности. Японский менеджмент социально-правовых отношений в области жизни инвалидов весьма детализирован и имеет ряд социально-философских аксиологических проекций. Так, в соответствии с основным законом от 1970 г. (Services and Supports for Persons with Disabilities Law), понятие «инвалид» отсылает к главе 4 положения закона о социальном обеспечении лиц с ограниченными физическими возможностями и к понятию совершеннолетнего (от 18-ти лет), обладающего признаками интеллектуальной неполноценности, описывающейся в главе 5 «Акта о психическом здоровье и социальном обеспечении людей с расстройствами психики» от 1995 г. Понимание людей с ограниченными возможностями в данном случае имеет комплексный характер, что отражено в многомерной системе правовой регламентации.

Хотя диагностика и социальная опека в отношении лиц с ограниченными физическими функциями статистически более проста и определенна, чем для лиц, страдающих умственными отклонениями, которые, зачастую имеют имплицитный, латентный, трудновыявляемый характер, тем не менее, гносеологическому, аксиологическому, морально-нравственному и институциональным аспектам интеллектуальной ограниченности в мировой, в том числе, японской исследовательской литературе отводится значительное место. Следует заметить, что после образования в 1976 г. одной из ведущих организаций по борьбе за права инвалидов «Объединение людей, обладающих физическими дефектами для борьбы против изоляции» («Union of the Physically Impaired Against Segregation»), была принята специальная дефиниция инвалидности. В частности, утверждалось, что «инвалидность – это неспособность или ограничение в активности, связанное с организацией современного общества, которое, либо не уделяет никакого внимания, либо уделяет незначительное внимание в отношении людей, обладающих физическими дефектами, что приводит к исключению их участия из жизни социума» [8]. Как известно, такое определение было подвергнуто критике правозащитными общественными организациями как слишком узкое. В самой дефиниции содержится, с одной стороны, лишь один видовой признак инвалидности (физического характера), во-вторых, имеется вектор критицизма в отношении социального индифферентизма и сегрегации.

В этой связи, японская социально-правовая модель в отношении лиц с ограниченными возможностями сосредоточивается

не столько на травматической, физической сторонах, сколько на психической, ментальной компоненте инвалидности. Так, уже упомянутый «Акт о психическом здоровье» фиксирует понятие психических, умственных ограничений возможностей» в связи с индивидами, обладающими отклонениями шизофренического типа, психотическими расстройствами, которые имеются непосредственно, либо под влиянием применения травмирующих психику веществ, либо в результате задержки умственного развития, расстройств личности и/или других расстройств психики. В широком смысле социально-правовое определение инвалидности основано на положении о том, что инвалиды – это лица, чья повседневная и общественная жизнь существенно ограничены в физических, интеллектуальных, или психических возможностях.

Примечательно, что исчерпывающего толкования и определения понятия «психическая неполноценность» в японском «Законе о психическом здоровье и социальном обеспечении людей с расстройствами психики» мы не находим. В данном случае, на наш взгляд, японская социально-правовая система идет в направлении общемировых тенденций, в частности, опираясь в своих нормах на положения «Международной организации труда» (МОТ), которая приложила массу усилий в определении и социально-правовой регламентации трудовых аспектов для лиц, страдающих ограничением способностей, и выступила инициатором решения этого вопроса в глобальном масштабе.

Трудно переоценить все социокультурные последствия деятельности МОТ. Именно эта организация способствовала трансформации трудового законодательства в сторону все большей социальной ориентированности во многих странах. И действительно, в 1990-м году Министерство здравоохранения и социального обеспечения Японии, опираясь на опыт МОТ, ввело преставление о формировании национальной стратегии поддержки людей с интеллектуально и психически ограниченными возможностями. Согласно этому нормативному акту, всесторонне определены перечни психических нарушений, возрастные, гендерные характеристики. Была разработана государственная комиссия консультационного центра, которая, выдавая идентификационный буклет человеку с интеллектуальной ограниченностью, включала его в особую программу социального страхования и опеки.

12 июня 1992 г. Япония ратифицировала 159-ю конвенцию МОТ. Следует отметить, что 28 сентября 2007 г. Япония также подписала «Соглашение по Правам граждан с ограниченными возможностями» и вошла в число стран-участниц, поддерживающих «Соглашение по запрету на использование, хранение, производство и передачу противопехотных мин». Особое значение имеют программы реабилитации и поддержки (с 2002 г.) и возникший в то же время «Пятилетний курс внедрения приоритетных мер».

Как отмечается в работе известных исследователей философских аспектов азиатского конституционализма Хука и Маккорнака (Glenn D.Hook, Gavan McCormack) о генезисе и социально-философских основаниях законодательства Японии, эта страна вносит в мировое право существенный антимилитаристский, социально-ориентированный гуманистический дух. После второй мировой войны Япония активизировала свои гуманитарные социальные программы, реализующиеся на разных уровнях. Хотя в конституции Японии нет определенной ссылки на категорию людей с ограниченными возможностями, тем не менее, в ней предусмотрено (статья 14) положение о принципиальном равенстве индивидов: «все люди равны в соответствии с законом, запрещена дискриминация по политическим, экономическим или социальным признакам из-за расы, вероисповедания, пола, социального положения или семейного происхождения».

У японской конституции есть три основных принципа: суверенитет людей, пацифизм и гарантии прав человека, именно они предопределяют аксиологическую архитектуру относительно государственной политики нетрудоспособности. Анализируя социокультурные и правовые векторы японской системы регулирования жизни инвалидов, следует отметить «Шесть Законов Благосостояния» Японии. Они обеспечивают основу социальной политики в отношении, лиц с ограниченными возможностями. Эти законы регламентируют указанную проблему структурно на различных уровнях, поскольку маргинализация людей с ограниченными возможностями – это отнюдь не одномерное явление, она связана со сложноорганизованной социальной системой, с барьерами в отношениях, в архитектурной среде и в тех общественных механизмах, которые мешают инвалидам участвовать на равных правах с другими. Эти шесть законов, в порядке их постановления: 1) Закон об Охране детства, предписанный (1947); 2) закон для благосостояния людей с физической нетрудоспособностью (1949); 3) закон о социальной помощи (1950); 4) закон для благосостояния людей с интеллектуальными

ограниченными возможностями (1960), новая редакция (1998); 5) Закон о благосостоянии пенсионеров (1963); и 6) закон для благосостояния матерей, детей и вдов (1964).

Таким образом, правовая система регулирования инвалидности, безусловно, основывается на философском принципе эгалитаризма. Этот принцип проводится последовательно для различных категорий граждан. Баланс между эгалитаризмом и утилитаризмом, часто доминировавшем в понимании общественной организации, преломляет векторы социальной политики, по-разному распределяя бремя социальной ответственности между общественными структурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations ESCAP. Disability at a Glance: a Profile of 28 Countries and Areas in Asia and the Pacific. Bangkok. 2012. P. 60.
2. Об особенностях австралийского права и его социокультурных аспектах см. David Barker. Essential Australian Law. Sydney. 2000, а также, Matthew Groves. Australian administrative law: Fundamentals, principles and doctrines. Cambridge. 2007. Идеология австралийской правовой, управленческой системы в ее широких социально-философских проекциях в кн. Adams Michael. Australian Management Law. Essential Series. Sydney 2001.
3. United Nations ESCAP. Disability at a Glance: a Profile of 28 Countries and Areas in Asia and the Pacific. Bangkok. 2012. P. 61.
4.Brennan Deborah .Thepolitics of Australian childcare: philanthropy to feminism and beyond. Cambridge. 1998. P. 75.
5. From rhetoric to Action. Implementing the United Union convention on the rights of Persons with Disabilities. Cambridge. 2011. P. 45. Так же, многосторонний процесс организации социальной поддержки инвалидов представлен в исследовании: Ronda C. Talley, John E. Crews. Multiple Dimensions of Caregiving and Disability. Research, Practice, Policy. New York. 2012. Ценностный компонент и история социальной опеки несовершеннолетних с ограниченными возможностями в исследовании: Brennan Deborah. The politics of Australian childcare: philanthropy to feminism and beyond. Cambridge. 1998.
6.Anne-Marie Mooney Cotter. This Ability. An International Legal Analysis of Disability Discrimination. Hampshire. 2008. P. 18.
7. Lawrence Beer. Human Rights and Constitutionalism in Japan and Asia. Kent. 2009. P. 251.
8. Lennard J. Davis The Disability Studies Reader. New York.

2006. P. 198.
9. См. общий социально-философский облик эволюции японского права в кн. Daniel H. Foote. Law in Japan. A Turning Point. London. 2007. Документальный подход к социокультурным аспектам японского права – Glenn D.Hook, Gavan McCormack. Japan's Contested Constitution. Documents and analysis. London. 2005, а также в детализированном социально-философском исследовании: Baniel H. Foote. Law In Japan. A Turning Point. Washington. 2008.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

ОЦЕНОЧНОСТЬ КЛАССА «СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Гогичев Ч.Г.

EVALUATION IN THE CATEGORY «STRANGE PERSON» IN GERMAN AND RUSSIAN

Gogichev Ch. G.

В статье проводится исследование субклассов «странный человек» на материале идиом в русском и немецком языках и определение характера их оценочности. Представленные идиомы характеризуются амбивалентностью оценки и выражают абстрактное значение «экстремальная степень признака редкость», причем признак редкость является слотом с переменным содержанием, от его реального наполнения зависит как денотативные признаки идиомы, так и их оценочная характеристика.

The aim of the work is to examine the category of "strange person" in German and Russian and the way how the cognitive classifier "strange" influences the categories' evaluation. The considered idioms reveal ambivalence of evaluation and represent an abstract meaning "extreme degree of the quality rareness. Moreover, the given quality is a slot with a variable meaning, it's semantics depends on real content that this slot represents.

Ключевые слова: значение идиом, оценочность, внутренняя, форма, образ амбивалентность, немецкий, русский.

Keywords: idiom, semantics, cognitive classifier, evaluation, ambivalence, image meaning, inner form, German, Russian.

Богатый спектр признаков, представленный в семантике идиом, раскрывает разные стороны когнитивной деятельности человека. Эти признаки соотносятся с разными видами

категоризации – как отражением объективных признаков некоторого явления, так и субъективным отношением человека к воспринимаемой реальности. В значении идиом такие способы категоризации выражены в области, в которой представлен некий фрагмент действительности – денотат, знания об этом явлении в виде когнитивных моделей (КМ) и блока, представляющего оценку этого фрагмента действительности.

Оценочная деятельность является неотъемлемой частью человеческого сознания, она представляет собой субъективное отношение к окружающему миру наряду с отражением объективной действительности. Оценка является одним из основных средств воплощения и трансляции миропонимания, культуры [4]. По определению Н.Д. Арутюновой, «хорошее – значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности, плохое значит не соответствующее этой модели по некоторым из присущих ей параметров. Критериями оценки являются не объективные признаки явления, а их отношение к человеку – полезность, приятность и т.д. Поэтому там, где речь идет об утилитарной оценке, оценочный класс не может совпадать с естественным, а критерии оценки – с естественными признаками. Утилитарные классы составляют вид особой таксономии, «навязанной» природе человеком и образующей «вторичную» картину мира, учитывающую интересы человека и его реакции на внешние раздражители» [2, С. 178, 181]. Однако оценка явления, выраженная в языковой единице, не всегда выражена положительным или отрицательным знаком. В некоторых случаях оценочное значение может варьироваться, выражая разную точку зрения на объект.

В статье проводится исследование субклассов «странный человек» на материале идиом в русском и немецком языках, которые характеризуются амбивалентностью оценки денотата. Оценка, выражаемая значением идиом, связана с образом, представленным во внутренней форме, который образован как прототип некоторых свойств и служит для категоризации выделенных признаков на основе их соотнесения с оценочной нормой [4]. Норма представляет собой основу оценки тех или иных воспринимаемых объектов действительности. Она включает в себя набор свойств, которыми должен обладать член категории, оценивающийся как «хороший», то есть соответствующий понятиям о положительном представителе класса или «плохой», то есть соответствующий понятиям об отрицательном представителе класса. Оценка явления предполагает

аспектуализацию его признаков, в ее структуре имеется семантическая валентность на оценочный признак объекта.

Подобные классы признаков, категоризованных как признаки плохого и хорошего оценочного прототипа категории, представлены в идиомах как норма «хорошего» в приложении к разным областям действительности, так и релевантные проявления «плохого», т.е. явление оцениваются с точки зрения пользы/вреда для нормального функционирования общества. В зависимости от того, рассматриваются ли выделенные признаки как свойства «хорошего» или «плохого» прототипа некоторой категории и меняется оценка признака, выраженного значением идиомы. С целью определения формирующей основы семантики идиом в ходе анализа вначале указывается концепт, лежащий в основе образования данного субкласса, после чего следует список признаков (идиом), входящих в состав данной субкатегории [3].

Оценочность представлена, главным образом, рациональной оценкой, как фактора, лежащего в основе формирования отношения к обозначаемому идиомой фрагменту действительности, отнесенность к которой определяется в соответствующем параметре. При этом в начале представления каждой категории сделана помета также и об эмоциональном отношении, зафиксированном для данного субкласса.

Результатом анализа является выявление состава субкатегорий «странный человек», представленного соответствующими определяющими концептами с указанием признаков концептов, зафиксированных в указанных группах.

На примере классов, характеризующих «странного человека» в немецком и русском языках, можно проследить за тем, как меняется оценка в рамках одной категории:

Человек, плохо представляющий реальную жизнь

Определяющий концепт: нравственность, житейские привычки

НЕ ОТ МИРА СЕГО [6] *кто.* Далек от реальной, обыденной жизни, со странностями (говорится с одобрением в тех случаях, когда имеются в виду высокие моральные качества, и с неодобрением, когда имеются в виду странные с житейской точки зрения поступки, привычки и т. п.). Реч. стандарт, *кто* — лицо. Неизм. Порядок слов фиксир.

Структура внутренней формы: основана на оппозиции «этот мир – тот мир», где компонент «тот мир» связан с КМ «находящиеся (в нем) обладают выдающимися нравственными качествами» или «находящиеся (в нем) чужды бытовых ситуаций».

Механизм формирования значения: выводное знание типа «если…то…», основанное на КМ, связанных с ВФ, метафорический перенос.

Категория аксиологически амбивалентна.

Сходная категория образована с привлечением образа «белая ворона»: «Белая ворона – человек, который всеми окружающими метится как «не наш», «чужой» в силу непохожести на них. Чаще всего, отмечается несходство в ценностях.

«Белая ворона» отличается от нонконформиста тем, что у такого человека нет специального желания выделяться. Это человек, которому дороги свои ценности, и он не считает правильным ими жертвовать ради того, чтобы его приняли как своего.

"Белой вороной" могут называть ленивого и туповатого человека, которому лень или не удается подняться хотя бы до уровня всех. "Все умытые, а ты как белая ворона!" Такой "белой вороной" быть не стоит.

Но "белой вороной" может оказаться и тот, кто осознанно выбирает свою, отличную от других, индивидуальность.

В этом случае свою индивидуальность можно и нужно защищать» [7].

Эта категория в русском языке имеет следующую структуру:

Человек, резко выделяющийся

Определяющий концепт: выделенность

БЕЛАЯ ВОРОНА *ирон., одобр.* [6]

Человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей.

Структура внутренней формы: образ ВФ актуализирует знание о том, что белые вороны редко встречаются в природе.

Механизм формирования значения: выводное знание типа «если…то…», основанное на КМ, связанной с ВФ.

Категория аксиологически амбивалентна.

Подобная категория в немецком языке представлена двумя членами:

Человек-одиночка

Определяющий концепт: *Individualismus (индивидуализм)*

ирон., одобр.

EINZELGÄNGER (досл. идущий одиноко) [5]

одиночка, индивидуалист; человек, действующий в одиночку [в отрыве от коллектива]

WEIßER RABE (досл. белая ворона) [5]

ein außergewöhnlicher Mensch; jemand, der eine abweichende Meinung vertritt (редкий, удивительный человек, отстаивающий отличное от остальных мнение)

Структура внутренней формы: реализация концептуальной метафоры LEBEN IST EIN WEG (жизнь – это дорога) и знания о том, что белая ворона редко встречается в природе.

Механизм формирования значения: выводное знание типа «если…то…», основанное на прямом значении ВФ.

Категория аксиологически амбивалентна.

Кроме того, рассматриваемое значение представлено в следующих классах:

Человек выделяющийся

Определяющий концепт: *Abweichung (отличие)*

ирон., одобр.

AUS DER REIHE TANZEN/FALLEN (досл. выпадать из ряда) [5]

вести себя не так, как большинство

Структура внутренней формы: образ актуализирует КМ «выделяться из остальных».

Механизм формирования значения: выводное знание типа «если…то…», основанное на КМ, связанном с ВФ.

Категория аксиологически амбивалентна.

Определяющий концепт: *Sonderling (чудак, странный человек)*

иногда ирон., осужд., одобр.

AUS DER ART SCHLAGEN (досл. выбиваться из вида) [5]

быть другим

EIN EIGENBRÖDLER SEIN (досл. кипеть самостоятельно) [5]

не входить в общество, жить уединенно

EIN KOMISCHER/SONDERBARER HEILIGER (досл. смешной, странный святой) [5]

странный человек, со странным поведением

EIN BESONDERES/SONDERBARES KALIBER (досл. особый калибр) [5]

странный человек

EIN KOMISCHER/NÄRRISCHER KAUZ (досл. странный малый) [5]

странный человек

DAS SCHWARZE SCHAF (IN DER FAMILIE) (досл. черная овца) [5]

член семьи с неприличным поведением

DER VERLORENE SOHN [5]

блудный сын

EIN KOMISCHER/SELTENER VOGEL SEIN (досл. комичная, странная птица) [5]

странный, смешной человек

Структура внутренней формы: образы ВФ актуализируют КМ с релевантным значением; *der verlorene Sohn апеллирует к известному библейскому сюжету.*

Механизм формирования значения: выводное знание типа «если…то…», основанное на КМ, связанной с ВФ.

Категория аксиологически амбивалентна.

Результаты нашей работы позволяют утверждать, что рассматриваемый нами в данной работе определяющий концепт проецируется на концептуальную систему в виде нескольких категорий, релевантных с точки зрения оценки. Представленные идиомы характеризуются амбивалентностью оценки.

Рассмотренный материал показывает, что представленные категории русского и немецкого языков выражают абстрактное значение «экстремальная степень признака *редкость*», причем признак *редкость* является слотом с переменным содержанием, от его реального наполнения зависит как денотативные признаки идиомы, так и их оценочная характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. «Осетинский язык и фольклор». М.-Л.: АН СССР, 1949. 608 С.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 С.

3. Гогичев Ч.Г. О субкатегориях класса «Интеллектуальные способности человека» в русском языке // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 3. С. 123-127.

4. Гогичев Ч.Г. Оценочный компонент семантики идиом // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №3. С. 6-13.

5. UDOS LEXIKON FÜR REDENSARTEN REDEWENDUNGEN IDIOMATISCHE AUSDRÜCKE [электронный ресурс]: сайт. –

режим доступа: http://www.redensarten-index.de (дата обращения: 06.12.2013).
6. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка [электронный ресурс]: сайт. – режим доступа: http://phraseology.academic.ru/ (дата обращения: 07.12.2013).
7. Энциклопедия практической психологии [электронный ресурс]:сайт. – режим доступа: http:// www.psychologos.ru/articles/view/belaya_vorona (дата обращения: 07.01.2014).

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

РАЗВИТИЕСЕНСОРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОБЛЕМА МОДИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Джиоева Д.А. Корытина М.А.

DEVELOPMENT OF SENSOR TECHNOLOGIES AND THE PROBLEM OF MAN'S MODIFICATION IN MODERN RESEARCHES

Dgioeva D.A., Korytina M.A.

Авторы анализируют философские аспекты новейших технологий современного инновационного общества. Обозначены различные аспекты функционирования сенсорных технологий в жизнедеятельности человека, а также проблема возможной модификации человека и появление «постчеловека».

The authors analyzes philosophic aspects of the latest technologies of modern innovative society. There is defined different aspects of sensor technologies functioning in people's life activity and the problem of possible modification and development of the term "post-person".

Ключевые слова: новейшие технологии, сенсорные технологии и системы, модификация человека.

Keywords: latest technology, sensor technologies and systems, man's modification.

XXI век характеризуется бурным развитием новейших технологий, оказывающих огромное воздействие на жизнедеятельность человека. В современной отечественной и

зарубежной социальной литературе определенное внимание уделяется различным аспектам функционирования этих технологий. Наряду с информационными, нанотехнологиями, генноинженерными технологиями бурное развитие получили сенсорные технологии, с которыми связана проблема усовершенствования и создания новых органов чувств человека. Конструирование на их основе биороботов молекулярных размеров, наночипов имеют колоссальные социокультурные последствия поскольку с их помощью можно будет осуществить мониторинг состояния различных органов человека, «текущий ремонт», способность продления жизни человека, его работоспособности и т.д.

Философское исследование сенсорных технологий систем связано также с актуализацией проблемы модификации человека. «Модификация человека может привести к возможности радикальной технологической переделке человека и появлению постчеловека» [6, С. 238]. Для его появления помимо сенсорных технологий современная наука разработала другие высокие технологии, которые взаимосвязаны между собой. Человек является частью природы, представляет собой сложную систему, поэтому его можно подвергать модификации только в соответствии с внутренними тенденциями его сущности. Только новейшие технологии способны трансформировать космобиопсихосоциальную природу человека.

Существенным шагом на пути к созданию «постчеловека» является решение проблемы гибрида человека и компьютера, что способно кардинально изменить судьбу человечества, выступая символом новой цивилизации. К этому необходимо прибавить создание исследователями Калифорнийского университета единого функционирующего комплекса, состоящего из человеческих клеток и вживленного в них микрочипа [7]. Это было бы колоссальным прорывом в научных исследованиях, так как в этом случае, в определенном смысле, стиралась бы граница между человеком и компьютером. С учетом такого рода возможностей в научной литературе и была выдвинута гипотеза о том, что Homo sapiens уступит место «постчеловеку», обладающему неорганическим, компьтероподобным интеллектом.

В самых смелых и дерзких предположениях о перспективах человеческой эволюции дело представлено следующим образом. «…Основной сутью процесса развития головного мозга является избавление от древних стереотипов детерминированного (обусловленного генами и физиологической, животной сущностью)

поведения путем атрофирования центров рефлекторно-инстинктивного поведения, как древний «рептильный» мозг (вегетативные реакции) и старый «лимбический» мозг (эмоциональные реакции); и доминантного развития переднего мозга (новой коры), основанного на самореализации человеком своей личности через высшие психические функции (познание), без инстинктивно-эмоционального компонента.

Но тем не менее сознание человека не способно достичь состояния «чистого разума» в данной биоколлоидальной форме, испытывающей огромное влияние гормонально-секреторной деятельности всей биомускульной конструкции-носителя (человеческого тела). Постоянное деструктивное влияние двух более древних отделов мозга (мнение Мак-Лина) негативно сказывается на работе объективного сознания, анализе действительности, формальной логике поступка. Более того, неспособность бионосителя интеллекта (головного мозга и человеческого тела) к процессу бесконечной регенерации (замене составных частей вследствие материального или морального износа, восстановлению нервных клеток) направляют процесс эволюции головного мозга человека к созданию нового, революционного типа неорганического носителя интеллекта — будущему продукту развития современных микропроцессорных технологий (настоящая стадия ~ 2000 год — является начально-эмбриональной; Pentium III 500 MHz процессор не смог бы принять даже Software древнего мозга) [11]. Это гипотетическое положение служит фундаментом теории, которая считает возможным создание экстернального микропроцессорного носителя интеллекта и передачу ему композитного Software мозга человека (интерпретируемого как «душа»).

Необходимо иметь в виду то, что такого рода направление научно-технического прогресса было предвосхищено С. Лемом в книге «Сумма технологии» [4, С. 119]. Вполне вероятно конструирование в дальнейшем псевдоличности компьютерного микропроцессора, который может осуществлять на практике Software в качестве программы самореализации человеческого интеллекта. Как отмечает в связи с этим В.С. Поликарпов, в рамках данного направления получены первые интересные результаты: «Весной 2000 г. электронные средства массовой информации сообщили об исследованиях возможности записи содержания памяти человека. Представим себе, что после получения такой записи через месяц человек попадает в катастрофу, а его мозг получает существенное повреждение, влекущее полную потерю

памяти. Тогда можно восстановить поврежденные зоны мозга и «переписать» в него ранее полученную информацию: в этом случае индивид не будет помнить только события последнего месяца, которые ему можно будет сообщить» [5, С. 231]. Отметим только, что речь идет пока «об исследованиях *возможности* записи содержания памяти человека». Какова будет сама реальность – покажет время.

На возможность создания «постчеловека» указывает и смена парадигмы в компьютерных науках, которая происходит в настоящее время. Как известно, почти сорок лет в компьютерных науках доминировала парадигма интерактивных компьютерных систем, предложенная в свое время Дж. Ликлайдером. Она возникла из-за необходимости обеспечить взаимодействие пользователей с мэйнфреймами в режиме разделения времени и достигла пика развития на волне персональных компьютеров. Однако с развитием компьютерных сетей эта парадигма начинает претерпевать существенные изменения, а на смену ей приходит иная. В корпорации Intel считают, что будущее за проактивными компьютерными системами, т. е. за сетевой средой, которая «предвидит» потребности пользователей и даже выполняет какие-то действия от их лица [10, С. 54]. Здесь необходимо сделать небольшое разъяснение относительно термина «проактивные компьютерные системы». В англо-русских словарях термин «proactive» переводится как «превентивный, профилактический, предупреждающий, упреждающий, т. е. действующий в предвидении будущих проблем, требований или изменений». Ни одно из этих значений не сочетается с «компьютингом», а языковая калька «проактивный» воспринимается нормально, поэтому исследователи остановились на этом варианте.

Как известно, в области информационных технологий до сих пор доминировало направление, предполагающее обязательное интерактивное взаимодействие человека с компьютером. Действительно, если какому-либо пользователю доступны ресурсы одного или нескольких собранных в единую систему компьютеров, то интерактивное взаимодействие необходимо и достаточно — лучше него пока ничего не придумано. «Но если человек попадает в насыщенную компьютерами среду, где на него приходятся десятки или даже сотни устройств (причем о существовании многих из них он не знает), то он просто не в состоянии взаимодействовать с каждым в силу физических ограничений. Следовательно, требуется иная модель, которая свяжет компьютеры непосредственно с окружающим миром, позволит им действовать с упреждением и

самостоятельно от лица пользователя» [10, С. 55]. Такая парадигма получила название «проактивный компьютинг» и фиксирует появление проактивных компьютерных систем, знаменуя собой переход от этапа, на котором управление оставалось прерогативой человека, к этапу, на котором ему остается лишь наблюдать за работой автоматизированных систем. «Сейчас, как и прежде, человек находится в контуре управления системой, а появление проактивных систем позволит ему выйти из контура и стать на позицию наблюдающего за ним (human-supervised operation). Его участие может требоваться только при принятии критически важных решений» [10].

Среди ряда свойств проактивных компьютерных систем в интерпретации Intel можно выделить три основных. Первое свойство заключается в том, что эти системы осуществляют связь с реальным физическим миром без участия человека. Ведь большинство современных информационных систем состоят из серверов, систем хранения данных и персональных компьютеров, объединенных сетями, которые связаны с внешним миром только через человека. В проактивных системах будущего эта связь оказывается такой же, как в системах сбора метеорологических и сейсмических данных и иных системах автоматизированного мониторинга. Второе свойство – это работа в режиме реального времени и в замкнутой цепи обратной связи. При переходе к проективным системам технологические решения приблизятся к тем, которые используются в технических системах, работающих в режиме реального времени. Это относится к операционным системам, которые должны приобрести черты системы реального времени, и к критически важным приложениям. Третье свойство заключается в способности к предвидению, что нехарактерно для интерактивных компьютерным систем: одно из важнейших свойств проактивных компьютерных систем состоит в их способности в какой-то мере предвидеть будущее [10].

Все изложенное выше показывает, что развитие сенсорных технологий и систем, связанных по модели бутстрапа с другими высокими технологиями, свидетельствует о возможности создания в будущем «постчеловека». В пользу этого возможного сценария развития техногенной цивилизации говорит и биологическая, и социальная эволюция. Так, современный человек – Homo sapiens sapiens – появился приблизительно сто тысяч лет назад, что является мгновением по сравнению с этапом эволюции животного мира (первые млекопитающие появились 125 млн. лет назад). Интересно отметить, что эволюция все больше ускоряется: «человек –

строитель государства» появился 8 тысяч лет назад, «человек науки» - 400 лет назад, «человек техники» - 100 лет назад, «человек электроники» - едва 45 лет назад. Британский ученый У. Дэй в монографии «Генезис планеты Земля» подчеркивает, что наступает время, когда должен появиться новый, «постчеловеческий» вид, который он назвал «Человек Омега».

В связи с этим возникает ряд вопросов: каким же будет этот «постчеловек»? Появился ли он уже среди нас? В определенном смысле он уже существует, ибо проявил свою чрезвычайную способность решать сложные задачи в миллионы раз быстрее, чем человек. Речь идет об интеллектуальных роботах, чье развитие идет стремительными темпами, причем в него вносят значительный вклад сенсорные технологии и сенсорные системы. По мнению британского исследователя А. Берри, в будущем «постчеловек» будет существовать как робот в двух модификациях: обе будут обладать одинаковыми интеллектуальными способностями, однако один тип роботов окажется доброжелательным, лояльным человеку товарищем, другой же – будет сеять зло и измену. Возможно, что постчеловек никогда не появится, однако тенденции развития современных высоких технологий, в том числе сенсорных технологий и сенсорных систем, могут привести к появлению «постчеловека». Во всяком случае, исключать такую возможность не следует даже в ближайшем будущем, так как перед человечеством стоит целый ряд глобальных проблем, требующих решения, одной из которых может быть альтернативный путь развития человеческого рода.

Вместе с тем, можно предположить, что этот «постчеловек» будет представлять собой усовершенствованного Homo sapiens, чья культурно-историческая сущность будет детерминирована развитием ключевых технологий – NBIC-технологий (nano-, bio-, info- и cogno) [8, С. 289]. Значимость перечисленных технологий, создание киборга определяется следующими факторами: 1) информационные технологии позволяют более качественно исследовать мозг человека; 2) компьютерные технологии дают возможность для симуляции мозга человека и соответственно симуляцию разума, сознания и других свойств психики; 3) создание и развитие «нейро-силиконовых» интерфейсов расширяют возможности создания «постчеловека»; 4) развитие когнитивных наук открывают возможности для расшифровки «загадки разума», объяснения процессов в мозгу ответственные за высшую нервную деятельность.

В данном случае речь идет о процессе киборгизации современного человека, когда сенсорные технологии и системы, неразрывно связанные с ключевыми NBIC- технологиями, изменяют культурно-историческую сущность человека. Именно благодаря телу, его сенсорному аппарату, возможен контакт человека с миром, именно благодаря телесности (которая представляет собой окультуренное биологическое тело) индивид обретает специфически человеческие способности переживать, познавать, мыслить, творить, т.е выражать свою субъективность посредством языка. Ведь телесность человека, в том числе его сенсорные системы (анализаторы и органы чувств), является не только результатом биологической эволюции, но и культурной истории человека, т.е. человеческая телесность – культурно-исторический, социокультурный феномен. Можно утверждать, что Homo sapiens благодаря искусственному изменению тела посредством сенсорных технологий вместе с ключевыми NBIC-технологиями определенным образом изменит свои сущностные характеристики. Не случайно в научных исследованиях высказывается мысль о том, что вполне возможна «Модификация человека, или его киборгизация – интеграция сосбственно человека и устройства искусственного интеллекта» [6, с. 238]. Речь идет именно об интеграции организма человека и устройства искусственного интеллекта, или «объединения плоти и машин», что ставит фундаментальные вопросы о том, «что делает нас «людьми», какие изменения человеческой природы мы можем принять» [1, С. 166].

Конечно, размышляя об этих изменениях, нельзя ограничиваться учетом изменений в человеческой телесности, «экипированной» самыми совершенными техническими приспособлениями. Ни в коей мере нельзя пренебрегать фундаментальным положением о конкретно-исторической и социально-культурной природе человека. Собственно постчеловек сможет появиться только тогда, когда это гипотетическое существо, тесно интегрированное с искусственным интеллектом, будет способно освоить и усвоить «всю культуру, созданную в истории человечества» [6]. До этих пор искусственные сенсорные технологии и системы, связанные с ключевыми NBIC-технологиями, будут выступать инструментами человека в его жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брукс Р. Объединение плоти и машин // Будущее науки в XXI веке. М., 2008.

2. Джиоева Д.А. Биосенсорные технологии и системы в условиях современного инновационного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 1.
3. Джиоева Д.А., Камалова О.Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 1.
3. Лем С. Сумма технологии. М., 2004.
4. Поликарпов В.С. Современные проблемы науки. Ростов-на-Дону – Таганрог. 2003.
5. Поликарпов В.С., Курейчик В.М., Поликарпова Е.В., Курейчик В.В. Философские проблемы искусственного интеллекта. М., 2008.
6. Российская газета. 4.03.2000.
7. Фостер Л. Нанотехнологии. Наука, инновации и возможности. М.,2008.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004.
9. Черняк Л. Упреждающие компьютеры // Открытые системы. 2004. Сентябрь.
10. Moudrykh V. Theory of the Intellectual Evolution. M., 1999.

УДК 1

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ

Захаров Д.С.

THE PROBLEM FIELD OF THE PHILOSOPHY OF RELIGION

Zakharov D.S.

В статье проанализированы работы отечественных и зарубежных исследователей, демонстрирующие различные определения предмета, объекта и проблемного поля философии религии. Рассмотрен ряд вопросов, позволяющих обозначить проблемные области философии религии. Так же проведён анализ работ, показывающих специфику философии религии как отрасли философского знания.

There are analyzed works of the Russian and western scholars, which demonstrate the different definitions of the subject, the object and the problem field of the philosophy of religion. There is considered a number of questions identifying the problem areas of the philosophy of religion. The indicating works of the philosophy of religion as a branch of philosophical knowledge are analyzed in the article too.

Ключевые слова: философия религии, религиоведение, теология, проблемное поле.

Keywords: philosophy of religion, the studies of religion, theology, the problem field.

Проблемы философии религии являются неотъемлемой частью широкого круга вопросов, рассматриваемых философами во всём мире. Но наибольшую актуальность вопрос проблематики философии религии имеет в нашей стране. Идеологическая ось научного атеизма в советские годы не способствовала развитию философии религии. Контексты современного религиоведения, с одной стороны, и теологии, с другой, ставят проблему специфики философии религии. Может ли философия религии быть частью религиоведения? Этот вопрос является основной темой исследований современных отечественных религиоведов. Определение нового статуса философии религии неизбежно приведет и к изменению самой философии религии. Исторически сложилось, что именно христианская религия является объектом философии религии. Возможно ли обнаружить философию религии за пределами философского дискурса христианской направленности? И если это возможно, то с помощью каких инструментов это необходимо осуществить? Для того чтобы увидеть философию религии в религиоведческих исследованиях или в тексте философской направленности необходимо обозначить проблемное поле философии религии. Исследование проблемного поля философии религии требует не только обозначить и определить проблемное поле философии религии как таковое, но и показать философию религии как отрасль собственно философского знания.

Современный подход к определению предмета философии религии и её проблемных областей наиболее полно представлен в работах отечественных учёных, таких как Н.С. Капустин, В.К. Шохин, И.Н. Яблоков, Л.М.Гаврилина и Ю.А. Кимелев. Наряду с этими работами за последние несколько лет были опубликованы статьи: Г.А. Шефф, О. Киселёва и В. Хромца, С.Н. Астапова.

Работа Ю.А. Кимелева «Философия религии: Систематический очерк» представляет собой попытку систематизации философско-религиозного знания, и эта систематизация опирается, прежде всего, на анализ современного состояния западной философии религии. Ю.А. Кимелев характеризует философию религии как неотъемлемую отрасль европейской философской мысли и даёт следующее определение: «Философия религии в широком смысле слова - это совокупность актуальных и потенциальных философских установок по отношению к религии, концептуализаций ее природы и функций, а также философских подтверждений существования Бога,

философских рассуждений о его природе и отношении к миру и человеку» [4, С.7].

Современный религиозный философ Л.И. Василенко иначе определяет философию религии: «Философия религии — это иная, специализированная область философских исследований, где осмысливается факт существования религии, ее источники и основания, ее место и роль в духовной жизни общества и культуры, ее связь с основными жизненными задачами человека, с поисками истины и нравственной правды» [2, С.5]. Л.И. Василенко видит такие задачи для философии религии: «Во-первых, критически анализировать, как представители разных религий понимают свою духовную жизнь, ее значение, смысл и все, что ее внутренне определяет. Во-вторых, выявлять, как трактуют разные исследователи общность и различия в духовном содержании религий, с акцентированием на то, с помощью каких познавательных средств мы вправе делать выводы относительно общности и различий. И, в-третьих, анализировать теоретические и методологические основания результатов эмпирически ориентированных религиоведческих исследований в социологии религии, психологии религии, культурологии и других областях. И, восприняв к рассмотрению их результаты, соотнести их в единой картине общего понимания религий в целом, определив их место и роль. Последняя задача, впрочем, едва ли разрешима в близкой перспективе» [2, С.5].

Далее автор делает короткое замечание, касательно проблем философии религии: «Ряд тем и проблем философии религии унаследованы из наследия европейской религиозной философии в ее диалоге с теистическими религиями. Например, те, которые связаны с восприятием и пониманием Откровения, — единство Бога, мира и человека, вера и разум, бытие Божие, теодицея, бессмертие души и вечная жизнь, религиозный плюрализм, причины безверия и др.» [2, С.6].

Л.И. Василенко говорит о том что, религиозный опыт человека даёт возможность для исследования как своей религии, так и других. Сопричастность к одной религиозных традиции даёт средства для понимания других традиций. Именно через духовный опыт можно увидеть духовную реальность, обнаружить дистанцию, которая существует между этой реальностью и «философско-религиозными и научно-религиоведческими представлениями». Критический анализ этой дистанции позволяет найти пути коммуникации как внутри своей традиции, так и с другими религиозными традициями [2, С.21]. Д.В. Пивоваров так видит то,

чем должна заниматься философия религии: «Сложилось три основных подхода к решению вопроса о том, чем должна заниматься философия религии: 1) описывать и анализировать природу религии в контексте общего видения мира; 2) в терминах философии защищать либо атаковать те или иные религиозные взгляды; 3) пытаться осмыслить язык религии.

Философия религии - важный раздел философского знания, вне развития которого не могли бы возникнуть величественные образцы и системы западноевропейской и русской философии. Большинство выдающихся русских философов творили в рамках религиозной философии» [7]. В ином аспекте рассматривает философию религии Н.С. Капустин: «Философия религии – это стержень религиоведческих наук, ибо цементирует религиоведческие знания, выполняет методологическую и интегративную функции, что позволяет увидеть их как единое целое». Далее автор разделяет подходы к пониманию философии религии на две основные позиции: «Существует два подхода к философии религии. При первом подходе под философией религии понимают любую философскую рефлексию о религии, позволяющую уяснить ее сущность, генезис и эволюцию. При втором подходе – все сводится к выявлению специфики связи человека с трансцендентальными существами (Бог, ангелы и т.п.), или с некоторыми не проясненными для человеческого сознания, неопределенными высшими сверхъестественными силами» [3, С.37].

На основании вышесказанного мы можем заключить, что в современном отечественном религиоведении существует ряд не сводимых в единый синтез подходов к пониманию философии религии. Так замечает и Л.М. Гаврилина: «Можно говорить о развитии нескольких мировоззренческих и методологических парадигм в современной философии религии», далее она, поднимая проблему соотношения философии религии и теологии, солидарна с Ю.А. Кимелевым: «В данном отношении, по-видимому, можно принять позицию, сформулированную Ю.А. Кимелевым, – о том, что философия религии всегда выступает либо как философское религиоведение, либо как философская теология» [8, С.9].

Говоря об объекте и предмете философии религии, Л.М Гаврилина делает акцент на феномене религиозного сознания, который может быть раскрыт через свои формы: религиозная вера, религиозное знание и религиозный опыт. Обращаясь к вопросу соотношения философского религиоведения и философской теологии, автор делает вывод об общности их предмета и о различии

объекта. Предметом для обоих является религиозное сознание. Объектом для философского религиоведения будет человек в его отношении с миром, а для философской теологии объектом будет являться Бог.

Необходимо заметить, что, ссылаясь на Ю.А. Кимелева, Л.М. Гаврилина приводит различные исследовательские парадигмы определения философии религии в западной философской традиции. Прежде всего, это пять типов философии религии, выделенных немецким исследователем Ричардом Шефлером: философия религии как критика дорационального сознания; философия религии как превращение религии в философию; философия религии как философская теология; феноменология религии; философия религии после лингвистического поворота (аналитика религиозного языка). Далее Л.М. Гаврилина приводит типологию другого западного мыслителя, Ниниана Смарта, который выделяет три типа исследований, которые характеризуют философию религии: «первый тип исследования связан с попыткой анализировать и описать сущность религии в структуре общего взгляда на мир (к этому типу, очевидно, принадлежат труды классиков немецкой философии); второй тип исследования отмечен усилиями, направленными на защиту или атаку различных религиозных мнений в терминах философии (к этому типу, по-видимому, следует отнести как многие теологические работы, так и атеистические); третий тип исследования представляет собой попытку анализировать религиозный язык, – новый тип философии религии, появившийся после лингвистического поворота в философии XX века» [8, С.13].

В.К. Шохин в заключении статьи «Философия религии: проблема идентичности» делает ряд выводов относительно философии религии: «Исходя из этого рассмотрения философия религии предстанет, как и всякая философская дисциплина, в виде критики определенных суждений и систематизации определенных понятий, которым в данном случае должны соответствовать суждения и понятия теологические и религиоведческие. Одновременно здесь можно учесть и то, что философия как дискурс авторефлективный обращена на самое себя, организуя одновременно и то пространство, в котором она действует» [11].

Для полноты исследования необходимо обозначить структуру проблемного поля философии религии. Эту задачу решил И.Н. Яблоков в учебнике «Религиоведение»: «1) выявление статуса

философии религии в общей системе религиоведческих знаний, специфики философского осмысления религии, решение вопроса о методах постижения объекта (метапроблемы); 2) изучение сущности, разработка философского понятия религии, раскрытие возможных принципов подхода к ее определению; 3) исследование онтологических и гносеологических основ и предпосылок религии; 4) анализ особенностей религиозных мировоззрения, онтологии, гносеологии, мышления и языка; 5) раскрытие содержания теистических учений о Боге, обоснований его бытия, соотнесения этих учений с иными субстанциальными парадигмами; 6) выявление специфики и содержания религиозной философии» [12, С.5].

Более свежий взгляд на проблематику философии религии представили в своих работах О. Киселёв, В. Хромец и С.Н. Астапов. В статье «Философия религии: дисциплина, теория или подход в религиоведении?» Олег Киселёв и Виталий Хромец ставят целью «разобраться в статусе и значении философии религии». Для этого они поочерёдно раскрывают позиции философии религии как дисциплины религиоведения, философии религии как теории религии и философии религии как подхода в религиоведении. Рассматривая философию религии как дисциплину религиоведения, авторы статьи приходят к любопытным выводам. В европейской религиоведческой традиции философия религии преимущественно исключается из структуры религиоведения. Причина этого состоит в том, что философия религии «является христианской по своей сути и сосредотачивает своё внимание на христианстве». Получается, что такая «конфессиональная» философия религии не может вписаться в универсальное религиоведение [5, С.145]. В такой ситуации вполне естественна идея о том, что для универсализации философии религии её границы должны быть расширены. Философия религии должна обнаружить себя за пределами «христианской философии религии».

Затем Олег Киселёв и Виталий Хромец рассматривают философию религии как теорию религии. Они упоминают о том, что сама идея философии религии как теории религии непосредственно связана с «Системой философии» Г.В.Ф. Гегеля. В этом контексте философия религии подразумевает под собой науку о религии. Но в западной традиции религиоведения от такой позиции очень быстро отошли, это произошло по причине оформления религиоведения в отдельную область исследований. Совсем иначе обстояло дело в советской России. Этот вопрос раскрывается авторами в контексте анализа философии религии как подхода в религиоведении. Говоря о

специфике советского атеистического религиоведения, они акцентируют на идеологической направленности философии религии [5, С.147]. Философия религии была «сердцем» всех религиоведческих дисциплин. Её основной задачей, в рамках научного атеизма, была идеологическая борьба с религией. Вполне естественно, что в контексте современного отечественного религиоведения без идеологической направляющей, философия религии потеряла свою прежнюю значимость.

О. Киселёв и В. Хромец заявляют, что философии религии необходимо выйти за рамки христианства и направить свои философские изыскания на иные религиозные традиции. Следующая задача философии религии состоит в философском осмыслении результатов исследований других религиоведческих дисциплин, таких как феноменология, социология и психология религии. Авторы настаивают на принципах внеконфессиональности и мировоззренческой нейтральности в «новой» философии религии, свободной как от апологетики религиозной картины мира так и от её атеистической критики [5, С.149].

Вопрос о предмете философии религии раскрывается С.Н. Астаповым в статье «Философия религии, религиоведение, теология: к вопросу о демаркации предметов исследования». Автор говорит о важности определения границ философии религии. Для этого он обозначает объект и предмет философии религии. Объектом современной философии религии является христианство, как наиболее близкая и понятная религия для современного европейского мыслителя. Рассматривая предмет философии религии, автор приводит указанную выше классификацию проблемных областей философии религии И.Н. Яблокова, предлагая определить предмет через систему проблем. При этом С.Н. Астапов подчёркивает такой аспект философии религии как метатеория религиоведения. В заключении автор делает вывод о том, что религиозная принадлежность философа влияет на результат его исследований, так же как и в любой другой отрасли гуманитарного знания. Автор говорит об общем объекте исследований одинаковом как для философии религии и религиоведения, так и для теологии. Объектом является религия, рассматриваемая в различных аспектах своего существования. Именно эти аспекты приводят к отличию в предмете исследований и методологии между философией религии, религиоведением и теологией [1, С.156].

Исходя из вышеизложенных позиций отечественных и зарубежных исследователей философии религии, мы можем сделать ряд выводов относительно философии религии как отрасли философского знания и определения проблемного поля философии религии. Во-первых, исследователи смотрят на философию религии с разных точек зрения и в зависимости от этого выделяют тот или иной аспект философии религии в качестве основного для определения её предмета. Во-вторых, несмотря на разнообразие подходов к определению предмета и объекта философии религии, сходства и различий философии религии и философской теологии, вполне возможно обозначить общую картину проблемного поля философии религии, так как это сделал И.Н. Яблоков. В-третьих, философия религии нуждается в расширении поля исследований, переходе с христианской традиции на другие религиозные системы. И если мы имеем не только общее понимание предмета философии религии, но и его чёткие критерии, сформулированные профессором И.Н. Яблоковым, то мы можем на основании этих критериев выявить наличие философии религии в том или ином философском либо религиоведческом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапов С.Н. Философия религии, религиоведение, теология: к вопросу о демаркации предметов исследования // Sententiae. Філософська думка. Вып. 2. – 2011.- Вінниця: ВНТУ, 2012.
2. Василенко Л.И. Введение в философию религии: курс лекций. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. –248 с.
3. Капустин Н.С. Этапы развития философии религии // Гуманитарные и социальные науки. – 2009. - № 6. – С.37-38. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hses-online.ru/2009/06/09_00_13/04.pdf
4. Кимелев Ю.А.Философия религии: Систематический очерк. - М.: Издательский Дом "Nota Bene", 1998. - 424 с.
5. Киселёв О., Хромец В. Философия религии: дисциплина, теория или подход в религиоведении // Sententiae. Філософська думка. Вып. 2. – 2011.- Вінниця: ВНТУ, 2012.
6. Мюррей М., Рей М. Введение в философию религии / пер. с англ. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. - 410 с.
7. Пивоваров Д.В. Философия религии. Курс лекций. [Электронный ресурс]. – URL: http://humanities.edu.ru/db/msg/46694

8. Проблемы философии религии и религиоведения: учебное пособие / А.Н. Красников, Л.М. Гаврилина, Элбакян Е.С . – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. –153 с.
9. Шефф Г.А. Предметная область философии религии в русской религиозной философии второй половины XIX века // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. http://www.hses-online.ru
10. Шефф Г.А., Камалова О.Н. Некоторые аспекты проблемы гносеологического статуса религии в русской религиозной философии: С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 4.
11. Шохин В.К. Философия религии: проблема идентичности [Электронный ресурс]. – URL: http://episteme.iph.ras.ru/seminar33.doc
12. Яблоков И.Н. Религиоведение: Учебное пособие.- М.: Гардарики, 2000.-536 с.

УДК 1

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мустафаев Ф.М.

CIVILIZATION RISKS IN PRESENT-DAY RUSSIA: FACTORS OF FORMATION AND SOCIO-CULTURAL CONSEQUENCES

Mustafaev F.M.

В статье автор пытается с социально-философской позиции обосновать точку зрения о том, что специфика цивилизационных рисков современной России связана с заложенными в ее социокультурном ядре ментальными основаниями, которые, в условиях системного кризиса, переживаемого российским обществом на современном этапе, препятствуют прогрессивному развитию российского государства и интеграции различных народов, населяющих Россию и относящихся к различным культурно-цивилизационным типам.

The author attempts to demonstrate that social and philosophical aspect of specific features of civilization risks in present-day Russia are associated with mental foundations established in their's sociocultural core. Amid the systemic crisis undergone by the Russian society at the present stage, these mental foundations hamper progressive development of Russian government and integration of various people who inhabit Russia and belong to different cultural and civilizational types.

Ключевые слова: цивилизация, российская цивилизация, ментальность, социокультурный код, социокультурное ядро.

Keywords: civilization, Russian civilization, mentality, sociocultural code, sociocultural core.

Развитие каждой цивилизации происходит на основе той уникальной духовной культуры, которая формирует систему мировоззрения, нравственности, искусства, религии [4, С. 144], социокультурное ядро общества, а потому трансляция иного социокультурного опыта в цивилизационное пространство нарушает логику цивилизационного развития и вызывает цивилизационные риски, поскольку «культурные имплантаты» не приживаются или приживаются очень тяжело в «цивилизационном теле», особенно если они вживляются насильственным путем, как часто это происходило в истории российской цивилизации. Происходит это и в современный период российской модернизации, связанной с процессом зарождения и развития рыночной экономики, демократическими преобразованиями, попытками интеграции России в мировое сообщество на основе «сомнительной мотивации необходимости превращения России в западный тип цивилизации» [1, С. 350], что ставит в прямую зависимость нашу страну от цивилизационных схем развития западных стран.

Как показала реальность, за прошедшие годы постсоветских преобразований Россия так и не стала западной цивилизацией и, более того, она и не приблизилась к ней, но зато, как отмечает В.Х. Акаев, реанимировались проблемы, особенно социальные, которые успешно были решены в годы советской власти [1, С. 350]. Очевидно, России как особой самобытной цивилизации не стоит копировать западные схемы цивилизационного развития, следование которым не привело к социальному прогрессу, а наоборот, ввергло страну в экономический, политический и культурный кризис, привело к обострению межнациональных отношений, что, как совершенно справедливо утверждает Акаев, актуализирует проблему укрепления естественно-исторической почвы и пересмотра ориентиров, связанных с заимствованием чужых социально-экономических достижений и ценностей с ориентацией на укрепление общенационального фундамента [1, С. 351].

Таким образом, одним из факторов формирования цивилизационных рисков, угрожающих стагнацией социокультурного кризиса и последующим распадом российской цивилизации, выступает современная логика цивилизационного развития России, связанная с копированием западных схем экономического, политического и культурного развития, в российском варианте трансформирующихся в некие кентавр-формы,

не приносящие эффективного результата, а усугубляющие дезинтеграционные процессы, наметившиеся после распада СССР и идеологии, скреплявшей народы советского государства и позволявшей развиваться СССР в русле собственной логики и добиваться достижений, порой превосходящих западные, в различных социальных сферах [1].

Другим фактором формирования цивилизационных рисков в России, тесно связанным с описанным выше, выступают риски, заложенные в социокультурном ядре, в ментальности российского общества, в истории образования российского государства, в специфике исторических и этнокультурных связей народов и регионов России, что, в условиях смены парадигмы исторического развития, привело к трансформации цивилизационных характеристик. И.Г. Яковенко пишет о том, что специфические черты российской цивилизации необходимо рассматривать в контексте выделения культурных детерминатив риска, заложенных в культурном коде, в основании которого находится абсолютный социокультурный идеал традиционной культуры, обращенный в глубокое прошлое и представляющий собой образ изначально нераспавшегося синкрезиса, в интерпретации этого ученого представленного как социальный абсолют [10, С. 34].

Синкрезис как слитное первоначальное состояние социокультурного организма задает основной вектор оценки тех или иных явлений и изменений в обществе, формирует устойчивые идеи и интенции культуры и позволяет описать специфику «русского духа», русской ментальности с ее эсхатологизмом, неприятием реального, немифологизированного государства, несводимого к образу народного царя, а также формализованных контактов и процедур, тягой к личным контактам. Все это, по мнению Яковенко, есть проявление идеала синкрезиса [10, С. 34].

Именно в идеале синкрезиса, как показывает разработанная Яковенко цивилизационная концепция, и коренятся цивилизационные риски России. И мы позволим себе остановиться немного подробнее на положениях этой концепции, в рамках которой И.Г. Яковенко описывает цивилизационные риски российского общества [10, С. 36-47]. Так, с позиций синкрезиса как идеала и устойчивой характеристики российской реальности, пронизывающего все измерение социокультурного организма, им рассматриваются как устойчивые и характерные для цивилизационной специфики России следующие явления:сращивание власти и собственности, идеократическое

государство как запрос на единство власти и идеологии, существовавший и существующий в России, а также предпочтение единой, нерасчлененной власти как единственно возможной, эффективной, «настоящей»;особый механизм понимания мира в координатах «должного» и «сущего», основанный на сакрализации «должного» и расхождении его с «сущим», что сформировало традиционную для России дистанцию между декларируемой и реальной нормой;мироотвержение, мироотречение, имеющее религиозные корни и исходящее из убеждения неустранимого конфликта между духовным и материальным миром. С последним ассоциируется зло, а отсюда многочисленные риски - обесценивание человеческой жизни (именно в русской культуре родилась суицидальная игра «гусарская рулетка»; только русские и украинцы продолжают посещать в рамках туристического отдыха страны, небезопасные для жизни), повышенная фоновая агрессивность;эсхатологизм как соединение верности «должному» и мироотреченности, препятствующий динамике и развитию, так как сама идея развития отвергается как тупиковая и гибельная эсхатологическим сознанием;манихейская интенция как черта традиционной ментальности российского общества и российской культуры в целом, самым драматическим образом соотносящаяся с проблемой риска в современных условиях многосубъектного, полицентричного, базирующегося на договорных отношениях мира, в котором заряженный манихейством человек не способен жить, так как не приспособлен к переговорам, компромиссам, коалициям, к эффективной деятельности с теми, кто имеет иные ценности, взгляды и убеждения, интересы и идентичности и в ком этот манихейского типа человек видит «врага»;тенденция к сакрализации власти, которая выступает в формах креативной сущности, подателя всех благ, источника истины, законов и моральных норм, но при этом стоящая над законом и моральной оценкой, что порождает многочисленные и специфические социальные риски, поскольку основная идея сакральной власти заключается в том, что власть не есть часть общества, его институт, что, в свою очередь, естественным образом блокирует обратные связи, механизмы демократического контроля над властью со стороны общества и объясняет причины вырождения демократических институтов новой России.

Характеристики традиционной российской ментальности и цивилизационного ядра, описанные выше, самым драматическим, хотя и не осознаваемым массовым сознанием, образом переплелись с процессом модернизации России и породили многочисленные

риски, что, по мнению И.Г. Яковенко, говорит о том, что традиционная культура исчерпала свои возможности эволюционного развития и наступила эпоха переструктурирования культуры, в ходе которой одни элементы традиционной культуры и ментальности будут трансформированы, другие - изжиты, а некоторые сохранятся в неизменном виде, однако, этот процесс переструктурирования цивилизационного ядра сам по себе представляет системный кризис как самостоятельный источник рисков [10, С. 48], т.е. цивилизационные риски России в своей основе имеют имплицитный характер.

Кроме того, надо понимать, что на пути данного процесса неизбежны волны архаизации и активизации деструктивных тенденций как реакция на отход общества от традиционно модели. Любопытно, что все попытки российского государства осуществить этот отход от традиционности и модернизировать российскую культуру, обновить ее за счет «культурной имплантации», т.е. переноса чужеродных культурных элементов в социокультурную среду российского общества сопровождались тяжелыми социокультурными последствиями, которые в науке получили название социокультурного раскола.

Для этого достаточно вспомнить такие исторические факты, как крещение Руси, реформы Петра I, преобразования в советский и постсоветский периоды истории страны. Каждый из этих модернизационных актов сопровождался культурным шоком, на преодоление которого требовалась мобилизация социальных ресурсов, время. Несмотря на то, что Россия каждый раз после очередной, неестественной по своей сути, модернизации возрождалась и оставалась достаточно сильным государством, сформировавшиеся тенденции социокультурного раскола стали со временем традицией для российского общества, породив особый тип общества - «расколотое общество», о чем подробно говорится в концепции А.С. Ахиезера [2].

Российская цивилизация представляет собой поликультурное и полиэтничное образование, в котором переплелись черты западной и восточной цивилизаций, став источником цивилизационной уникальности России, но в этом всегда состояла и рискогенность ее социокультурного и цивилизационного пространства, в котором в той или иной мере противостояние «Запад-Восток» всегда присутствовало, явно обозначившееся и актуализировавшееся на современном этапе развития российского общества.

Надо сказать, что это противостояние не изжило себя и во всем остальном мире, и, более того, оно стало основанием конфликтогенности развития современных международных отношений, что привлекает особое внимание к России как цивилизации, интегрирующей в себе в рамках особой евразийской цивилизации ментальные и культурные характеристики Европы и Азии, а, следовательно, владеющей особым цивилизационным опытом, неким знанием, которое может пригодиться для предотвращения цивилизационных столкновений между Западом и Востоком.

Однако зададимся вопросом: настолько ли ценным является имеющийся цивилизационный опыт России, которую на современном этапе раздирают межэтнические конфликты, противоречия, когда рост межэтнической напряженности угрожает перерасти в открытые межэтнические столкновения, уже ставшие частью постсоветской истории в 1990-е гг.? Может самой России стоит задуматься о формировании иной стратегии внутрицивилизационного развития в контексте выстраивания позитивных межэтнических и межконфессиональных отношений?

Возникает также закономерно вопрос другого порядка: почему, спустя столетия совместного проживания этот конфликтогенный потенциал межэтнического общения по линии «Запад-Восток» не изжил себя? Обратимся вновь к идеям И.Г. Яковенко, который полагает, что евразийскость российской цивилизации выступает фактором ее неустойчивости, слабой интегрированности ткани государства и неспособности государства как целого пережить модернизацию, так как европейские и азиатские регионы по-разному переживают модернизационный процесс, и процессы на Северном Кавказе, по его мнению, выступают как раз асимметричной реакцией на модернизационные преобразования в христианских и исламских обществах России [10]. Россия представляет собой политическое целое, в котором объединены разные народы и народности, ориентированные на разные цивилизационные модели развития, которые в рамках единой советской идеологии, предлагавшей единые маркеры идентичности, несколько маскировались, а в условиях краха советской идеологии эти цивилизационные идентичности, базовые для различных народов России, актуализировались и на настоящем этапе переживают расцвет, и особое значение начинает приобретать конфессиональный фактор, формирующий противостояние конфессионально-цивилизационного характера по линии

«христиане-мусульмане» при всем том, что в этнокультурном пространстве страны проживает более ста народов и народностей [10].

Своеобразным объяснительным потенциалом в отношении конфликтных взаимоотношений, сложившихся между обществами, относящимися к восточной и западной цивилизациям, обладает концепция ориентализма, теоретическая традиция которой заложила своего рода искажения в процессе изучения цивилизационных явлений и процессов, повлиявшие на формирование, как научных, так и общественных представлений о цивилизационных различиях, в частности между западной и восточной цивилизациями. На заре оформления теоретической традиции ориентализма цивилизационные исследования были связаны с изучением Востока (отсюда и название «ориентализм», в котором воплотилась идея изучения Востока глазами Запада). Так называемые Западные концепции Востока впервые познакомили западную общественность с восточной цивилизацией и сформировали представление о ней, которое базировалось на чувстве превосходства западной цивилизации над восточной, и такая установка очень долго определяла цивилизационные исследования, породив целые научные школы и направления.

Как еще могла западная общественность узнать о восточном мире, о его обычаях, традициях, ментальности и т.д., если для самой восточной цивилизации цивилизационная интроспекция несвойственна, и даже имеющиеся труды восточных ученых, как правило, историко-описательного характера, формировались на базе научных центров западной цивилизации. В частности, сама теория ориентализма получила развернутый вид в работах Э. Саида [8], научная деятельность которого связана с университетами США.

Особенно активно восточная тематика с акцентом на исламской цивилизации стала использоваться Западом и в частности США после 11 сентября 2001 года, когда в русле «поиска врага» как политической доктрины американской цивилизации этим врагом был провозглашен тот, кто исповедует ислам, как тот, который несет зло [9, С. 9]. С этого момента угроза столкновения цивилизаций стала более чем явной, а межцивилизационный диалог - более чем сомнительным.

Итак, в заключение статьи необходимо подчеркнуть, что цивилизационные риски России заложены в социокультурном ядре, в ментальности общества, в истории образования российского государства и присоединения ряда территорий, характере

модернизации и различных темпах ее реализации в регионах РФ, в специфике исторических и этнокультурных связей народов и регионов России и в целом в историческом кризисе российской цивилизации, переживающей смену парадигмы исторического развития и трансформацию цивилизационных характеристик.

Любые прогнозы, связанные с конструированием цивилизационного будущего России ввиду трансформационного характера ее развития достаточно умозрительны, но, в условиях высокого уровня региональной и межнациональной дезинтеграции в совокупности с социетальным кризисом, можно предположить столь же высокую степень угрозы цивилизационного распада российского государства.

В российских полиэтничных условиях обеспечение цивилизационной безопасности предполагает, на наш взгляд, формирование новой цивилизационной идентичности на основе успешного завершения начавшегося процесса формирования новой нации под именем «россияне» на основе общности истории, территории, идеологии, языка при глубоком уважении к межнациональным различиям и культурным традициям различных народов, населяющих Россию [6]. Такой сценарий цивилизационного развития может способствовать преодолению тенденции культурного отчуждения различных национальных и социально-статусных групп в современной России и позволить остановить дезинтеграционные процессы в региональном пространстве страны, однако, его реализация возможна только в условиях завершения модернизационного перехода как закономерного, но достаточно противоречиво осуществляемого ответа России на очередной исторический вызов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев В.Х. Россия в контексте цивилизационных процессов и ее национальные интересы // Россия: многообразие культур и глобализация. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010 1.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 2 т. Новосибирск, 1997.
3. Гончаров В.Н. Политическая информация в общественной системе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 3.

4. Келле В. О методологических аспектах цивилизационного подхода // Альманах «Форум - 2009»; Цивилизационные и национальные проблемы. М.: 2009.
5. Колосова О.Ю. Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 2.
6. Мустафаев Ф.М. Микроструктура межличностного общения в пространстве общественных, социальных и межличностных отношений // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. [Электронный ресурс] http://www.hses-online.ru
7. Несмеянов Е.Е. Матяш Т.П.Модерн и современная модернизация // Гуманитарные и соци-ально-экономические науки. 2010. № 1.
8. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока: СПб.: «Русский міръ», 2006.
9. Тарик А. Столкновение цивилизаций: Крестовые походы, джихад и современность. М.: Астрель: АСТ, 2006.
10. Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 32.

ЭКОНОМИКА

УДК 33

МОНЕТАРНАЯ И ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКИ В СИМУЛЯТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Дмитриева В.Д.

MONETARY AND FISCAL POLICIES IN SIMULATIVE ECONOMY

Dmitrieva V.D.

Развитие информационных технологий способствует быстрому развитию нового социокультурного феномена – виртуальных миров компьютерных игр, в которых формируются экономические отношения по поводу нематериальных благ, таких как внутриигровые артефакты. Эти отношения образуют так называемую симулятивную экономику, в которой присутствует большинство институтов реальной экономики: спрос, предложение, деньги, налогообложение, но в специфичной форме.

New technologies stimulate brand new cultural phenomenon to appear. Virtual worlds of videogames become a new norm of life and produce a number of versions of in-game economy which form economic relations about such intangible benefits as virtual items. These relations become the basis of simulative economy which is a part of real world economy now. It contains a lot of real life institutions such as supply and demand, money, tax in their specific forms.

Ключевые слова: симулятивная экономика; артефакты компьютерных игр, внутриигровые деньги; денежная масса, спрос и предложение денег в многопользовательских онлайн-играх; налогообложение игровых транзакций.

Keywords: simulative economy; virtual world; in-game economy; real-money trade; tax; virtual item, money demand; money supply.

Виртуальные миры компьютерных онлайн-игр благодаря своим захватывающим сюжетам, где каждый желающий может стать главным героем – спасителем мира, сверхчеловеком, с каждым годом затягивают все больше и больше людей. Миллионы людей тратят не только свое время, но и деньги на «жизнь» в виртуальных мирах, покупая возможность реализовать свои фантазии в киберпространстве. «Аватары», населяющих виртуальные миры компьютерных игр, вовлечены не только в социальные, но и в экономические отношения (перераспределение ресурсов, кооперация труда, изготовление и потребление благ, обмен/торговля и т.п.). Появляются производители и потребители благ, которые могут быть использованы только в киберпространстве: еда, ресурсы, оружие, знания, доспехи, зелья, свитки с заклинаниями и заданиями и т.п. Все эти товары не обязательно приобретаются за виртуальные деньги (бонусы, баллы, касты, пойнты или виртуальные национальные денежные единицы), а зачастую за вполне реальную национальную валюту [3].

Жизнедеятельность человека в виртуальном мире формирует не только виртуальные социально-экономические отношения, но и изменяет реальные. Все большее число людей получает доход от обслуживания потребностей, возникающих только в виртуальных мирах, например, создают виртуальную недвижимость, организуют деятельность виртуальных ночных клубов и т.п., а также оказывают услуги другим игрокам.

Экономические отношения по поводу обмена в Интернете совершаются посредством определенных технических процедур, осуществляющихся через различные платежные системы (Яндекс-Деньги, Web Money, 2Pay Pro, PayPal, QIWI и др.). Эти платежные системы являются также посредниками при заключении сделок. Но товарно-денежные отношения между «аватарами» с точки зрения норм реального мира являются незаконными, так как совершаются вне налоговой системы. Для соблюдения законности большинство правил, разработанных для онлайновых игр, запрещает любые экономические отношения между игроками, хотя в некоторых играх предусмотрена возможность добывать определенный ресурс и обменивать его на реальные деньги.

Сформировавшиеся в виртуальной среде вполне реальные социально-экономические отношения мы назвали симулятивной экономикой [2], используя терминологию Ж. Бодрийяра. Анализируя переплетение реального и виртуального, он утверждал, что «порождение моделей реального без оригинала и реальности» – это симуляция [1]. Симулятивная экономика, возникшая в виртуальных мирах компьютерных игр, рассматривается нами как результат достижения производительными силами нового уровня своего развития и формирования соответствующей этому уровня ступени производственных отношений. Так же как и в реальности, в виртуальных мирах компьютерных игр деньги являются специфическим товаром, участвующим в обмене других товаров и выражающим их стоимость. Денежное обращение в виртуальных мирах устанавливается институционально и регулируется игровым государством через механизмы монетарной и фискальной политики. Закладываемая разработчиками игры и ее владельцами, исходя из игрового межрасового баланса сил, используемых игровых механик, а также бизнес-модели, действующих на конкретном сервере, монетарная политика определяет агрегированный спрос и предложение денег в симулятивной экономике, а также условиях для сбережений и займов. Между тем проводимая фискальная политика используется для контроля за денежным предложением посредством налогообложения.

Создатели онлайн-игр не ставят своей первоочередной задачей производство игр как экономических симуляторов, полностью копирующих экономику реальной страны. Спрос и предложение денег в многопользовательских онлайн-играх определяется в общем виде моделью оттока-притока (Faucet-Drain Economy), которая была разработана американским программистом З.Симпсоном еще в 1999 году и позднее развита в статьях его последователей в середине 2000-х гг. Модель представляет собой схему денежных потоков, которые движутся в двух направлениях, агрегируя все доходы и расходы аватара, формируя денежную массу в симулятивной экономике и определяя направления ее расходования.

Формирование денежного предложения происходит из следующих источников:

1) предметы, выпадающие из мобов (на игровом сленге так называемый «дроп»). Убийство неигровых персонажей (мобов) является основным источником денежного предложения в играх, выпадать при этом могут как предметы, которые можно продать, в том числе по спекулятивным ценам на аукционе, так и

внутриигровые деньги, однако «дроп» осуществляется программой случайно, поэтому его состав всегда различен;

2) награды за миссии и квесты. Выполняя игровые задания, игроки получают определенную награду (в том числе денежную), причем каждый квест выполняется лишь однажды (за исключением повторяемых квестов);

3) аукцион и спекуляции, которые предполагают спекулятивный характер торговых отношений между игроками, а также торговля с неигровыми персонажами, обслуживающими игровой процесс;

4) производство. Результаты собственного производства аватар продает на внутриигровых рынках, что дает дополнительный доход;

5) плата за наставничество. Зачастую в играх, чтобы выполнить определенное задание, нужен наставник, который обычно стоит выше по уровню своего развития в игре. Если в реальной жизни игроков не связывают личные отношения, то обычно принято платить за наставничество как за любую другую услугу по договорной цене;

6) золото, медали, слитки. Обычно эти предметы можно использовать вместо валюты для приобретения редких и элитных товаров. Зачастую данные предметы можно либо приобрести на аукционе, либо получить в награду за выполнение игрового задания;

7) черный рынок. Черный рынок возникает стихийно и не регулируется никакими государственными институтами, которые держится в стороне от регулирования отношений между аватарами в силу высоких издержек контроля. Черный рынок обычно создается и функционирует по образу и подобию реальных валютных рынков, т.е. реальная фиатная валюта подлежит обмену на внутриигровую валюту по заранее определенному обменному курсу, который обычно различен для разных серверов одной и той же игры и для противоположных рас (т.е. зависит от баланса сил в игре, определяемых владельцами серверов). Этот своего рода валютный рынок имеет олигополистическую структуру, так как он обычно поделен между 3-4 участниками, которые предоставляют аналогичные услуги (обмен валют, «прокачку» персонажей).

Такая торговля осуществляется практически анонимно через сайт-посредник или непосредственный контакт в игровом пространстве, а оплата услуг производится через электронные кошельки, поэтому ни продавец, ни покупатель лично не знакомы.

Теперь рассмотрим основные статьи расходования денежной массы. К ним относят:

1) смерть персонажа. В каждой игре за смертью персонажа следует его немедленное воскрешение. Однако ему сопутствуют некоторые траты: затраты восстановление опыта, здоровья, маны и снятие смертельного заклятия, которые возрастают по мере развития уровня персонажа; восстановление части имущества, утерянного в виде штрафов в момент смерти;

2) торговля, которая предполагает приобретение определенных товаров у неигровых персонажей;

3) аукцион, спекуляция. Использование аукциона предполагает выплату комиссионных неигровым персонажам;

4) частная лавка, которая предполагает приобретение товаров непосредственно у другого игрока;

5) приобретение ресурсов. Многие ресурсы аватар может собрать сам. Для этого ему необходимо развивать навык сбора. Как только игрок предпочитает использовать игровое время на решение игровых заданий, а не на «прокачку» сбора, он становится вынужден приобретать ресурсы на аукционе или в личных лавках других аватаров;

6) траты во время квестов, которые предполагают определенные расходы на перемещение в игровом пространстве, приобретение игровых предметов, необходимых для выполнения задания, дачу взятки и т. д.;

7) расходы на бытовые нужды. Каждый аватар, как и человек, испытывает определенные потребности (в одежде, еде, крыше над головой), поэтому естественно возникает необходимость приобретения одежды, доспехов, оружия, свитки, базовые умения;

8) золото, медали, свитки. Приобретение определенных статусных товаров предполагает расходы на специальные средства оплаты;

9) плата за услуги неигровых персонажей. Некоторые неигровые персонажи специализируются на предоставлении особых услуг (наложение специальных заклинаний, изменение внешнего вида предметов, улучшение качеств игровых предметов и т. д.). Эти услуги требуют оплаты в зависимости от уровня сложности процесса.

Контроль за денежным предложением может осуществляться двумя способами – либо введением политики рестрикции, либо через налогообложение.

Первый способ проявляется в том, что государство в лице администраторов серверов может устанавливать ограничения для сумм торговых сделок, проводимых аватарами, однако на практике встречается не так часто.

Второй способ является более распространенным и предполагает наличие двух источников и соответственно двух налогополучателей: во-первых, внутриигровые транзакции (налогополучатель – виртуальное государство); и во-вторых, торговля с реальной валютой (получатель – реальные государства).

Налогообложение внутриигровых транзакций является одной из игровых механик и зачастую скрыто от игроков, сведения об уровне налогов обычно недоступны и потому не привлекают особого внимания. Однако иногда такие сведения становятся доступны. Данные сервера объединяет единая бизнес-модель и администрация (государство), однако между собой сервера не связаны, что сдерживает перелив капитала между серверами и способствует поддержанию равновесного состояния экономики игры.

Такие налоги довольно незначительны на первый взгляд и, с точки зрения многих пользователей, незаметны. Они представляют собой в широком смысле налог на продавца и включены в стоимость товаров и услуг, предоставляемых неигровыми персонажами, которые и являются сборщиками этих налогов. В действительности разница в ценах на одни и те же товары на разных серверах практически незаметна.

В целом основной причиной установления неравных ставок налогообложения является перелив и концентрация пользователей на выбранном администрацией сервере. Низкие налоги позволяют приобретать товары по гораздо более низким ценам, чем на территориях других серверов, а высокий приток пользователей способствует расширению аукциона и развитию других торговых отношений. Одновременно на территориях с высокими налогами игроки испытывают острую нехватку денежных средств, так как даже в стоимость базовых товаров включены налоги. В результате пользователи предпочитают не использовать данные сервера, что способствует формированию слабых экономических отношений между немногочисленными персонажами. Часто пользователи отвергают институты налоговой системы, утверждая, что рост благосостояния через внутриигровые транзакции не является их основной целью в процессе игры. С другой стороны, существующие концепции вмененного дохода обеспечивают соответствующую защиту интересов налогоплательщиков во всех виртуальных мирах и, что важнее, говорят о том, что внутриигровые транзакции должны стать налогооблагаемыми.

Таким образом, возникают значительные сложности при определении объекта налогообложения вообще. «Буравящий взор

сборщика налогов смотрит на World of Warcraft и видит налогоплательщиков, играющих ради призов и наград. Он смотрит на торговлю в Second Life и видит бартер» [4]. Поэтому вопрос реального налогообложения в симулятивной экономике остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Librusek, 2012. Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml// Перевод А. Качалова. http://exsistencia.livejournal.com/ 21 декабря 2012 г. (Дата обращения 22.12.2012 г.) (Оригинал: Baudrillard Jean. Simulacres et simulation. Paris: ÉDITIONS GALILÉE, 1981. (© 1981, ÉDITIONS GALILÉE, 9 rue Linné, 75005).
2. Губарь О.В., Дмитриева В.Д., Попов М.В. Институционализация инновационной среды в интернет-формате // Потенциал и перспективы экономического развития России в условиях модернизации: монография / Под ред. Г.Б.Клейнера, О.Ю.Мамедова, В.В.Сорокожердьева. – М.: Современная экономика и право, 2012.
3. Дмитриева В.Д. Миф как основа институциональной среды виртуального мира // Теория и практика коммерческого посредничества в сфере обращения: материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов / РГЭУ (РИНХ). – Ростов н/Д, 2012
4. Camp B.T. The Play's the Thing: A Theory of Taxing Virtual Worlds // Hasting Law Journal. – 2007. – № 1. – Vol. 59. [Электронный ресурс]: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=980693 (дата обращения 03.03.2013)

УДК 33

СТРАТЕГИИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ТУРПРЕДПРИЯТИЯ

Ивушкина Е.Б., Кушнир И.Б., Страданченко А.А

THE STRATEGY OF TOURIST ENTERPRISE'S CONSUMERS FIXING

Ivushkina E.B., Kushnir I.B., Stradanchenko A.A.

Издержки переключения – это любые издержки, связанные со сменой турпредприятия. Альтернативная стратегия заключается в создании у потребителей дополнительных и значимых издержек переключения. Закрепление потребителей за туристской компанией говорит об успехе ее стратегии, поэтому любую компанию должна интересовать степень приверженности потребителей к ее продуктам или услугам.

Expenses of switching mean the any expenses connected with change of the tourist's enterprise. Alternative strategy consists of creation for consumers an additional and significant expenses of switching. The consumers securing for tourism company says about the success of its strategy, so any company should be interested in the degree of commitment to the consumers for its products or services.

Ключевые слова: издержки переключения, стратегии, турпредприятие, потребители.

Keywords: expenses of switching, strategy, tourist's enterprise, consumers.

Издержки, связанные с переключением – это концепция, которая ограждает компании от резких изменений потребительских предпочтений и влияния конкуренции. Традиционно использование постоянных потребителей сводится к предложению им новых вариантов продуктов и дополняющих товаров, что позволяет извлекать из потребителей как можно больше прибыли. Для закрепления потребителей используются различные стратегии: альтернативная стратегия, транзакционные издержки переключения, издержки обучения, программы поощрения постоянных потребителей, совместимость, обучение потребителей: мотивация и возможности, сетевые эффекты как издержки переключения на уровне рынка. Альтернативная стратегия заключается в создании у потребителей дополнительных и значимых издержек переключения. Речь идет о финансовых или эмоциональных барьерах любого рода, препятствующих переключению потребителей с одного турпредприятия на другое. При наличии таких издержек логическая цепочка между степенью удовлетворения потребителей и их приверженности или лояльностью компании разрушается.

Издержки переключения – это любые издержки, связанные со сменой турпредприятия. Они включают все затраты связанные с отказом от использования услуг турпредприятия и налаживанием новых отношений, которые приносят такие же результаты. Эти издержки связаны с технологией или индивидуально назначаемыми ценами. В любом случае, они служат барьером для перехода из одной компании в другую. Фактически издержки переключения являются фактором, усиливающим преданность потребителя компании [1].

Закрепление потребителей за туристской компанией говорит об успехе ее стратегии. На успешность развития туристской компании влияют три главных фактора [5]:

1. возможность увеличения притока денежной наличности в будущем за счет расширения рынка (привлечения новых потребителей) или перекрестных продаж существующим

потребителям;

2. возможность ускорения поступления денежной наличности – этого можно добиться в результате активизации разработки новых турпродуктов и проникновения на новые рынки;

3. возможность уменьшить неравномерность поступления денежных средств, что позволяет сохранить постоянных потребителей и обеспечить стабильное поступление выручки.

Издержки, связанные с переключением – это альтернативная концепция, которая ограждает компании от резких изменений потребительских предпочтений и влияния конкуренции[2]. Здесь нельзя смешивать приверженность к предоставляемым услугам одной туристской компании и издержками переключения. Потребители могут быть переданы туристской компании и без высоких издержек переключения. Если потребителям нравится та или иная туристская компания – это хорошо, но приверженность к туристской компании, основанная на издержках переключения, намного лучше. Она не зависит от краткосрочных изменений сравнительного качества предоставляемых услуг разных туристских компаний или цены, потому, что потребители закреплены. Однако во многих случаях дифференциация продуктов не обеспечивает необходимую лояльность потребителей. Чем быстрее конкуренты скопируют новшество, тем более уязвимее становится стратегия дифференциации. Особенно это касается рынка туристских услуг, поскольку здесь потребители турпродуктов ищут разнообразия. Стремление к последнему означает, что потребители склонны менять туристские компании, чтобы попробовать «что-нибудь новенькое». На рынках, на которых потребители ищут разнообразия либо туристская компания постоянно предлагает обновляющийся ассортимент, либо компании-конкуренты меняют турпродукты ради самого процесса. В любом случае статичная дифференциация тупродуктов не обеспечивает лояльности потребителей.

Транзакционные издержки переключения. В туристском бизнесе, например, при продаже тура в страну, требующую оформления визового режима, можно предложить снизить процент комиссионного вознаграждения при реализации билетов, но увеличить стоимость оформления визы, поскольку транзакционные издержки, связанные с самостоятельным оформлением визы значительны. Поэтому, чем выше транзакционные издержки, связанные с оформлением визы, тем больше могут быть скидки, на реализацию проездных билетов. Потребитель будет сравнивать стоимость проездных билетов в туристском офисе со стоимостью билетов в кассах. Если стоимость проездных билетов будет

соответствовать, то потребитель согласится на оформление всего пакета документов на месте. В то же время в стоимость оформления визы можно включить скидку, которая была предоставлена при продаже билетов.

Издержки обучения. Чтобы получить полную отдачу от многих сложных продуктов, требуется обучение большого количества пользователей. Сказанное относится и к более простым офисным приложениям, таким как Microsoft Word. Чтобы понять, как работает новая программа многим пользователям требуется время и помощь специалистов. По мере накопления опыта они начинают использовать программное обеспечение более эффективно. Эти затраты времени обусловливают издержки переключения, связанные с обучением. В области программного обеспечения издержки обучения, как правило, значительно выше стоимости лицензии на их использование.

Издержки обучения могут оказывать огромное влияние на конкурентоспособность. Расходы на приобретение программного обеспечения могут оказаться лишь верхушкой айсберга общих расходов на переключение, основную долю которых составляют издержки перехода на новое оборудование и издержки обучения. Следует также учитывать текущие затраты на управление различным оборудованием в рамках системы автоматизации офисных работ. Дешевле всего переход на новое офисное приложение обходится тем пользователям, которые относительно редко взаимодействуют с основной массой пользователей, обменивающихся более сложными документами. Что нельзя сказать про предприятия турбизнеса, у которых производственный процесс представляет собой высоко компьютеризированный информационный обмен между участниками бизнеса: туристами, турагентствами и туроператорами. Особенно важно здесь выбрать правильно программное обеспечение, позволяющее автоматизировать деятельность турпредприятия. И речь сейчас идет не о внутрифирменной автоматизации, а о связи с внешней средой – с потребителями турфирмы. Для привлечения потребителей и более оперативного оформления заявок многие турфирмы используют возможности «виртуального» туристского предприятия – своего рода электронного магазина, позволяющего автоматически публиковать прайс-листы и цены на услуги турпредприятия на сайте, а также осуществлять поиск и подбор туров, выставленных на сайте, предоставлять возможность бронирования туров с сайта с последующим оформлением соответствующих документов.

Здесь присутствует двойное закрепление, во-первых,

закрепление турпредприятия за компанией, произведшей данный программный продукт. А, во-вторых, закрепление потребителя за данной программой турпредприятия. Осуществив однажды успешное оформление заявки на тур, потребитель будет закреплен издержками обучения использования ресурса электронного магазина данного турпредприятия.

Программы поощрения постоянных потребителей являются одним из самых эффективных инструментов маркетинга [3]. Это система гарантированных скидок, предоставляемых в зависимости от объема потребления, что может обеспечить мощный эффект закрепления потребителей.

Совместимость. Необходимость совместимости покупок, совершенных в разное время, может привести к появлению значительных издержек переключения. Потребители могут не переключиться на другое турпредприятие. Спустя некоторое время потребители могут переосмыслить свое решение, касающееся выбора турпредприятия. Необходимость приобретения турпродуктов, совместимых с приобретенными ранее, создает мощный эффект закрепления. Различия между издержками переключения, связанными с совместимостью, обучением и транзакциями, заключается именно в том, как именно поставщики (туроператоры) манипулируют ими с помощью ценообразования. Величина издержек переключения, которые приходится нести потребителю, зависит от цен. Если производитель отдает их почти бесплатно, издержки переключения отсутствуют. Чем они дороже – тем выше издержки переключения.

Обучение потребителей: мотивация и возможности. Обучение пользователей конкретного продукта – важнейший фактор формирования издержек переключения. Смысл обучения потребителей и возможности обучения связаны исключительно с особенностями предоставляемых услуг. Потребителям приходится к ним адаптироваться. Обучение потребителей должно базироваться на компромиссе: обучение – это цена, которую покупатель готов платить за более высокую ценность продукта. Высокой ценностью для потребителя выступает более низкая стоимость туров, приобретаемых посредством интернет-продаж, поскольку такие продажи не требуют затрат на оплату труда менеджера туристской компании. Потребитель сам выбирает необходимый тур, размещает заказ, оплачивает его и получает по почте (или курьером) свои документы на тур. Чтобы облегчить процесс обучения, туристскому предприятию необходимо снизить барьеры для доступа к соответствующей информации при помощи процесса постепенного

обучения. В этом случае потребители учатся шаг за шагом, что ведет к постепенному закреплению. При таком пошаговом обучении успех на каждом этапе стимулирует потребителей к продолжению трудоемкого в целом процесса. Так, например, первым шагом в обучении потребителей услуг турпредприятия может стать знакомство с Web-витриной для выбора тура, с последующим непосредственным оформление в офисе с участием персонала – менеджеров-агентов. Следующим шагом для компании уже может быть выбор и размещение заказа при помощи специализированных программ, однако оплата услуг будет осуществляться традиционным способом, при помощи наличных платежей или безналичных перечислений. И, наконец, завершающим этапом, будет оформление заявки и использование «электронных» денег для оплаты предоставляемых услуг.

Одна из наиболее интересных гипотез относительно Интернета состоит в том, что он снижает издержки переключения потребителей, т.к. те, кто умеет им (Интернетом) пользоваться, могут получать информацию быстрее и с меньшими затратами времени. Интернет является богатым источником информации, и его можно использовать для получения сравнения цен и качества услуг туристских предприятий.

Сетевые эффекты как издержки переключения на уровне рынка. На рынке с закрепленными потребителями доля компании является надежным показателем возможности получения прибыли в будущем. Еще более надежным показателем может стать сложившийся круг потребителей, который создает предпосылки для получения более высокой прибыли с помощью ценовой дискриминации. Степень целесообразности ценовой дискриминации определяется размерами сложившегося круга постоянных потребителей и количеством новых потребителей, которые впоследствии придут на рынок. Перспектива получения более высокой прибыли служит мощным стимулом для завоевания доли на рынке уже сегодня. Одним из инструментов здесь выступает ценообразование, поскольку агрессивное ценообразование позволяет расширить круг постоянных потребителей и продавец идет на скидки ради возможности в дальнейшем устанавливать наценки.

Продавец может выбирать между получением прибыли сегодня (благодаря низким ценам, привлекающим новых потребителей) или завтра (с помощью более высоких цен, устанавливаемых для закрепленных потребителей). Это может быть игра с нулевой суммой, т.к. исход во многом зависит от ожиданий

потребителей и того, каких потребителей привлекут низкие начальные цены. Однако, если потребители поступают рационально, они могут предвидеть, что низкие цены сегодня означают высокие цены завтра. Вот почему они менее чувствительны к ценам первого периода и, следовательно, более низкие цены первого периода могут не дать ожидаемого эффекта, поскольку не приведут к формированию устойчивого постоянного круга потребителей. В этом случае для формирования широкого круга постоянных потребителей одной ценовой политики недостаточно. Чтобы оказаться привязанным к определенной компании, потребители должны иметь еще какие-то выгоды. Такими выгодами могут стать особенности предоставляемых услуг.

Многие туристские компании полагают, что агрессивное ценообразование существенно улучшит их положение на рынке. В сущности это борьба за долю на рынке с помощью низких цен первого периода. Идея заключается в том, чтобы как можно скорее сформировать значительный круг постоянных потребителей.

Для того, чтобы новые участники рынка или небольшие компании могли создать постоянный круг потребителей, важно преодолеть имеющиеся у потребителей издержки переключения [4]. Если же у небольшой компании будет присутствовать хотя бы небольшое преимущество, связанное с долей на рынке, оно может автоматически возрастать, когда наблюдаются внешние сетевые эффекты. Этот эффект называют зависимостью от траектории. Как только продукт с внешними сетевыми эффектами получил преимущество, связанной с рыночной долей, эта доля будет расти, пока не станет доминирующей. При этом не имеет значение, насколько значительным было начальное преимущество.

Рынками с сетевыми эффектами считаются такие рынки, на которые полезность продукта для потребителей возрастает по мере увеличения числа пользователей. В результате появляется сильное стремление к совместимости с выбором других потребителей. Различия между издержками переключения и сетевыми эффектами состоит в том, что применительно к первым потребители озабочены совместимостью отдельных покупок, следующих одна за другой. Что же касается сетевых эффектов, то потребителей интересует совместимость с покупками других пользователей.

Воспринимаемый потребителями риск играет важную роль в выборе турпродукта. Когда же определенный турпродукт одновременно предпочитают многие другие потребители, новые потребители могут решить, что данный выбор менее рискован. Таков сетевой эффект мультипликации, который влечет за собой инертную

зависимость новичков.

Например, в развитии горнолыжного туризма наблюдаются внешние сетевые эффекты. Заниматься горнолыжным туризмом в настоящее время стало модным. Привлекательность горнолыжного туризма обусловлена тем, что это единственный массовый вид спорта и отдыха в зимнее время. К тому же зимний горный пейзаж отличается высокой эстетичностью, также как и сам спуск по трассе ярко экипированных лыжников. Современные горнолыжные центры оборудованы лыжными трассами, трамплинами и подъемниками. В штат горнолыжных курортов входят инструкторы, спасатели, служба предупреждения лавин, врачи. Горнолыжный туризм относится к дорогим видам туризма из-за высокой стоимости лыжного снаряжения и обслуживания отдыха.

Развивая направление по организации отечественных горнолыжных туров, туристская компания получает конкурентные преимущества на рынке с внешними сетевыми эффектами. Организуя поездки на отечественные горнолыжные курорты, компания предоставляет широкому кругу потребителей «приобщиться» к модному увлечению, за более умеренную плату по сравнению с зарубежными курортами. Переключение на новые отечественные горнолыжные туры имеет место тогда, когда ожидания потребителей зависят от количества пользователей тех же горнолыжных туров. При наличии большего количества других пользователей продукта потребители могут рассчитывать на более низкие цены. Они могут решить, что компания с большим числом постоянных потребителей не использует чрезмерную ценовую дискриминацию. Это также служит проявлением позитивного сетевого внешнего эффекта.

Таким образом, такие кажущиеся незначительными преимущества могут опрокинуть сетевой рынок в пользу единственной компании, которая предлагает престижный и модный отдых по умеренным ценам в России.

Постоянные потребители, связавшие себя с определенным туристским продуктом компании, накопив знания о нем или бонусные баллы в рамках программы итоговых скидок, чувствуют себя в определенной степени закрепленными за соответствующей компанией. На рынке с издержками переключения такие потребители представляют собой самый ценный актив. Они не только являются главным источником прибыли, но и создают компании хорошую репутацию, которая побуждает других потребителей покупать ее турпродукт или переключаться на него. Выгодное использование закрепления потребителей предполагает

постепенное увеличение издержек переключения с помощью последовательного предложения ценных дорогих дополняющих товаров и услуг, что ведет к формированию круга постоянных потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешин М. Что такое вынужденная лояльность? [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.loyaltymarketing.ru/articles/2013/07/18/
2. Бюшкен И. Возьми клиента в заложники: как это делается. / И. Бюшкен – М.: Секрет фирмы, 2006. – С. 44-57.
3. Котлер Ф. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм: учебник для студентов вузов / Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 460
4. Орвиль С. Уокер Стратегии проникновения на рынок [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ippnou.ru/print/002214/
5. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. / Майкл Е. Портер; Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С.45.

УДК 33

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ БРЕНДА КАВКАЗА В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ МАРКЕТИНГЕ

Тен Ю.П.

SYMBOLIC APPROACH TO ANALYZE OF THE TERRITORIAL BRAND OF CAUCASUS IN THE TERRITORIAL MARKETING

Ten Y.P.

В статье осуществлена философско-культурологическая реконструкция и анализ образов и символов, которые способны стать основой для брендирования Кавказа как составного элемента маркетинга территории с целью повышения ее конкурентных преимуществ.

In the article author conducts the philosophical-cultural reconstruction and analysis the images and symbols which can be the foundations for branding the Caucasus as key element of the marketing of territory with the purpose of increase of its competitive advantages.

Ключевые слова: бренд территории, маркетинг, образы и символы Кавказа, бренд Кавказа

Keywords: brand of territory, marketing, images and symbols of Caucasus, brand of Caucasus

В эпоху глобализации в связи с усилением конкуренции между международными и национальными компаниями в странах и регионах актуализируется проблема территориального маркетинга. В России значительно возрастает процесс межтерриториальной конкуренции: регионы вступают в поле конкуренции друг с другом за инвестиции, лояльность и поддержку федеральных властей, информационные потоки, привлечение квалифицированной рабочей силы, туристов и иные ресурсы развития. Специфика стратегий маркетинга территорий определяется тем, что они формируются под влиянием изменений, которые происходят в экономической, политической и социальной жизни. Становление России на путь инновационного хозяйствования, а также активизация ее участия в международном разделении труда создали предпосылки для использования принципов и методов стратегического маркетинга в области управления страной и ее территориями.

Предметом исследований в территориальном маркетинге выступает конкретная территория. Территория – часть земной поверхности в определенных границах (государственных, административных, экономических, природных), имеющая площадь, особенности ландшафта, уникальный климат, особенности расселения, хозяйственные традиции и т.д. Маркетинг территории – это осознанная и целенаправленная деятельность по разработке и внедрению комплекса мероприятий способствующих максимальному удовлетворению социально-экономических интересов территории, а также внешних потребителей, во внимании которых заинтересована территория [1]. Целью территориального позиционирования выступает поиск основных факторов, подчеркивающих уникальность данного объекта. В рамках данной работы особый акцент ставится на проблеме территориального брендинга как элемента маркетинга территории. Брендинг территории – один из основных способов повышения конкурентноспособности территории/региона. Брендинг территории – процесс формирования бренда и управления им. Он включает процесс создания бренда, его усиление, продвижение, обновление, возможное репозиционирование, ребрендинг. Территориальный брендинг, как составная часть маркетинговой политики территории, направлен на формирование и поддержание позитивных ассоциаций о территории в целом, ее населении, товарах и услугах, а также изменение негативных стереотипов. К примеру, с конца 80-х гг.

XX в. Кавказ прочно ассоциируется с очагом социально-политической напряженности и конфликтов. Поэтому в контексте маркетинговой стратегии организации и проведения зимних Олимпийских игр важно было улучшить имидж региона, перенеся акценты на иные компетентностные характеристики Кавказа как территории Юга России, где создана уникальная инфраструктура для спорта, отдыха и развлечений.

Цель брендинга территории состоит в обеспечении присутствия бренда территории в информационном коммуникативном внутреннем и внешнем пространстве; узнаваемость бренда территории, влиятельности территории, притока финансовых ресурсов, трансляции территориальных событий и т.д. К примеру, со времени выбора столицы Олимпийских игр 2014 г. бренд территории города Сочи стал креативным источником для потенциального множества маркетинговых, рекламных и PR идей и акций, которые могут быть воплощены в разнообразных формах при сохранении целостности образа. Таким образом, сердцевина бренда в том, что он – «точка роста территории» [2]. За счет использования инструментов брендинга территория, как продукт, получает дополнительную потребительскую ценность, которая создает привлекательность и исключительность территории в глазах потребителей, что может влиять на увеличение их числа, а также на повышение цены самой территории.

Целью данного исследования является философско-культурологический анализ и интерпретация образов и символов российской части территории Кавказа, которые могут быть положены в основу формирования территориального бренда этого региона.

В современную эпоху формируется образ Кавказа, который имеет социокультурное, этнорелигиозное и политико-экономическое измерение. Во-первых, Кавказ является самым полиэтничным и поликультурным регионом нашей страны. Языки народов Северного Кавказа относят к трем большим языковым семьям: северокавказской, алтайской (тюркская группа) и индоевропейской (иранская, славянская и армянская группы). Здесь проживают народы, имеющие самобытные культурные традиции, ценности и нормы, придерживающиеся разных религиозных направлений. Доминирующая роль ислама и православия обусловила религиозную специфику этого региона. Живущие здесь русские, казаки, украинцы, белорусы, часть осетин исповедуют православие; адыгейцы, абазины, черкесы, часть осетин, кабардинцы, балкарцы,

карачаевцы, ногайцы, северокавказские турмены – мусульмане-сунниты ханафитского мазхаба (толка); почти все народы Дагестана, чеченцы и ингуши – мусульмане-сунниты шафиитского толка. Представители шиитского направления ислама живут в Южном Дагестане. Северокавказские армяне придерживаются монофизитства (армяно-григорианского церковь). Во-вторых, Кавказ – важный с геополитической точки зрения регион. Здесь граничат Краснодарский, Ставропольский края, Ростовская область, национальные республики Северного Кавказа, Армения, Азербайджан, Грузия, Абхазия, Южная Осетия. Это точка пересечения важных торговых, транспортных линий и направлений. В новое и новейшее время Кавказ был и остается важным геополитическим форпостом, за который шли многочисленные войны и сражения (русско-турецкая война 1768–1774 гг., битва за Кавказ в 1942–1943 гг., чеченский кризис в конце XX века). Северный Кавказ – арена столкновения политических, военных, экономических и иных интересов. Все это требует глубокого изучения роли этого региона в истории мировой цивилизации.

Формирование образа Кавказа происходит как в недрах самой культуры региона, так и на уровне национальной культуры России. При этом этот образ складывается как в толще народной культуры, так и в современной массовой культуры. СМИ широко используется образ Кавказа в самых разных контекстах. В торговом и рекламном контекстах он предстает как уникальный географо-климатический регион с особым горным рельефом, теплым климатом, уникальной флорой и фауной. Это место, где растут фрукты и овощи, производят вина, которые поставляются на рынки многих городов. Кавказ – всероссийская здравница: здесь расположены санатории и пансионаты, базы отдыха и спортивно-оздоровительные комплексы. В контексте маркетинговых коммуникаций слоган «Сочи – это Кавказская Ривьера» транслирует образ Сочи как крупнейшего курорта Черноморского побережья Кавказа.

В политическом контексте образ Северного Кавказа часто выступает как самый сложный регион Российской Федерации с точки зрения социально-экономического развития, осуществления государственного управления, а также обеспечения национальной безопасности. Как очаг постоянной напряженности и военных конфликтов Кавказ представляется западному сознанию. В рамках западной культуры складывается во многом негативный образ Кавказа, включающий разного рода этнокультурные стереотипы и

предрассудки, не вполне соответствующие реальности. Поэтому обращение к изучению образа Северного Кавказа в восприятии представителей разных культур (как на российском, так и международном уровне) позволяет более глубоко познать сущность механизмов, с одной стороны, способствующих взаимопознанию культур, а с другой стороны, содействующих возрастанию роли коммуникативных барьеров, тормозящих адекватность понимания сущности этнорелигиозных, социокультурных явлений и процессов на Кавказе. Назрела необходимость в социально-философском и историко-культурном осмыслении сложной системы взаимодействий, в которых находятся различные социальные, политические и экономические субъекты взаимодействия в кавказском регионе.

В историко-культурной перспективе формируется сложный и многогранный образ Кавказского региона. Образ региона является основой для создания модели, предназначенной для прояснения специфики явлений и процессов, происходивших и происходящих в регионе. Модель Кавказа обладает сложной структурой, которая может быть типологизирована по разным признакам: географическому (Северный Кавказ, Центральный Кавказ, Закавказье); политико-территориальному (Северо-Кавказские республики в составе Российской Федерации, Южная Осетия, Абхазия, страны Закавказья); культурному (самобытность традиций художественной культуры, музыки, быта, кулинарии и т.д.); этническому (русские, казаки, северокавказские народы и др.); религиозному (православные, мусульмане, буддисты и др.). Модель имеет статистическую и динамическую природу. С точки зрения статики, модель Кавказа неизменна, а именно в образно-символическом контексте она является выражением традиционно транслируемых идей, понятий, ценностей, стереотипов. С точки зрения динамики, модель Кавказа изменяется в процессе своего историко-культурного и социально-политического развития. Выделение в модели Кавказа статического и динамического элементов, позволило выявить, что те символы и их смыслы, которые традиционно ассоциируются с Кавказом, в современный период отчасти сохраняют свои культурные смыслы, отчасти их теряют (в результате искажения в контексте продукции массовой культуры, секуляризации общественной жизни), отчасти замещаются новыми символами в угоду тех или иных социальных групп, пропагандирующих определенные идеалы и ценности и ищущих символы для их воплощения.

Кавказ, как определенная образно-символическая модель, являет себя в конкретных образно-символических формах – это мифологические, этнические, социальные, религиозные, художественные, политические (в том числе государственные) символы. Эти символы имеют определенные традиции в интерпретации в рамках этнокультурных и религиозных контекстов (в этом случае проявляется эзотерический аспект символов, выражающий определенные смыслы, идеалы и ценности). Экзотерический аспект символов (здесь символ выступает как форма для выражения общедоступных значений) проявляется в том, что вырванные из своего традиционного контекста, они профанируются в рамках современной массовой культуры и рекламы. Более того, они широко используются политическими и религиозными группами в целях манипуляции массовым сознанием. Поэтому культурно-этнографическое изучение значений и смыслов основных политических, культурных и религиозных символов народов Кавказа способно стать определенным вкладом в изучение глубинных основ культур кавказских народов. Философско-культурологический анализ символов этнических социальных групп Кавказского региона позволяет выявить универсальные символы Кавказа. Кавказ является одним из очагов зарождения человеческой цивилизации. Ю.А. Жданов назвал Кавказ «солнечным сплетением Евразии». Кавказ свился родиной пшеницы. В мировых религиях и мифологии с ним связан Ноев ковчег. Здесь родился античный герой могучий Геракл. У морских берегов Одиссей искал золотое руно. К горе на Кавказе был прикован Прометей, подаривший огонь людям. Среди универсальных символов Кавказа можно назвать – солнце, башню, меч, орла, зеленый цвет [3]. Таким образом, территория, обладающая богатым культурным прошлым, значительно быстрее поддается брендированию благодаря актуализации своего ценного наследия. Историко-символический капитал наполняет территорию уникальными смыслами и образами. Важное значение приобретают не только исторические события, но и мифы, легенды, исторические личности, имеющие отношения к данной территории. Территория – «нематериальный актив, сила бренда которого зависит от того, насколько точно сформулированы уникальные свойства территориального бренда, представляющие определенные выгоды потребителя» [4].

Понятия образ, символ, имидж, находясь в диалектическом взаимодействии, дополняют друг друга и позволяют

более глубоко и целостно раскрыть понятие бренда. Образ территории – это представление об объекте, некая «картинка», которая формируется на основе непосредственного чувственного восприятия территории. Образ территории может быть вызван из памяти через такие определенные символические изображения. Именно знаки и символы очень успешно применяются для образного позиционирования региона в сознании потребителей. При создании общего имиджа региона происходит его наполнение конкретными символами – образами природы, элементами истории, местным фольклором и традициями, сформировавшимися стереотипами.

С целью анализа проблемы формирования бренда российской части Кавказа автором был осуществлен социологический опрос среди студентов одного из Ростовских вузов в ноябре 2013 г. В опросе прияло участие 139 человек в возрасте от 18 до 22 лет. Результатами проведенного исследования стали следующие авторские выводы, послужившие основой для моделирования культурно-символического образа Кавказа в современном российском обществе

Бренд территории связан рамками географии, поэтому должен выражать геополитическую миссию территории. Так, Кавказ у 86 % опрошенных ассоциируется с горной системой, только 7 % респондентов связывают образ Кавказа с побережьем Черного моря, 5 % – с городом Сочи. Подавляющее большинство опрошенных (90 %) считают универсальным символом Кавказа гору Эльбрус и только 10 % – Красную поляну. Среди наиболее важных символов названы следующие: башня (16 %), чаша (20 %), кувшин (30 %), оружие (50 %). Среди представителей фауны Кавказа были выделены: орел (83 %), черноморский дельфин (10 %), барс (6 %), медведь (1 %).

Среди брендов, способных стать маркерами Кавказа индустриального региона, можно назвать товары, традиционно производимые традиционно в регионе, а также кухню народов Кавказа. На вопрос «Какие блюда Кавказской кухни Вам наиболее нравятся?» ответы разделились на следующие варианты: шашлык (78 %), хачапури с сыром (37 %), чебуреки с мясом (26 %), аджика (29 %). На вопрос «Какие товары могут служить брендами Кавказа?» респонденты ответили следующим образом: винно-коньячная продукция – 58 %, цитрусовые (апельсины, мандарины, лимоны) – 34 %, сухофрукты (инжир, изюм, хурма) – 25 %, специи – 27 %.

Систематизированный образ Кавказа как региона является своеобразным маркетинговым продуктом, который являет собой символический комплекс, передающий особенности региона через различные коммуникативные каналы. Как и любой продукт, он обладает стоимостью, которая в данном случае выступает как «символическая стоимость» и отражает ценность фирменного знака, торговой марки, логотипа, которые приносят доходы. К примеру, создание единого стиля и дизайна атрибутов Олимпийских игр в г. Сочи позволила укрепить в массовом сознании потребителей определенные образы, знаки и символы, прочно ассоциируемые с идей России как территории проведения зимних Олимпийских игр в 2014 году. Территория рассматривается как «нематериальный актив, сила бренда которого зависит от того, насколько точно сформулированы уникальные свойства территориального бренда, представляющие определенные выгоды потребителя» [5]. Маркетинговая модель Сочи как столицы Олимпийских игр получила широкое распространение и способна принести положительные плоды в рамках продвижения регионального брендинга. Талисманы Олимпиады Сочи-2014 г. у 60 % опрошенных вызывают «позитивные эмоции», у 35 % – «нейтральное отношение», а у 5 % – «отрицательные эмоции». По мнению большинства респондентов (75 %) проведение Олимпийских игр в г. Сочи может повлиять на улучшение международного имиджа России.

Символическая ценность региона представляет своеобразный базис его бренда, на основе которого регионы конкурируют друг с другом, что специалистам следует принимать во внимание при формировании маркетинговых стратегий регионов. Процесс создания и развития территориального бренда есть «объективно необходимый процесс в условиях формирования экономики символического обмена, в которой обмениваются не только товары, сколько символы, в том числе в виде брендов, которые придают имеющему их субъекту определенный социальный статус, формируют репутацию и имидж, социальную ценность и значимость» [6]. Бренд территории, выраженный символом, становится участником коммуникативного международного маркетингового пространства [7].

Таким образом, образно-символическая модель Кавказа как территории – это уникальная система образов и символов, образно-чувственная и идейно-смысловая специфика которых обусловлена природно-географическими, историко-этническими, социально-экономическими и духовно-культурными факторами ставшими широко известными за пределами данной территории. Применительно к стране маркетинг ориентирован на повышение ее имиджа, притягательности для других стран, их хозяйствующих субъектов, других социальных институтов и населения, престижа

в международных организациях. Для Кавказа территориальный бренд способен стать конкурентным преимуществом и средством достижения стратегических целей развития региона, а также инструментом реализации социо-культурного потенциала, инноваций и эффективных маркетинговых коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин В. Г., Целых Т. Н. Маркетинг территории: теоретические подходы // Проблемы маркетинга. Режим доступа: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3829
2. Грошев И.В., Шапкина Ю.В. Бренд как «точка роста» территории инновационного развития // Маркетинг в России и за рубежом. № 5 (91). 2012. С. 28–36.
3. Тен Ю.П. Межкультурные взаимодействия на Юге России. Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008
4. Грошев И.В., Степанычева Е.В. Инструменты формирования бренда территории // Маркетинг в России и за рубежом. № 5 (85). 2011.С. 63
5. Грошев И.В., Степанычева Е.В. Инструменты формирования бренда территории // Маркетинг в России и за рубежом. № 5 (85). 2011.С. 63.
6. Тихонова Н. С. Брендинг территории и оценка его эффективности Автореферат….канд-та экономических наук. СПб, 2007. С. 4-5.
7. Тен Ю.П. Кросс-культурные аспекты международной маркетинговой деятельности компаний в современных экономических условиях // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 3. 2013. С. 107–110.

УДК 33

ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СТЕПЕНИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ РЫНКА В ВИРТУАЛЬНЫЙ РЫНОК ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ

Тимирьянова В. М.

ASSESSMENT OF REGIONAL DIFFERENTIATION IN THE DEGREE OF INVOLVEMENT OF MARKET ENTITIES IN A VIRTUAL MARKET FOR CONSUMER GOODS

Timiryanova V. M.

В статье рассматривается связь виртуального рынка и регионального рынка потребительских товаров. предлагается система показателей, оценивающая степень вовлеченности потребителей и предпринимательских структур в виртуальный рынок. результаты оценок сводятся в интегральный показатель, позволяющий определять уровень дифференциации регионов по степени вовлеченности субъектов рынка в виртуальный рынок потребительских товаров.

The article examines the relationship of the virtual market and the regional market of consumer goods. proposes indicators give an assessment of the degree of involvement of consumers and business structures in the virtual marketplace. the results of evaluations are reduced to the integral indicator. it determines the level of differentiation of the regions on the degree of involvement of market participants in the virtual market for consumer goods.

Ключевые слова: виртуальный рынок, региональный рынок потребительских товаров, интернет торговля, региональная дифференциация.

Keywords: virtual market, regional market consumer products, online trade, regional differentiation.

Современный потребитель благодаря развитию информационных технологий и системы грузоперевозок, может приобретать товары в любой точке земли. Несмотря на четкое понимание наличия интернет торговли исследования в этом направление проводятся пока довольно узко. Усилия направлены на конкретизацию определений «электронная коммерция», «интернет-торговля», «интернет-магазин», на совершенствование регулирования Интернет-торговли [1, 3, 4]. В силу относительно недавнего начала развития Интернет-торговли исследования пока носят фрагментарный характер, и преимущественно касаются непосредственно развития электронной коммерции, интернет торговли [5].

Проведенный анализ работ в данной тематике подчеркивает необходимость уточнения отдельных понятий. В первую очередь мы считаем необходимым выделение виртуального и удаленного рынков потребительских товаров.

Пещанская И.В. исследуя «виртуальные рынки» указывает на то, что «они формируются на основе электронных сетей и имеют следующие признаки: удаленность участников в пространстве друг от друга; круглосуточность; связь между участниками рынка через компьютерные сети; равный доступ к информации для всех участников; диалоговый режим общения; сведение к минимуму времени на совершение сделок». Она отмечает, что «все перечисленные выше признаки и делают рынки виртуальными, то есть создающими эффект реального присутствия их участников в одном месте» [7].

Анализ определений, дающихся в толковых словарях Ожегова С.И. и Ушакова Д.Н., позволяет говорить, что виртуальный рынок отражает только часть процессов, протекающих на рынке потребительского товара, затрагивающих только те что осуществляются в сети интернет, в том числе с виртуальным товаром.

Понятие «дистанционная торговля» шире понятия «торговля на виртуальном рынке», и оно включает и торговлю по каталогам распространяемым и не через сети интернет. Часть предприятий виртуального рынка располагается на удаленном рынке, часть может являться предприятиями изучаемого локального рынка. На удаленном рынке потребительских товаров могут быть представлены как виртуальные, так и реальные предприятия, в том числе реализующие товары дистанционным способом по каталогам, образцам и прочее.

Анализ определений, дающихся в толковом словаре Ожегова С.И. и в малом академическом словаре показал, что рынок потребительских товаров к которому обращается потребитель дистанционным способом целесообразнее обозначать как удаленный рынок потребительских товаров. При этом виртуальный рынок потребительских товаров с одной стороны является как частью удаленного рынка потребительских товаров, так и локального рынка. Дело в том, что часть предприятий, функционирующих на виртуальном рынке, по сути могут находиться в рамках исследуемого локального рынка. Удаленным рынком может называться любой другой рынок находящийся вне географических границ исследуемого локального рынка потребительских товаров.

Региональный рынок потребительских товаров определяется нами как система взаимосвязанных отношений, развивающихся между оптовыми и розничными продавцами и покупателями в рамках сложившейся рыночной инфраструктуры, направленная на получение эффектов участниками воспроизводственного процесса, являющаяся частью хозяйственного комплекса региона и структурно связанная с другими рынками.

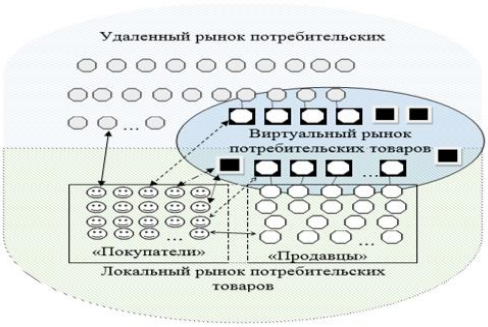

Рисунок 1. Совокупность отношений на рынке потребительских товаров

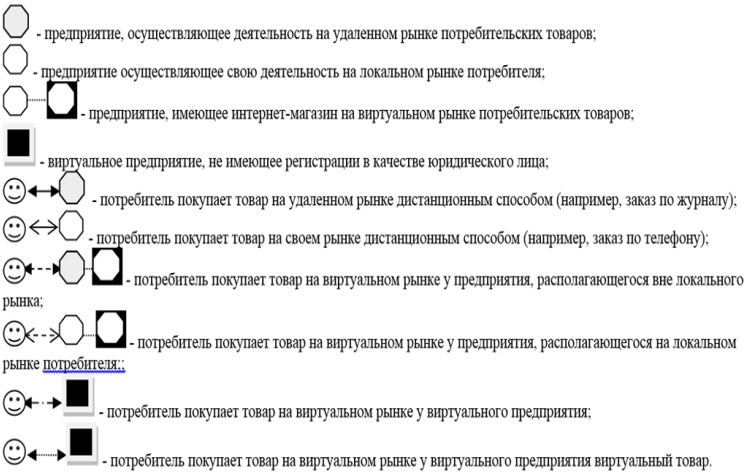

Рисунок 2. Структура рынка потребительских товаров

Виртуальный рынок потребительских товаров определяется нами как система взаимосвязанных отношений, развивающихся между оптовыми и розничными продавцами и покупателями посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, направленная на получение эффектов участниками воспроизводственного процесса.

Удаленный рынок потребительских товаров определяется нами как система взаимосвязанных отношений, развивающихся дистанционным способом между оптовыми и розничными покупателями и продавцами, находящимися вне географических границ локального рынка потребительских товаров покупателя, направленная на получение эффектов участниками воспроизводственного процесса

В литературе довольно широко обсуждается сложившаяся региональная дифференциация [2]. При этом региональная дифференциация в развитии интернет торговли исследована слабо. Преимущественно она сводится к структурной оценке уровня развития. На этом фоне выделяется работа Крутякова А.С. в которой осуществлено «сравнение показателей развития интернета по округам», и осуществлена попытка моделирования путем построения регрессионных моделей оценки «влияния доступности Интернета в регионах на количество интернет-магазинов» и «влияния Интернет-активности населения на количество интернет-магазинов» [4].

В значительной степени не разработанность инструментов оценки региональной дифференциации в развитии Интернет-торговли связана с отсутствием соответствующих статистических данных.

Анализ научных работ, имеющейся статистической информации показал не проработанность инструментов оценки развития и региональной дифференциации интернет торговли потребительскими товарами. Еще в меньшей степени исследованию подвергалась динамика развития виртуального рынка потребительских товаров и практически неисследованной является региональная дифференциация по уровню вовлеченности субъектов рынка в виртуальный рынок и уровню связанности регионального рынка потребительских товаров с виртуальным рынком.

Вовлеченность субъектов в виртуальный рынок должна оцениваться отдельно для продавцов и покупателей. Для первых это вовлеченность предприятий в торговлю на виртуальном рынке, для вторых это вовлеченность потребителей в приобретение товаров через виртуальный рынок. Самым информативным показателем, показывающим уровень вовлеченности субъектов регионального рынка потребительских товаров в виртуальный рынок конечно может стать для первых Доля товарооборота предприятий на виртуальном рынке в совокупном товарообороте предприятий регионального рынка потребительских товаров, и для вторых Доля приобретенных товаров на виртуальном рынке в общих расходах на товары населения. Однако необходимой статистической информации найти невозможно. Поэтому здесь возможна только экспертная оценка и социологический опрос.

Показателями, оценивающими вовлеченность предприятий в виртуальный рынок на наш взгляд также могут стать доля предприятий, имеющих сайт - для такой оценки может быть использована информация, собираемая ФСГС. Недостатком показателя является то, что в нем учитывается информация по всем видам деятельности; доля организаций, использующих сеть Интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), в общем числе организаций- для такой оценки может быть использована информация, собираемая ФСГС. Недостатком показателя является то, что в нем учитывается информация не только по предприятиям торговли;удельный вес организаций использовавших Интернет по субъектам Российской Федерации в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта Российской Федерации- для такой оценки может быть использована информация, собираемая ФСГС.

Недостатком показателя является то, что в нем учитывается информация по всем видам деятельности; количество сообществ интернет-магазинов в социальных сетях к общему числу предприятий и индивидуальных предпринимателей в торговле – для такой оценки может быть использована информация таких сообществ как Vkontakte.ru, Odnoklassniki.ru и ФСГС; количество сайтов группы «Товары и услуги» привязанных к региональному рынку потребительских товаров по версии liveinternet.ru к общему числу предприятий и индивидуальных предпринимателей в торговле для такой оценки может быть использована информация, собираемая Liveinternet.ru и ФСГС. Показатель имеет погрешность в силу неполного охвата сайтов; количество сайтов группы «Товары и услуги» привязанных к региональному рынку потребительских товаров по версии liveinternet.ru к общему количеству сайтов группы «Товары и услуги» России; доля зарегистрированных доменных имён региона в общем объеме зарегистрированных доменных имён РФ - для такой оценки может быть использована информация собираемая Координационным центром национального домена сети Интернет; доля зарегистрированных доменных имён региона в общем объеме зарегистрированных доменных имён РФ по отношению к доле региона в общей численности населения РФ – данный показатель является поправочным к предыдущему. В отличие от предыдущего показателя он учитывает размер рынка, в силу чего оценка вовлеченности предприятий показывает какая доля предприятий региона вовлечена в виртуальный рынок; количество зарегистрированных доменных имен к численности предприятий и предпринимателей - для такой оценки может быть использована информация собираемая Координационным центром национального домена сети Интернет и ФСГС.

Чем выше значение по представленным показателям, тем сильнее региональный рынок связан с виртуальным рынком, вовлечен в его развитие. Помимо предприятий, на развитие виртуального рынка влияют покупатели. Чем больше они предпочитают покупать товары на виртуальном рынке, тем сильнее развитие регионального рынка связано с развитием виртуального рынка.

Показателями, оценивающими вовлеченность потребителей в виртуальный рынок на наш взгляд могут стать число запросов «интернет-магазин» в поисковой системе Yandex.ru к общей численности населения регионального рынка потребительских товаров – для такой оценки может быть использована информация, собираемая Yandex.ru и ФСГС. Показатель имеет погрешность в

силу неполного охвата сайтов; количество уникальных посетителей сайтов относящихся к группе «Товары и услуги» за день определяемое Liveinternet.ru к общей численности населения регионального рынка потребительских товаров – для такой оценки может быть использована информация, собираемая Liveinternet.ru и ФСГС. Показатель имеет погрешность в силу неполного охвата сайтов; среднее количество подписчиков 10 самых больших сообществ интернет-магазинов в социальных сетях к численности жителей региона – для такой оценки может быть использована информация таких сообществ как Vkontakte.ru, Odnoklassniki.ru и ФСГС; объем информации (передаваемой и/или принимаемой) при оказании услуги доступа к информации с использованием инфокоммуникационных технологий к численности населения – информация предоставляется ФСГС. Недостатком является то, что здесь учитывается весь объем информации, передаваемой с использованием инфокоммуникационных технологий, не только связанной с отбором и приобретением информации. По сути показатель косвенно указывает на то насколько развит интернет в регионе; объем грузов, перевезенных автомобильным транспортом Почты России к численности населения – информация предоставляется ФСГС. Недостатком является то, что здесь учитывается весь объем перевезенной почты, а не только грузов, связанных с доставкой товаров, приобретённых через интернет. По сути показатель косвенно указывает на то сколько грузов поступает почтой из других регионов. Применение данного показателя на наш взгляд возможно в силу того, что основная часть товаров, покупаемых потребителями через интернет доставляется именно Почтой России; доля посетителей сайтов в соответствующей доменной зоне определяемое по IP-адресу посетителя сайта к доле численности населения региона в РФ - информация предоставляется ФСГС и Координационным центром национального домена сети Интернет на основе отчёта сформированного на основании данных счётчика Openstat, размещённого на сайтах анализируемой доменной зоны. «По оценкам Openstat в неё попадает от 80 до 95% пользователей Рунета, что даёт высокую репрезентативность статистики при анализе её в относительных величинах» [6].

Уровень региональной дифференциации по уровню связанности регионального рынка потребительских товаров с виртуальным рынком может определяться по следующему показателю:

,

где A_{ij} и $\bar{A}_j$ - соответственно значение по j-му показателю на i-м локальном рынке и в среднем по региону;

Kj – коэффициент весомости j-го показателя, определяемый экспертным путем.

Проведенные расчеты показали, что субъекты Приволжского федерального округа в большей степени дифференцированы по вовлеченности покупателей в приобретение товаров на виртуальном рынке. Если дифференциация показателей вовлеченности предприятий составляла 46%, то здесь значение составляет 56,3%.

В целом региональная дифференциация по уровню связанности регионального рынка потребительских товаров с виртуальным рынком в Приволжском Федеральном округе составляет 51%. Наличие такой дифференциации требует разработки соответствующих инструментов для ее сглаживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валигурский С. Д. Организационно-экономические осовы формирования и развития интернет-торговли: Автореф. дис. канд. экон. наук. – Москва, 2012.

2. Иванова М.В. Региональное развитие в контексте пространственной экономики // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №6. С.90-102

3. Козье Д. Электронная коммерция: Пер. с англ. — Москва: Издательско-торговый дом Русская Редакция. 1999.

4. Крутякова А. С. Развитие и регулирование дистанционной торговли: Автореф. дис. канд. экон. наук. – Санкт-Петербург – 2011

5. Особенности и тенденции развития интернет-торговли (на примере рынка бытовой техники и электроники) / отв. ред. серии В. В. Радаев; Гос. ун-т — Высшая школа экономики; Лаб. экон.-социол. исслед. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

6. Официальный сайт «Координационный центр национального домена сети Интернет» [Сайт]. URL: http://www.cctld.ru/ru/

7. Пещанская И. В. Рынок как коммуникативная система и его развитие в информационном обществе: Монография. [Электронный ресурс]. URL:http://disserwork.narod.ru/glava42.html

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРОН ИРИНА СТАНИСЛАВОВНА - кандидат психологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет».
Адрес: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, площадь Ленина, д. 3.

ВОРОНКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – доктор медицинских наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, д.11

ГОГИЧЕВ ЧЕРМЕН ГЕРСАНОВИЧ - кандидат филологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».
Адрес: 117997, г.Москва, Стремянный переулок, д.36.

ДЕНИСЕНКО СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА - соискатель, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный Федеральный Университет»
Адрес: 344006, г.Ростов-на-Дону, ул.Большая Садовая, д.105/42

ДЖИОЕВА ДЗЕРАССА АПОЛЛОНОВНА – кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горский государственный аграрный университет»
Адрес:362040, Республика Северная Осетия-Алания, г.Владикавказ, ул. Кирова, д. 37.

ДМИТРИЕВА ВАЛЕРИЯ ДМИТРИЕВНА – аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ростовский государственный экономический университет»
Адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д.69

ЗАХАРОВ ДАНИЛА СЕРГЕЕВИЧ – соискатель, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» Северо-Кавказский научный центр высшей школы

Адрес: 344006. г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.
ИВУШКИНА ЕЛЕНА БОРИСОВНА - доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донской государственный технический университет»
Адрес: 346500 г.Шахты, ул.Шевченко, д. 147
ИЗМЕРОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ - кандидат социологических наук, Краснодарский филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Адрес: 350051, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Шоссе Нефтяников/ул.им. Федора Лузана, д.32/34
КОРЫТИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горский государственный аграрный университет»
Адрес: 362040, Республика Северная Осетия-Алания, г.Владикавказ, ул. Кирова, д. 37.
КУЛАЧКОВ ВАДИМ ВИТАЛЬЕВИЧ - кандидат исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Брянская государственная инженерно-технологическая академия».
Адрес: 241037, г. Брянск, просп. Станке Димитрова, д.3
КУШНИР ИРИНА БОРИСОВНА - кандидат экономических наук, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждение высшего профессионального образования «Донской государственный технический университет»
Адрес: 346500 г.Шахты, ул.Шевченко, д .147
МАКСИМЕНКО ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА - кандидат педагогических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, д.11
МУСТАФАЕВ ФАРИД МУСТАФАЕВИЧ – кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального

образования «Дагестанский государственный педагогический университет».
Адрес: 367003, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, д.57.
ПАЛАМАРЧУК АМАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный лингвистический университет», Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, д.9
СТАДУЛЬСКАЯ НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, д.11
СТРАДАНЧЕНКО АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА - старший преподаватель, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донской государственный технический университет»
Адрес: 346500 г.Шахты, ул.Шевченко, д. 147
ТЕН ЮЛИЯ ПАВЛОВНА – доктор философских наук, профессор, Ростовский филиал государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская таможенная академия»
Адрес: 344002, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, просп. Буденновский, д. 20
ТИМИРЬЯНОВА ВЕНЕРА МАРАТОВНА - кандидат экономических наук, Уфимский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет».
Адрес: 450080, г.Уфа, ул. Менделеева, 177/3
ТЮРЕНКОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА - кандидат педагогических наук**,** государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ставропольский государственный педагогический институт»
Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина 417 а.

ХУСАИНОВА НУРГУЛЬ БАЙРАМАЛИЕВНА – аспирант, государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ставропольский государственный педагогический институт»
Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 417 а.
ШЕВЧЕНКО АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – докторант, федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес: 350005 г. Краснодар ул. Ярославская, д.12
ШУМАКОВА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ставропольский государственный педагогический институт»
Адрес: 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина д. 417 а.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте *redsov@mail.ru.*

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см.сайт *www.cegr.ru*).

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: *www.teacode.com.* название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210х297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта–14 кегль, Times Roman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc. и rtf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименования; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы. Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, С.15].

Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. rtf ». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, риС. 1.jpg», «Петров, риС. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

Научно-теоретический журнал
«Экономические и гуманитарные
исследования регионов» № 2 2014 г.

Учредитель: «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д.109. Подписано в печать 29.03.2013. Формат 340х245. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии ЗАО «Центр Универсальной Типографии». Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 201.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.